

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Мензаирова Екатерина Алексеевна

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ
«ЛЮБОВЬ» И «ЖЕНЩИНА»
В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор А.Х. Мерзлякова

Введение.....	4
ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	10
1.1 Общие положения теории концепта.....	10
1.2 Лингвокультурологический подход к исследованию концепта.....	22
1.3 Возникновение и основные направления лингвистической гендерологии.....	29
1.4 Понятие гендерного стереотипа и репрезентация пола в языке.....	39
1.5 Своеобразие французского песенного текста как вида дискурса.....	48
Выводы к Главе I.....	61
ГЛАВА II ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ «ЛЮБОВЬ» И «ЖЕНЩИНА» В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	63
2.1 Концепты «любовь» и «женщина» в творчестве Сержа Генсбура.....	63
2.2 «Любовь» как лингвокультурный эмоциональный концепт.....	70
2.3 Концепт «любовь» в разноязычных культурах.....	77
2.4 Вербализация концепта «любовь» в индивидуальной концептосфере.....	99
2.5 Концепт «женщина» в культурологическом и лингвистическом аспектах.....	107
2.6 Концепт «женщина» в разноязычных культурах.....	118
2.7 Вербализация концепта «женщина» в индивидуальной концептосфере.....	139
Выводы к Главе II.....	151

Заключение.....	153
Список литературы.....	157
Словари.....	179
Источники иллюстративного материала.....	181
Приложения.....	183

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено анализу концептов «любовь» и «женщина», которые, с одной стороны, как базовые концепты любого языка аккумулируют в себе исторический опыт той или иной этнокультуры, с другой стороны, реализуясь в концептосфере отдельного индивида, проявляют себя как индивидуальные. Создание таксономической модели данных концептов и их лингвокультурологический анализ позволяют определить ментальные приоритеты нации и отдельной личности. Указанные концепты не только занимали лучшие философские умы человечества в течение тысячелетий, но и являются основными в духовной и светской жизни общества, определяя нормы его поведения на уровне этики. Более того, ценностная составляющая концептов дает возможность изучить модель поведения представителей иноязычной культуры и определить пути взаимодействия между культурами. В нашем исследовании мы также обращаемся к изучению данных концептов с точки зрения их гендерных особенностей, а именно, мы рассматриваем концепты «любовь» и «женщина» с мужской точки зрения, которая ярко проявляется в песенных текстах. Обращение к песенному дискурсу оправдано тем, что именно в песне наиболее полно раскрывается эмоциональная составляющая сознания индивида, его отношение к окружающим и к себе.

Все вышесказанное определяет **актуальность** настоящей диссертационной работы. Кроме того, она обусловлена рядом следующих факторов:

- 1) высокая значимость лингвокультурных концептов «любовь» и «женщина» для концептосферы человечества;
- 2) необходимость изучения лингвистической реализации концепта «любовь» и концепта «женщина» в конкретном виде дискурса, а именно в песенном дискурсе;

3) недостаточность существующих исследований содержания и структуры вышеупомянутых концептов во французском песенном дискурсе.

Целью исследования является лингвокультурный и гендерный анализ концептов «любовь» и «женщина» в индивидуальной концептосфере на примере песенных текстов французского автора и исполнителя Сержа Генсбура.

Названная цель предопределяет постановку следующих **задач**:

1. Обзор и анализ теоретических положений таких разделов современной лингвистической науки, как лингвокультурология, концептология и гендерология.

2. Изучение концептов «любовь» и «женщина» с точки зрения их философско-психологической, культурологической и лингвистической актуализации в истории мировой культуры.

3. Анализ словарных и литературных источников для определения содержания вышеназванных концептов во французской и русской лингвокультуре.

4. Отбор корпуса единиц, вербализующих концепты «любовь» и «женщина» в песенном дискурсе Сержа Генсбура.

5. Изучение лингвистической актуализации искомых концептов в песенном дискурсе Сержа Генсбура, формирование номинативного поля концептов «любовь» и «женщина».

Объектом исследования являются лингвокультурные концепты «любовь» и «женщина» в разноязычных культурах.

Предметом исследования является лингвистическая актуализация концептов «любовь» и «женщина» в песенном дискурсе.

Выбор предмета исследования мотивируется целями и задачами. В качестве объекта лингвистического анализа взят лексикографический материал, системно представляющий лексико-семантическое поле репрезентантов концептов, художественные тексты, представляющие наиболее значимые с духовной точки зрения произведения литературы, а

также тексты песен Сержа Генсбура. Лексикографический материал представляет концепты в статичном виде, помогает увидеть семантическую и деривационную продуктивность репрезентантов концептов в полном объеме. Литературные произведения и тексты песен актуализируют функциональный метод исследования, позволяя увидеть ментальные предпочтения этноса в конкретный исторический период, семантически детализирует культурологическую картину. Обращение к текстам Сержа Генсбура обосновано тем, что он является известным автором-исполнителем XX века, оказавшим огромное влияние не только на развитие песенной культуры Франции, но и на формирование мировоззрения целого поколения французов. Его песни способствовали распространению новых идей в молодежном движении XX века.

Методологическую базу настоящего исследования составили научные труды:

- по проблемам концептологии – Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.Н. Колесов, Е.С. Кубрякова, А.Х. Мерзлякова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина;

- по теории гендерных исследований – Е.И. Горошко, Е.С. Гриценко, А.В. Кирилина, Р. Лакофф;

- по теории дискурса – Т.А. Ван Дейк, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, П. Серио Г.Г. Слышкин;

- по теории лингвокультурологии – А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, С.Г. Воркачев, В.Г. Костомаров, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин.

В процессе исследования применялись традиционно лингвистические **методы и приемы**, позволившие детально изучить концепты «любовь» и «женщина» во французской лингвокультуре и их отражение в песенном дискурсе. В первую очередь, мы использовали метод дефиниционного анализа лексических единиц, объективирующих концепты «любовь» и «женщина». Затем, мы сформировали номинативное поле концептов, в

котором были выделены ядро и периферия. Также был применен метод контекстуального анализа ключевого слова и метод построения лексико-фразеологического поля ключевого слова. В итоге были смоделированы концепты «любовь» и «женщина» во французской и русской лингвокультурах и прослежена их языковая реализация в индивидуальной концептосфере.

Научная новизна исследования заключается в разработке методики анализа лингвистической реализации концептов, в определении динамики статуса компонентов концептов в индивидуальной концептосфере, а также в сочетании гендерного и лингвокультурологического подходов к анализу индивидуальной концептосферы.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии теоретических основ концептологии с учетом данных гендерной лингвистики.

Практическая значимость. Результаты исследования могут найти применение в педагогической деятельности, в частности, в курсах общего языкознания, лингвокультурологии, концептологии, а также в курсе интерпретации текста. Методика исследования может быть применена к исследованию других индивидуальных концептов на материале разножанровых и разноязыковых текстов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Анализ языковой реализации культурных концептов позволяет раскрыть как общие закономерности строения национальной концептосферы, так и особенности модели культурных концептов в индивидуальной концептосфере.

2. К числу общих закономерностей строения индивидуальной концептосферы относится наличие в ней концептов, наиболее значимых для национальной концептосферы, в частности концептов «любовь» и «женщина».

3. Анализ репрезентации культурных концептов «любовь» и «женщина» в индивидуальной концептосфере позволяет сделать вывод об

индивидуальном варьировании концептов. Оно затрагивает содержание предметного слоя, оценочный знак концепта, статус компонентов концептов: ядерные компоненты национального концепта могут перейти в разряд периферийных и наоборот, а некоторые компоненты могут не найти свое отражение в индивидуальных концептах.

4. Гендерный подход к исследованию искомых концептов дает возможность, с одной стороны, подтвердить распространенное в гендерной лингвистике мнение о том, что язык отражает мужской взгляд на действительность, с другой стороны, показать, что индивидуальные концепты являются гендерно обусловленными.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры романских языков факультета профессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета и представлены в докладах и материалах международных и региональных научно-практических конференций.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Особенности песенного дискурса // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2009 . – № 9. – С. 216–218.

2. Лексическая и грамматическая реализация концепта «femme» в песенных текстах Сержа Гинзбурга // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 13. – С. 150–152.

Статьи и материалы докладов, опубликованные в сборниках научных трудов и материалах научно-практических конференций:

3. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах // Проблемы повышения профессиональной компетентности преподавателя в контексте инновационных процессов в образовании: материалы и тезисы Респ. науч.-практ. конф., Ижевск, 5 нояб. 2007 г. / Удмурт. гос. ун-т, фак. проф. иностр. яз. – Ижевск : Изд-во «Удмурт. ун-т», 2007. – С. 232–238.

4. Песня как объект лингвокультурологического изучения // Качество образования в сфере преподавания иностранных языков: проблемы, критерии и методы оценивания: материалы и тез. науч.-практ. конф., Ижевск, 24-25 апр. 2008 г. / Удмурт. гос. ун-т, фак. проф. иностр. яз.; под ред. Г. С. Трофимовой. – Ижевск : Изд-во «Удмурт. ун-т», 2008. – С. 37–40.

5. Взаимодействие лингвистического и культурологического аспектов в песне // Вестник Ижевского филиала Российского университета кооперации. – 2008. – № 1. – С. 90–92.

6. Песенный текст как вид дискурса // Язык. Культура. Коммуникация: материалы III междунар. заоч. науч.-практ. конф., Ульяновск, март 2009 / отв. ред. С. А. Борисова. – Ульяновск : Изд-во : УлГУ, 2009. – С. 292–296.

7. Актуализация категорий фемининности и маскулинности в речи // Dynamika naukowych Badan – 2009: materialy V miedzynarodowej naukowipraktycznej konferencji, 07-15 lipca 2009 roku. – Przemysl : Nauka i studia, 2009. – V. 8. Filologiczne nauki, Muzyka i zycie. – С. 49–52.

8. Реализация особенностей мужского и женского речевого поведения // Актуальные проблемы лингвистики: сб. науч. ст. / ГОУВПО УдГУ; сост. А.Х. Мерзлякова; отв. ред. А.Х. Мерзлякова. – Ижевск : Изд-во «Удмурт. ун-т», 2009. – Вып. 8. – С. 128–131.

9. Функционально-стилистическое своеобразие песенного текста Сержа Гинзбурга «Le poinçonneur des Lilas» // Научное пространство Европы – 2010: международная научно-практическая конференция, 17-25 апреля. – Болгария: Изд-во : «Наука и образование», 2010. – С. 34–37.

10. Эмоциональный концепт «любовь» во французской лингвокультуре // Актуальные проблемы коммуникации и культуры-11 : сб. науч. ст. / Пятигорский государственный лингвистический университет. – Москва-Пятигорск : Изд-во : ПГЛУ, 2010. – С. 306–311.

ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Общие положения теории концепта

В современной лингвистике активно развивается такое направление, как концептология, основной единицей исследования которой является «концепт». Однако анализ диссертационных работ показывает, что до сих пор наблюдается разнообразие как в употреблении самого термина «концепт», так и в методах его изучения. Это обусловлено тем, что в настоящее время когнитивная лингвистика имеет статус междисциплинарной науки [Попова 2007: 10] и затрагивает такие области как психология, искусствоведение, философия, нейрофизиология и т.д.

Лингвистическая наука не стоит на месте и постоянно ищет новые пути решения своих задач. Сам термин «концепт» утвердился в лингвистике не сразу. В качестве термина когнитивной лингвистики он стал употребляться только с конца 90-х годов XX века. До этого момента лингвисты использовали разнообразные варианты. Например, «зародыш слова» (В.В. Колесов), «смысловый ген значения языкового знака» (Н.Ф. Алефиренко), «квант структурного знания» (И.А. Стернин, З.Д. Попова), «оперативная единица сознания» (Е.С. Кубрякова), «логоэпистема» (Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров).

На сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным оказался термин «концепт», по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования [Воркачев 2003: 5].

Одна из причин терминологического разнообразия и основных расхождений в определении феноменологического статуса концепта в лингвистике обусловлена своеобразными – двойственными – связями

термина «концепт» с иноязычными научными традициями [Бобкова 2007: 14].

Ряд ученых интерпретируют термин «концепт» через отсылку к его латинским корням (Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков и др.). И это неслучайно, резюмирует Ю.Г. Бобкова [Бобкова 2007: 15], так как термин «концепт» в лингвокультурологии сохраняет свои смысловые связи с латинским *conceptum* – «зародыш». Апеллирование к латинским корням концепта есть попытка увидеть преемственность современной лингвистики и философии в осмыслении такого феномена как концепт [Там же: 16]. Ю.Г. Бобкова считает целесообразным придерживаться термина «понятие» применительно к научному знанию и научной картине мира и, следовательно, не смешивать термины «понятие» и «концепт» [Бобкова 2007: 15]. Рассмотрим несколько определений термина «концепт», которые подтверждают его неоднозначный характер. «Концепт – это единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающаяся на более мелкие мысли, то есть элементарная сторона внутреннего слоя» [Чесноков 1967: 173]. Другой лингвист, М.А. Холодная полагает, что концепт – это «познавательная техническая структура, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов» [Холодная 1983: 23]. В данном определении подчеркивается комплексный характер рассматриваемой ментальной единицы. Это подтверждается еще одним определением: концепты – это «смыслы, составляющие когнитивно-базисные подсистемы мнения и знания» [Павиленис 1986: 241].

Р.М. Фрумкина пишет, что, «когда интересы лингвистов, в том числе таких влиятельных ученых, как А. Вежбицкая, стали фокусироваться на проблеме «человека в языке», возникла необходимость задуматься о новом подходе к смыслу как таковому... Интерпретация термина «концепт» стала ориентироваться на смысл, который существует в человеке и для человека, на интер- и интрапсихические процессы, на означивание и коммуникацию»

[Фрумкина 1995: 89]. Таким образом, лингвист принимает определение термина «концепт» А. Вежбицкой, которая относит его к миру «Идеальное». Более того, концепт имеет имя и отражает культурные представления человека о мире.

«Квантом знаний» называет концепт Е.С. Кубрякова. «Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания. Концепт возникает в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает и воображает об объектах мира» [Кубрякова 1996: 90].

Н.Д. Арутюнова говорит о концепте как о понятии практической философии, являющемся результатом взаимодействия ряда таких факторов, как национальная традиция, фольклор, религия, идеал, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей [Арутюнова 1999: 3].

Ю.С. Степанов под концептом понимает «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 40]. Таким образом, концепт можно рассматривать как структуру, отвечающую за сохранение «культурной памяти» слова и этнологической информации, отражающей национальную картину мира языкового социума.

А.П. Бабушкин понимает концепт как любую дискретную содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира и хранимую в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде [Бабушкин 1997: 51].

С.А. Аскольдов-Алексеев дает концепту такое определение: «концепты – это индивидуальные представления, которым в некоторых чертах и признаках дается общая значимость. Концепт есть мысленное

образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Концепт есть образование ума» [Аскольдов-Алексеев 1997: 270].

Д.С. Лихачев в работе «Концептосфера русского языка» говорит о том, что концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным народным опытом человека. «Рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, мы не должны исключать человека..., потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека..., и чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и его «концептосфера», пишет Д.С. Лихачев [Лихачев 1997: 285].

З.Д. Попова, на наш взгляд, дает наиболее полное и точное определение термину «концепт»: это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова 2007: 32].

При любом понимании этого термина, лингвисты единодушны во мнении, что концепт как единица мысли – это способ и результат квантификации и категоризации знания, поскольку его объектом являются ментальные сущности, образование которых в значительной мере определяется степенью их абстракции, тем самым, он не только описывает свой объект, но и создает его.

Будучи многомерным ментальным образованием, концепт имеет три важнейших измерения – образное, понятийное и ценностное. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в

нашей памяти. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить [Концептуализация и смысл 1990: 75].

Н.Н. Болдырев отмечает, что концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов знания» [Там же: 23-24]. Концепт очень подвижен: из разных концептов в процессе общения (передачи информации) человек может формировать новые концепты.

Термин «концепт» является «зонтиковым» [Воркачев 2003: 5], он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений: прежде всего когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации [Кубрякова и др. 1996: 58]. Авторы словаря когнитивных терминов дают свое определение термину «концепт» – это оперативная содержательная единица мышления или квант структурированного знания [Там же: 90].

Таким образом, приведенные трактовки термина «концепт» показывают многоаспектность его значения. Фундаментальные исследования в области определения и анализа содержания термина «концепт» продолжаются, но единый подход в лингвистике пока не найден. Лексемы, реализующие содержание концепта, могут включать семы, отмеченные лингвокультурной спецификой. Это тематическое единство семантического пространства, составляющее содержание концепта и отражающее языковую картину языка, которое можно обозначить термином «концептосфера».

Ученые отмечают, что для формирования концептов и их существования язык сам по себе не требуется. Он нужен для обмена концептами (мыслями) и их обсуждения в процессе общения. Но для этого, в первую очередь, необходимо вербализовать концепты, то есть выразить языковыми средствами. Различные средства репрезентации, то есть выражения, передачи концептов в языке составляют один из основных предметов исследования когнитивной лингвистики [Болдырев 2001: 28]. Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, а может и не иметь его. Одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях представлять в речи разные признаки концепта и даже разные концепты. Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как средства вербализации, языковой репрезентации, языковой объективации концепта.

В языке концепт может быть вербализован отдельными словами или словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и целыми текстами. Для передачи конкретного концепта, связанного с устойчивым чувственным образом, достаточно значения отдельного слова, которое активизирует данный образ. Однако по мере усложнения данных смыслов возникает необходимость активизации дополнительных концептов (знаний) и использования целых словосочетаний и предложений. Абстрактные концепты часто требуют развернутых описаний – научных или словарных дефиниций, текстовых иллюстраций и т.д. [Там же: 28] Каждое слово репрезентирует лишь часть концептуальных характеристик, значимых для коммуникации. В то же время за счет этих характеристик слово включает данный концепт в мыслительную деятельность, обеспечивает к нему доступ, в результате чего могут быть активизированы и другие концептуальные характеристики, которые этим словом непосредственно не передаются.

Актуализация концепта есть его «осуществление; переход из состояния возможности в состояние действительности» [ФЭС 1998: 13]. Лингвисты предлагают понимать актуализацию концепта широко: как оформление в

любых единицах или текстах культуры. Так, отдельное слово в частности и естественный язык в целом, миф, обряд, ритуал, предмет и текст искусства (вербального и невербального) будут считаться актуализаторами концепта. Вербализация концепта, или его оформление в языке и речи (тексте), в этом случае рассматривается как важнейшая разновидность актуализации.

Вопрос об актуализации концепта наиболее дискуссионный в современных лингвокультурологических исследованиях. Это вполне естественно: как правило, именно вербализованный (актуализированный в языке) концепт находит отражение в лингвокультурологических теориях.

Среди имеющихся теоретических и практических разработок средств и способов актуализации концептов условно выделяются несколько подходов: системно-языковые, ассоциативно-вербальные, культурно-семиотические теории актуализации концепта [Бобкова 2007: 31].

Первый подход – это системно-языковые теории актуализации концептов. Согласно этому подходу, культурный концепт актуализируется в разноуровневых языковых единицах. Например, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, С.Г. Воркачев сосредоточили свое внимание на лексике как средстве доступа к культурному концепту; В.И. Карасик и А.П. Бабушкин – на лексике и фразеологии; Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев – на лексике и грамматике; Н.Ф. Алефиренко утверждает принципиальную разноуровневость актуализации концепта.

Основное внимание в рамках традиционной системно-языковой теории актуализации концепта сосредоточено на внутренней стороне языкового знака. Здесь лингвисты выделяют ценностную составляющую культурного концепта. К ценностным лингвистическим формам относятся множественные, в том числе разноуровневые, лингвистические средства для выражения одного смысла, степень разработанности семантической группы (поля), номинативная плотность в пределах тематической группы, формальные и семантические корреляции, семантический, в том числе коннотативный, объем лексем и т.д. [Бобкова 2007: 34]. И далее,

Ю.Г. Бобкова приходит к выводу, что комплексные семантические единицы рассматриваются как лингвокультурологические феномены – как системы актуализаторов культурных концептов [Там же: 37].

Второй подход – это ассоциативно-вербальные теории актуализации концептов. Суть этих теорий состоит в том, что «концепты активизируются в сознании своих носителей путем ассоциаций, то есть по схеме стимул – реакция» [Слышкин 2000: 107]. В конкретном ассоциативно-вербальном поле, равно как и во всей сети, выделяют три уровня абстрактной языковой личности:

- вербально-грамматический уровень свидетельствует о лексической и грамматической правильности;
- прагматический уровень дает представление о мотивации языковой личности;
- когнитивный уровень – это уровень наивно-языковой картины мира, именно он коррелирует с культурным концептом.

Третий подход – это культурно-семиотические теории актуализации концептов. Исследователи исходят из представления о том, что культурный концепт как совокупность культурно-значимых смыслов, представлений, идей может актуализироваться в гетеро- и гомогенных, синхронно-диахронных текстах культуры: в обычаях, обрядах, верованиях и т.д. Обоснование этому подходу мы находим в трудах Ю.С. Степанова (2004), Н.И. Толстого (1995), А.В. Костина (2002), Т.В. Леонтьевой (2004) и многих других ученых. Важнейшими лингвистическими единицами, актуализирующими культурный концепт, признаются единицы лексико-семантического уровня, а также генерализованные высказывания (пословицы, поговорки) и фольклорные тексты, фиксирующие особенности жизненного уклада.

Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющуюся в разных способах вербализации одного и того же концепта.

Способом объективации концептов является речь, национальные культурные тексты, фольклор, фразеологический слой. Для вербализации индивидуально-авторских концептов именно текст является оптимальным средством [Попова, Стернин 2003: 142].

Чаще всего представительство концепта в языке приписывается слову, а само слово получает статус концепта – языкового знака, передающего содержание концепта наиболее полно и адекватно. Однако слово как элемент лексико-семантической системы языка всегда реализуется в составе той или иной лексической парадигмы, образованной лексико-семантическими вариантами этого слова. Концепт, как правило, соотносится более чем с одной лексической единицей [Русская словесность 1997: 227]. Д.С. Лихачев справедливо замечает, что концепт существует не для самого слова, а для каждого словарного значения отдельно. Какое из словарных значений слова замещает собой концепт, выясняется обычно из контекста [Лихачев 1997: 286].

С.А. Аскольдов-Алексеев пишет о том, что «слово, не вызывая никаких художественных образов, создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения», то есть слово создает концепт. Концепт существует в определенной «идеосфере», обусловленной кругом ассоциаций каждого отдельного человека, и возникает как отклик на предшествующий языковой опыт многих людей – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический [Аскольдов-Алексеев 1997: 269].

Исследователи выделяют два основных компонента значения – общеязыковой и индивидуальный. Д.С. Лихачев, в частности, замечает, что концепт представляет собой столкновение языкового словарного значения и эмпирии [Лихачев 1997: 282]. В индивидуальной речевой практике словарное значение обретает новые компоненты, которые могут быть как латентными (скрытыми) в самом слове, так и индивидуальными.

Все языковые средства в их совокупности дают лишь общее представление о содержании концепта в сознании носителей конкретного языка. Однако это всегда будет лишь частью концепта. Это связано с тем, что познание индивидуально так же, как и формирование самого концепта.

Концепт представляет собой единицу, или квант, структурированного знания и в силу этого обнаруживает определенную, хотя и нежесткую структуру. По мнению В.В. Болдырева, первоначально структура любого концепта имеет для человека вид гештальта, что обусловлено спецификой человеческого восприятия. Гештальт – это структура, элементы которой не могут существовать вне целого, или общее значение которой не может быть выведено из значений ее элементов и того, как они объединяются друг с другом [Лакофф 1990: 284]. Когда концепт того или иного объекта активизируется в нашем сознании в процессе мыслительной или речевой деятельности, мы не задумываемся о составных элементах его структуры или о его содержании, и лишь оперируя данным концептом как единицей знания, мы начинаем выделять его конкретные характеристики. Только в этом смысле можно говорить о том, что концепт обнаруживает целый ряд характеристик, которые иногда также называют компонентами или концептуальными признаками [Болдырев 2001: 29]. Известно, что ядро концепта составляют конкретно-образные характеристики, которые являются результатом чувственного восприятия мира, его обыденного познания. Абстрактные признаки являются производными по отношению к тем, которые отличаются большей конкретностью и отражают специальные знания об объектах, полученные в результате теоретического, научного познания. Взаиморасположение этих признаков не обнаруживает строгой последовательности и носит индивидуальный характер, поскольку зависит от условий формирования концепта у каждого отдельного человека. Таким образом, у концепта нет жесткой структуры.

Содержание концепта составляют базовый слой (или ядро) и его интерпретационная зона (периферия) [Воркачев 2003: 271]. Базовый слой,

представляющий собой определенный чувственный образ как единицу универсального предметного кода, кодирующий данный концепт для мыслительной операции, присутствует в каждом концепте. И иногда, по мнению лингвистов, концепт может ограничиваться наличием только базового слоя. В большинстве же случаев на базовый слой накладываются дополнительные когнитивные признаки, которые находятся на периферии концепта. Ядерные и периферийные признаки в своей совокупности составляют содержание концепта, то при концептуальном анализе нужно учитывать оба компонента [Методологические проблемы когнитивной лингвистики 2001: 56].

По мнению Н.Н. Болдырева, концептуальные характеристики выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты. Этот вид анализа называется концептуальным анализом. Объектом концептуального анализа становятся смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми пропозициями и их реализациями в виде конкретных высказываний, а также отдельными текстами и даже целыми произведениями [Болдырев 2001: 31]. Е.С. Кубрякова определяет концептуальный анализ как «поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова 1991: 85].

Общепризнанным свойством концепта стала его многомерность. Этот факт в своих работах отмечают такие лингвисты, как В.И. Карасик, С.Х. Ляпин, С.Г. Воркачев, Ю.С. Степанов и др. Развивая эту идею, ученые приходят к следующему выводу: многомерность предполагает необходимость построения более чем одной исследовательской модели для адекватного изучения свойств данного феномена. Чтобы выявить основные характеристики концепта, лингвисты предлагают три модели:

- 1) модель взаимодействующих способов познания;
- 2) модель ассоциативных связей языковых единиц и значений;

3) модель разноуровневого языкового воплощения.

В лингвистическом понимании термина «концепт» наметились три основных направления. Во-первых, в самом широком смысле в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка. Совокупность таких концептов образует концептосферу языка, в которой концентрируется культура нации. Определяющим в таком подходе является способ концептуализации мира в лексической семантике, основным исследовательским средством – концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними [Михальчук 1997: 29]. В число подобных концептов попадает любая лексическая единица, в значении которой просматривается способ (форма) семантического представления. Во-вторых, в более узком понимании к числу концептов относятся семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры [Степанов 1997: 561]. Совокупность таких концептов не образует концептосферы как некоего целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определенную часть – концептуальную область. И, наконец, к числу концептов относят лишь те семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен [Снитко 1999: 26] и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей.

Определение места «концепта» в ряду лингвистических терминов представляет собой сложную, но интересную задачу для лингвистов. И продолжающиеся исследования в рамках концептологии являются ярким примером неугасающего интереса к этому явлению со стороны исследователей.

1.2 Лингвокультурологический подход к исследованию концепта

О концепте как явлении культуры написано немало научных работ. Это и сборники научных трудов: «Логический анализ языка. Культурные концепты» (1991), «Языковая личность: культурные концепты» (1996), «Культурные концепты в языке и тексте» (2005) – и отдельные исследования В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, С.Г. Воркачева, Н.Д. Арутюновой, С.А. Кошарной и др.

В современной когнитивной науке выделяются два основных подхода: лингвокогнитивный и лингвокультурный. Лингвокультурный подход, в рамках которого выполнено настоящее диссертационное исследование, предполагает изучение специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию [Попова 2007: 13]. К исследователям, работающим в рамках лингвокультурного подхода, относятся Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, Н.Ф. Алефиренко и др. Этот подход определяет концепт как базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего (В.И. Карасик) [Там же: 13].

Исследователи наиболее важным считают тот факт, что концепт несет на себе отпечаток культуры. Культурный концепт, будучи важнейшей категорией лингвокультурологии, представляет собой неоднородное образование. Выделяют более конкретные и более абстрактные концепты, вплоть до мировоззренческих универсалий [Воробьев 1997: 257]. Лингвокультурное изучение языка дает множество доказательств в пользу того, что языки фиксируют наиболее существенные концепты для культуры соответствующего народа. Различие между культурами состоит в значимых нюансах, выделяемых при сравнении больших концептуальных объединений (концептосфер) [Хроленко 2000: 62]. Культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими единицами,

прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками [Попова, Стернин 2003: 128].

Согласно мнению В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, лингвокультурный концепт представляет собой условную ментальную единицу, направленную на комплексное изучение языка, сознания и культуры [Карасик, Слышкин 2001: 75-80].

В.А. Маслова соотносит культурные концепты с именами абстрактных понятий, в которых культурная информация прикрепляется к понятийному ядру [Маслова 2004: 48].

По мнению С.Г. Воркачева, лингвокультурный концепт является семантическим образованием высокой степени абстрактности и представляет собой продукт абстрагирования семантических признаков, принадлежащих определенному множеству значимых языковых единиц [Воркачев 2001: 65].

Таким образом, лингвокультурные концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются ценности как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного общества в целом.

Изучение культурных концептов – это движение от психических, социально-культурных образований в сторону их фиксации в языке. Культурологически ориентированная лингвистика осмысляет специфическую фиксацию культурно значимых явлений и характеристик бытия в форме языковых знаков [Вежбицкая 2001: 98]. Рассматривая языковые единицы как органическую часть естественного бытия человека в его социальной и природной среде, лингвисты исходят из тезиса о том, что лингвокультурное освещение языка есть сопоставительное изучение этого языка в сравнении с иностранным либо родным языком [Грязнова 1996: 46].

Культурные концепты – это, прежде всего, ментальные сущности, в которых отражается «дух народа», что и определяет их антропоцентричность

– ориентированность на духовность, субъективность и «личную сферу» носителя этнического сознания [Воркачев 2003: 14].

В своей речи человек проявляет и свои родовые черты, и черты индивидуально-национальные. Это же выявляется и в языке эмоций, который отражает как наивную картину мира, свойственную всему человечеству, так и национально-индивидуальную, характерную для определенного языкового коллектива [Кузнецова 2005: 28]. Общеизвестно, что к категории культурных концептов, определяющих специфику национальной языковой картины мира, относятся абстрактные имена, в семантике которых сигнификативный аспект преобладает над денотативным: они не имеют вещественной опоры во внеязыковой действительности в виде предметных реалий-денотатов, а обозначают понятия из мира эмоций, состояний, нравственно-ценностных установок [Там же: 28]. Таким образом, содержание культурных концептов зависит от той лингвокультурной общности, к которой принадлежит человек, и именно поэтому культурные концепты проявляют специфику языковой картины мира.

В качестве единиц изучения фигурируют те факты действительности, которые объективно присущи данной этнокультурной общности (наименования одежды, строений, еды, природных явлений, обрядов), то есть содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующие для понимания дополнительной информации о культуре данного народа. Лингвокультурология по определению имеет отношение как к науке о культуре, так и к науке о языке, но вряд ли было бы правомерно рассматривать категориальный фонд этой области знания как сумму категорий двух наук, объединенных проблемой взаимосвязи языка и культуры [Воробьев 1997: 146].

Концепты возникают в результате взаимодействия национальной традиции и фольклора, религии и идеологии, жизненного опыта и образов искусства, ощущений и системы ценностей. Понятие концепта связано с определением национального менталитета [Попова, Стернин 2003: 139].

Так, например, С.Г. Воркачев дает следующее определение этому термину: «Концепт – единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурной спецификой. Это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих реализаций. Концепт принадлежит национальному языковому сознанию. Концепты – это семантические образования высокой степени абстрактности» [Воркачев 2001: 68].

Всплеск лингвокультурологических исследований был спровоцирован двумя работами, почти одновременно появившимися в лингвистической науке. Первая из этих работ – статья Д.С. Лихачева, опубликованная в 1993 году, где ученый пишет об инвариантной и вариантной частях в концепте. Инвариантный компонент концепта, по мнению Д.С. Лихачева, представляет собой общую часть для всей нации – хранителя и носителя культурных ценностей. Вариантная часть концепта связана с отдельной личностью и зависит от национального, сословного, классового, профессионального, семейного и личного опыта человека [Лихачев 1997: 282].

Вторая работа – фундаментальный труд Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры», впервые опубликованный в 1997 году. Автор рассуждает о природе концепта, определяя его как «сгусток культуры в сознании человека», устанавливает его «слоистый» характер (от этимологических ассоциаций до обыденных представлений носителей языка). Автор также затрагивает вопрос авторских гипотез по поводу концепта. По мнению Ю.С. Степанова, слово – не единственный, но важнейший актуализатор концепта [Степанов 2004: 568-570].

При всем многообразии подходов в лингвокультурологических теориях концепта, при всех тонкостях и нюансах каждого из подходов, обусловленных многогранностью и сложностью культуры в целом, можно говорить о достаточно однородном определении концепта, которого придерживаются в своих исследованиях такие лингвисты, как

Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев, Ю.А. Левицкий и др. Концепт, с точки зрения лингвокультурологии, – это ментальный феномен, являющий собой обобщенное представление, которое детерминируется этнически определенной культурой и релевантно для конкретной этнолингвосоциокультурной общности [Бобкова 2007: 23]. Это определение позволяет говорить о том, что термин «концепт» близок таким терминам, как «культурная универсалия» [Проскурин 1991] и «лингвокультурема» [Воробьева 1994].

Лингвистическая концептология имеет смысл как самостоятельная научная дисциплина в той мере, в которой она исследует содержательные свойства языковых, двуплановых единиц, как бы широко эти планы ни были разведены, от идиосимвола универсального предметного кода до лексико-грамматического поля [Воркачев 2003: 6].

Различия в подходах к концепту когнитивной семантики и лингвокультурологии в достаточной степени условны и связаны не столько с общими задачами этих дисциплин – типологией и моделированием представления знаний в языке [Баранов, Добровольский 1997: 11-14; Михальчук 1997: 29], – сколько с техникой выделения объекта исследования и методикой его описания.

В лингвистическом концептуализме дифференцируются два основных направления – когнитивное и лингвокультурологическое. Как отмечает В.И. Карасик, данные подходы не являются взаимоисключающими: «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, то есть, в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Как уже было отмечено выше, существуют две линии исследования: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик 2002: 139]. Для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиаппелируемости

(термин В.И. Карасика), то есть может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка и речи. Именами концептов, с точки зрения лингвокультурологии, является ограниченное число культурнозначимых единиц [Слышкин 2004: 30].

План содержания лингвокультурного концепта включает как минимум два ряда семантических признаков. Во-первых, в него входят семы, общие для всех его языковых реализаций, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную либо прототипическую основу. Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализации, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка, либо с менталитетом национальной языковой личности. «Расщепление» семантики концепта на два ряда, два уровня в определенной степени согласуется с лексикографическими постулатами, выдвинутыми Ю.Д. Апресяном [Апресян 1995: 468], более того, наличие у слова национально-культурной специфики признается признаком, придающим ему статус концепта [Нерознак 1998: 85].

Этноспецифичность концепта в контексте межъязыкового сопоставления дает основания рассматривать его как единицу национального менталитета, отличного от ментальности как общей совокупности черт национального характера [Там же: 7].

Специфическую черту лингвокультурного концепта составляет его включенность в «вертикальный контекст», формирующий его прецедентные свойства, – способность ассоциироваться с вербальными, символическими либо событийными феноменами, известными всем членам этнокультурного социума [Гудков 1999: 84; Слышкин 2000: 94]. Из всего вышесказанного С.Г. Воркачев делает вывод о том, что определяющим в тройке «измерений» концепта может быть номинативное, собственно лингвокультурологическое, связанное с его вербализацией в конкретном естественном языке и

ориентированное на «тело знака» – имя концепта, слово, его воплощающее [Воркачев 2006: 8].

В конце своего исследования С.Г. Воркачев заключает, что «(лингвокультурный) концепт» представляет собой в достаточной мере «фантомное» ментальное образование как в силу своей эвристичности (он принадлежит к инструментарию научного исследования), так и в силу того, что он является своего рода «ментальным артефактом» (рукотворен и функционален, создан усилиями лингвокогнитологов для описания и упорядочения все той же «духовной реальности») [Воркачев 2003: 5].

Если концепт – это культурно детерминированная ментальная единица, то терминологическое сочетание «культурный концепт» может считаться избыточным [Бобкова 2007: 24]. По-видимому, введение двухсловного термина вызвано необходимостью дистанцироваться от работ, в которых концепт уравнивается с конструктом [Попова, Стернин 1984: 27 и др.].

Наряду с культурным концептом, в некоторых исследованиях принято говорить о так называемом художественном концепте. Термин «художественный концепт» был предложен С.А. Аскольдовым. Ученый сформулировал такие признаки художественного концепта, как его глубинная обусловленность авторским замыслом (концепцией текста), преимущественно ассоциативно-образный, а не логический характер, психологическая сложность, отягощенность индивидуальными чувствами и эмоциями и принципиальная неисчерпаемость [Аскольдов 1997: 273].

Многие лингвисты предлагают не разграничивать культурный и литературный концепты. Они полагают, что следует говорить о двух компонентах, составляющих культурный концепт, – инвариантном, традиционном, обязательном, характерном для всего этнолингвосоциокультурного сообщества и вариантном, формальном или содержательном, характерном для конкретной личности, представителя этого сообщества [Бобкова 2007: 28].

Как отмечает А.Х. Мерзлякова, «во всех исследовательских направлениях речь идет об одном объекте: концепте – сложном ментальном образовании, отражающем не только знания, но и наивные представления об окружающей действительности, о самом человеке, его месте и роли в этой действительности, его внутреннем мире и взаимоотношениях с другими людьми и миром; это продукт познавательной, культурной и социальной деятельности, в котором аккумулируется весь опыт социума в ходе активного освоения мира» [Мерзлякова 2010: 89-90]. В ходе нашего исследования мы будем придерживаться данного определения.

Лингвист также говорит, что при разных подходах предметом изучения становятся разные аспекты концепта. При лингвокогнитивном подходе акцент делается на познавательной стороне концепта, который рассматривается как результат деятельности по фрагментации и категоризации знаний и представлений о действительности (а не самой действительности, как отмечается в ряде работ). В этом случае применяются методы когнитивной лингвистики. При лингвокультурном подходе предметом анализа являются культурологические аспекты концепта, при этом исключаются другие его аспекты и ограничивается поле исследования, поскольку не все концепты могут рассматриваться с точки зрения их культурной значимости [Мерзлякова 2010: 90].

1.3 Возникновение и основные направления лингвистической гендерологии

Оппозиция «мужское – женское» является одной из фундаментальных оппозиций человеческой культуры, зародившейся в глубокой древности. Данная оппозиция присутствует в мифологии большинства народов мира, с ее помощью интерпретировался весь мир. Дихотомия мужского и женского, их иерархия с главенствующей позицией мужественности уходят своими

корнями в глубь патриархальной культуры и находят свое отражение не только в древней мифологии, но и в традиционных мировых религиях и философии. Мужское начало выступает как «апполоновское начало формы, идеи, инициативы, активности, власти, ответственности, культуры, личности, разума, абстрактного понятийного мышления. Женское начало – как дионисийское начало материи, пассивности, подчинения, природы, рода, чувства, инстинктивности, бессознательного, милосердия. Следует отметить, что такая трактовка мужских и женских качеств традиционна и для философии, и для массового сознания» [Чибышева 2005: 39].

В научной литературе постепенно сформировалось убеждение, что рассмотрение категории пола исключительно как биологического явления обедняет и упрощает сущность данного феномена, поскольку мужественность и женственность – это не только филогенетически обусловленные свойства психики, но и социокультурные образования, складывающиеся в онтогенезе. В связи с этим в научный обиход наряду с термином «пол» был введен особый термин «гендер» [Кондратьева: эл. ресурс].

Понятие «гендер» вошло в современную лингвистическую парадигму гораздо позже, чем в другие гуманитарные науки, а именно во второй половине XX столетия. Первоначально работы в данной области появились на Западе, и первые системные описания мужских и женских особенностей речи и языка были сделаны на базе языков из германской и романской языковых групп. Исследователей интересовали в основном два вопроса: как говорят мужчина и женщина (гендерная специфика речи) и как говорят о мужчине и женщине (репрезентация мужского и женского в языке). Что касается отечественной лингвистики, то первые регулярные исследования в этой области стали проводиться только в конце 80-х – начале 90-х годов. Интерес отечественных ученых к гендерной проблематике часто связывают с наступившей открытостью российского общества в постсоветский период или с влиянием идей феминизма. Учитывая, что гендерные отношения

пронизывают большинство сфер человеческой деятельности, изучение гендера носит междисциплинарный характер. Но именно языкознание обладает необходимым набором методов и приемов, позволяющих изучать проявление гендера в языке и речи, следовательно, можно говорить об объединении усилий и формировании нового направления в языковой науке – лингвистической гендерологии. Включение гендерного параметра в лингвистические исследования позволит существенно расширить представление о языке как средстве конструирования социального мира.

Несмотря на повышенный интерес к термину «гендер» в последнее время, существует ряд сложностей в его употреблении. С одной стороны, эти сложности обусловлены сравнительной новизной данного понятия, а, с другой стороны, переводом и интерпретацией иностранной литературы по данному вопросу. Это, в свою очередь, объясняет множество концепций понятия «гендер». Основным положением при рассмотрении данного вопроса является различие понятий пол (sex) и гендер (gender). Наиболее признаваемое исследователями определение термина «гендер» было сформулировано Энн Оукли: «Пол (sex) является словом, которое соотнесено с биологическими различиями между мужчиной и женщиной. Гендер (gender), между тем, есть предмет культуры: он соотнесен с социальной классификацией на «маскулинное» и «фемининное». Постоянство пола должно быть признано, но также должно быть признано разнообразие гендера» [Словарь гендерных терминов 2004: 26].

На современном этапе уже появился ряд работ (Е.И. Горошко «Языковое сознание: гендерная парадигма», 2003; Е.С. Гриценко «Язык. Дискурс. Гендер», 2005; монография А.В. Кирилиной «Гендер: лингвистические аспекты», 1999; Г.Е. Крейдлин «Мужчины и женщины в невербальной коммуникации», 2005), в которых делается попытка системного осмысления и описания языка в связи с феноменом пола, создается теоретическая модель гендера и производится систематизация методологических подходов к исследованию проблемы гендера в языкознании. Согласно этим

исследованиям, термин «гендер» подчеркивает «не природную, а социокультурную причину межполовых различий» [Кирилина 1999: 54] и используется для обозначения социальных ролей, которые приписываются людям обществом, а также моральных норм и правил, в зависимости от их биологического пола. Вопросы, связанные с разработкой методики лингвистического исследования гендера, созданием инструментария гендерных исследований, сейчас ставятся во главу угла в отечественной лингвистике.

Что касается современного состояния гендерных исследований на Западе, то там обычно выделяют три основных подхода [Колосова 1996: 12].

Первый подход сводится к трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и нацелен на выявление тех языковых различий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальных ролей в обществе. При этом «мужской» или «женский» языки определяются как производные от основного языка, используемые в тех случаях, когда партнеры по речи занимают неравное положение в обществе.

Второй – социопсихолингвистический подход – научно редуцирует «женский» и «мужской» язык до особенностей языкового поведения полов. Для ученых, работающих в данном направлении, статистические показатели или определение средних параметров имеют основополагающую значимость и составляют каркас для построения психолингвистических теорий мужского и женского типов речевого поведения.

Представители третьего направления в целом акцентируют свое внимание на когнитивном аспекте различий в языковом поведении полов. Для них оказывается более значимым не только определение частотности различий и оперирование ее показателями, но и создание целостных лингвистических моделей когнитивных оснований языковых категорий [Там же: 12].

В современной научной парадигме все три подхода считаются взаимодополняющими, и лишь в своей совокупности они обладают объяснительной силой.

Лингвистические исследования рассматривают гендер как явление культуры и языка, изучают преломление данной категории в языке. Так, Д. Малишевская определяет гендер как «комплекс социальных и психологических процессов, а также культурных установок, порожденных обществом и воздействующих на поведение индивида, выбор социальных стратегий и т.д.» [Малишевская, цит. по: Кондратьева: эл. ресурс].

А.В. Кирилина, проводя более подробный и системный анализ проблем лингвистической гендерологии, выделяет шесть основных направлений, которые могут быть дифференцированы как концептуально, так и с точки зрения методологии и характера изучаемого материала [Кирилина: эл. ресурс]:

1. Социолингвистические гендерные исследования.
2. Феминистская лингвистика.
3. Собственно гендерные исследования, изучающие языковое поведение обоих полов.
4. Исследования маскулинности (самое молодое направление, возникшее в конце XX века).
5. Психолингвистические исследования.
6. Кросскультурные, лингвокультурологические исследования, включающие гипотезу гендерных субкультур.

В то же время А.В. Кирилина считает, что данная классификация является весьма условной, и все эти направления имеют много общего, так как для всех перечисленных групп характерна сходная проблематика и объект исследования.

Во-первых, как правило, объектом исследования становится взаимоотношение языка и пола, то есть вопрос о том, каким именно образом пол манифестируется в языке – номинативная система, лексика, синтаксис,

категория рода и прочее. Основной целью таких исследований является описание и объяснение того, как проявляется пол в языке, какие оценки приписываются в языке мужчине и женщине и в каких семантических областях они наиболее распространены.

Во-вторых, целью гендерных исследований в языке может быть изучение речевого поведения полов, выделение и описание особенностей мужского и женского речевого рисунка. При этом исследования чаще всего осуществляются или с позиций социокультурного детерминизма, или в рамках теории биодетерминизма.

В-третьих, следует особо подчеркнуть, что часто гендерные исследования в языкознании носят междисциплинарный и сопоставительный характер.

В-четвертых, практически любая область лингвистики может быть рассмотрена с гендерных позиций.

В-пятых, гендерная проблематика в языкознании носит ярко выраженный прикладной характер, и именно в рамках данной исследовательской парадигмы было осуществлено наибольшее количество успешных попыток в рамках языкового планирования и реформирования языка [Кирилина 1999: 36-37].

Если же рассматривать гендерные исследования на постсоветском лингвистическом пространстве, то необходимо подчеркнуть, что главный акцент исследований в отечественной лингвистике явно смещен ко второму направлению количественной социо- и психолингвистике, хотя в настоящий момент наметилась и тенденция к увеличению количества исследований в рамках первого направления (изучение лексики, паремиологии на предмет выявления гендерных асимметрий и изучение степени андроцентричности (например, русского языка)). Увеличилось и количество работ, посвященных изучению кросскультурных гендерных различий [Кирилина 1999: 20]. Единственным направлением, отмечает автор, практически не представленном

в отечественной лингвистике, являются исследования по проблемам маскулинности.

Более того, одной из последних тенденций развития отечественной лингвистической гендерологии является, по мнению А.В. Кирилиной, увеличивающееся количество работ в рамках теории постмодернизма. Ученые, работающие в этом направлении, настаивают «на применении дерридианского деконструктивизма, позволяющего вскрыть отношения господства и подчинения, «фаллологоцентризм» языка и общественного сознания» [Добровольский, Кирилина 1997: 19]. Это направление наиболее тесно связано с идеологией феминизма. Одним из лейтмотивов этого течения является положение о том, что нельзя говорить об отношениях между полами вне связи с категориями «власти», «подчинения» и «господства».

До середины XX века язык рассматривался лишь с позиции маскулинности, и большинство лингвистических исследований велись именно с этой точки зрения, сегодня большая часть работ по гендерной лингвистике обладает ярко выраженным феминистским содержанием.

С конца 60-х годов XX века в языкознании (главным образом в США и Германии) возникает направление, названное феминистской критикой языка, или феминистской лингвистикой. Это направление существует и сегодня, но в более взвешенном состоянии [Кирилина: эл. ресурс]. Ее возникновение было обусловлено целым рядом причин как экстралингвистического, так и интралингвистического характера. К первой группе причин лингвисты относят целый ряд событий, а именно развитие «Нового женского движения» в США и Европе, расцвет философии постмодернизма и так называемую «когнитивную эволюцию». На протяжении многих столетий когнитивная компетентность в языке оставалась привилегией мужчин. Объясняется данное положение тем, что мужчины имели несравненно больший доступ к образованию и другим сферам социальной жизни, где когнитивная сфера осуществлялась наиболее интенсивно и масштабно. Когнитивная деятельность женщин была ограничена выполнением материнских и

супружеских обязанностей, и это не замедлило найти свое отражение в языке [Колосова 1996: 19]. К собственно языковедческим причинам, способствующим возникновению феминистской критики языка, относятся:

1. Во-первых, возникновение целого ряда новых научных направлений в самой лингвистике в 50-60-х годах – психолингвистики, квантитативной социолингвистики, прагматики, теории коммуникации.

2. Во-вторых, выдвижение в истории лингвистики на первый план изучения человеческого фактора и проблемы взаимосвязи языка с биосоциальными характеристиками человека и в том числе с его полом.

3. В-третьих, смена парадигм в науке (переход от структурализма к прагматике) и появление собственно методологической и научной базы для развития гендерных исследований в социальных науках.

Следует заметить, что хотя феминистская критика языка стоит как бы особняком от остальных направлений гендерных исследований в языкознании из-за своего ярко выраженного междисциплинарного подхода [Кирилина: эл. ресурс], в то же время, на наш взгляд, она находится на перекрестке гендерных исследований языка и собственно критической лингвистики, являясь ее естественным продолжением.

История этого направления насчитывает около трех десятилетий. В 1970 году Мэри Рич Кей организовала в Калифорнийском университете первый семинар по проблемам языка и пола, а затем в 1975 году по материалам этого семинара выпустила книгу под названием «Мужской/женский язык» [Кей 1975]. основополагающими работами по феминистской критике языка стали: исследование Робин Лакофф «Язык и место женщины» в английском языке» [Lacoff 1975], монография Луизы Пуш «Немецкий – язык мужчин» [Pusch 1984], работа Сенты Тремель-Плетц «Женский язык – язык перемен» [Tromel-Plotz, 1995]. На английском языке с 1976 года издается специальный журнал «Женщины и язык» [Горошко: эл. ресурс], где печатается вся новейшая информация по международным и междисциплинарным исследованиям в области феминистской критики

языка. Также следует упомянуть труд Деборы Таннен «Гендер и дискурс» [Tannen 1996], который посвящен исследованиям особенностей мужского дискурса. Своей главной целью представители феминистской лингвистики видят критику патриархального сознания в языке и языковую реформу, направленную на устранение ущербности представления образа женщины в языке и сексистских асимметрий, существующих в языке и речи.

Феминистская лингвистика подвергла критику язык за его андроцентричность, ориентированность не на человека вообще, а на мужчину. Язык был обвинен в сексизме – дискриминации по признаку пола, которой подвергаются женщины. Дискриминация выражается в преобладании мужских форм в языке, вторичности и объектности женщин, совпадений во многих языках понятий «человек» и «мужчина». Представители феминистского направления утверждали также, что пол является определяющим фактором коммуникации. В основе рассуждений представительниц феминистской лингвистики лежала гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа: язык структурирует и направляет мышление, поэтому сознание человека в значительной мере определяется особенностями языка. Феминистская лингвистика предложила многочисленные рекомендации по реформированию языка [Кирилина: эл. ресурс].

Наряду с изучением дискриминации женщин в языке возникли другие направления исследований: социолингвистическое, психолингвистическое, лингвокультурологическое изучение гендера. Особый интерес представляют мужские исследования, призванные дать ответ на вопросы, как конструируется обществом мужественность, какие типы мужественности существуют в данной культуре в данное время, как это сказывается на поведении людей, каковы нормы и требования к мужчинам и т.д.

Все эти направления, за исключением последнего, возникшего несколько позже, развивались почти в одно время, воздействуя друг на друга. Например, социолингвистические труды В. Лабова в 70-е годы представили

важное доказательство социальной природы гендерных различий в использовании языка. Вывод В. Лабова имел большое значение, так как он опровергает гипотезу природной обусловленности различий в речи и использовании языка у мужчин и женщин. В. Лабов показал, что различия в произношении не носят абсолютного характера. Существует лишь более высокая вероятность того, что один вариант предпочтут женщины, а другой – мужчины. При этом предпочтительность зависит от социальной группы, общественных ожиданий и других социальных, а не природных факторов.

Сегодня можно говорить о существовании собственно гендерных исследований, изучающих оба пола, а точнее – процесс социального конструирования различий между полами. Гендер считается институционализированным и ритуализованным социокультурным конструктом – одним из параметров социальной идентичности индивида. Гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке. В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы – упрощенные представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола.

Современные гендерные исследования в лингвистике сконцентрированы на: социальной природе мужских и женских языков, особенностях мужского и женского речевого поведения и исследовании концептов в гендерном аспекте. Прежде всего, описанию подвергаются концепты «мужчина» и «женщина», как они представлены в разных культурах и языках. При этом объектом исследования является преимущественно концепт «женщина», являющийся маркированным, отличающийся от нормы, эталоном которой предстает мужчина.

Как отмечает М.В. Пименова, «в наивной языковой картине мира зафиксирована дифференциация концептов внутреннего мира по признаку пола. Перенесение концептуальных метафор в область внутреннего мира учитывает и особые качественные признаки концептов, которые

приписываются только женщинам или только мужчинам» [Цит. по: Кондратьева: эл. ресурс]. Существует два типа гендерной характеристики концептов внутреннего мира человека – первичная (прямая) и вторичная (косвенная). Прямая гендерная характеристика концептов реализуется в языке посредством сочетания прилагательных мужской/женский с именем концепта. Вторичные признаки, выражающиеся «посредством различных предикатов, которые интерпретируются как относящиеся к «мужским» или «женским» признакам концептов» [Там же: эл. ресурс].

1.4 Понятие гендерного стереотипа и репрезентация пола в языке

Обращение к гендерным стереотипам определяется стремлением лингвистов развенчать тот или иной миф, складывавшийся на протяжении многих лет, или, наоборот, доказать правдивость данного стереотипа на современном материале. Но в результате, отмечает Е.С. Гриценко, появляются темы, к которым ученые обращаются снова и снова, часто с неубедительными, а иногда и отрицательными результатами [Гриценко 2007: 64]. И даже если в самом исследовании даются весьма сдержанные выводы, комбинация всего объема посвященных этому вопросу работ, перекрестные ссылки и всеобщее убеждение, что результат должен быть положительным, создает впечатление доказанности. Таким образом, стереотипы принимаются за научные истины, становясь частью фоновых знаний о языке и гендере. Ш. Варейн назвала этот феномен «залом зеркал» [Wareign 1996]. Данные, полученные путем анализа женского и мужского речевого поведения, не могут считаться абсолютными, так как субъективны и обусловлены определенным контекстом.

Общеизвестно, что гендерный стереотип – это один из видов социальных стереотипов, основанный на принятых в обществе

представлениях о маскулинном и фемининном и их иерархии. основополагающим компонентом гендерного стереотипа является культура, которая включает нормы морали и нравственности, ценностные ориентиры и традиции. Гендерные стереотипы прочно закреплены в общественном сознании и поэтому меняются медленно. Стереотипы женственности и мужественности не просто формируют людей, они часто предписывают людям в зависимости от их пола определенные психологические качества, нормы поведения, род занятий, профессии. Особенностью языковых форм существования стереотипа будет являться невозможность рассмотрения их с точки зрения истинности или ложности содержания, так как в стереотипе основное – не истинное знание, а убежденность людей в истинности этого знания [Исмагулова 2005: 134]. Эти стереотипы являются неотъемлемым элементом культуры и, несмотря на их истинность или ложность, влияют на психологию, поведение и сознание людей. В связи с этим гендер предлагается изучать в различных его проявлениях и в неразрывной связи с другими аспектами социального опыта [Гриценко 2007: 70]. Это подчеркивает и Д. Камерон, призывая исследовать язык и гендер конкретно (изучать конкретных мужчин и женщин в конкретных контекстах) и комплексно (учитывать взаимодействие гендерного параметра с другими типами идентичности и социальных отношений) [Cameron 2000: 324].

Различают несколько групп гендерных стереотипов. К первой относятся стереотипы феминности-маскулинности. Маскулинности предписывают активно-творческие характеристики, инструментальные черты личности, такие как активность, доминантность, уверенность в себе, агрессивность, логическое мышление. Феминность, наоборот, рассматривается как «пассивно-репродуктивное» начало, проявляющееся в экспрессивных личностных характеристиках, таких как зависимость, заботливость, тревожность, низкая самооценка и эмоциональность [Манзуллина 2005: 73-74].

Вторая группа гендерных стереотипов включает представление о распределении семейных и профессиональных ролей между мужчиной и женщиной. Как правило, женщине всегда приписывается роль матери, домохозяйки, ее главная цель – рождение и воспитание детей, уход за домом. А мужчина является активным участником общественной жизни, стремится реализовать себя в профессии, несет материальную ответственность за семью.

Третья группа стереотипов определяется спецификой содержания труда. В соответствии с социальными ролями, женский труд носит обслуживающий и исполнительский характер, а мужской – творческий и руководящий.

Гендерная роль является одним из факторов, которые формируют различия в понимании оппозиции «мужской – женский». По определению И.А. Жеребкиной, гендерная роль есть набор ожидаемых образцов поведения мужчин и женщин в определенной позиции [Введение в гендерные исследования 2001: 327]. Лингвист отмечает, что половая принадлежность основывается на физиологических параметрах, а также на поведенческих и характерологических особенностях [Там же: 332]. Гендерный глоссарий дает определение гендерной роли как поведения, по которому определяется статус мужчин и женщин в обществе. Исследования этого вопроса показывают, что культурой навязываются такие социально-половые роли и формы поведения, складываются такие ролевые ожидания, которые углубляют дифференциацию полов. Дихотомия полов смоделирована обществом и культурой [Исмагулова 2005: 34], и абсолютно права французская писательница и философ, представительница феминистской лингвистики Симона де Бовуар, утверждение которой стало крылатым: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся» [Бовуар 1997: 305].

Языковые стереотипы налагают отпечаток на поведение личности и на процесс ее социализации и используются детьми задолго до возникновения их собственного мнения. Например, с самого детства ребенку «навязывается» мысль о главенствующей роли мужчины в обществе. Знакомство с миром

посредством языка с самого начала ориентировано на мужское доминирование. Причины возникновения гендерных стереотипов исследователи видят в существовании нормативного и информационного давления [Исмагулова 2005: 38]. Первое (нормативное) рассматривается как подстраивание индивида под общественное ожидание, с целью, чтобы общество его не отвергло. Информационное же давление парадоксально, поскольку, расширяя свои знания о мире, мы придерживаемся той информации, которую предоставляют нам окружающие [Берн 2002]. В процессе общения с теми людьми, с которыми мы встречаемся чаще всего (родители, друзья, учителя), мы стараемся не выходить за «установленные рамки». Особое место в формировании стереотипов занимают современные масс-медиа, которые не только отражают состояние общественного сознания и идеологии, но и ежедневно «создают» общественное мнение, предлагают ролевые игры, образ мыслей и отношение к действительности, вырабатывая тем самым информационное давление [Ажгихина 2001]. После перестройки гендерные стереотипы на постсоветском пространстве, по понятным причинам, изменились, во многом опять-таки благодаря СМИ. В первую очередь, изменилось отношение к женщине, и появился образ «сексапильной Золушки» (термин Г.К. Исмагуловой). Мужчина предстает в роли крутого «мачо», а женщина – привлекательной «подруги» супермена [Исмагулова 2005: 38-39].

Гендерные стереотипы зафиксированы в языке, а язык есть основное средство человеческого общения. Лингвисты, изучающие вопросы гендерного стереотипа, отмечают, что роли женщины в языке приписывается меньшая ценность, чем мужчине. «Все сознание современного человека независимо от пола, насквозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с ее приоритетом мужского начала, рациональности и объективности женщины» [Бовуар 1997]. Все перечисленное отражается в языке в виде устойчивых словосочетаний, сниженной лексики, гендерно маркированной лексики, грамматических средств, атрибутирования лицам

женского пола внешней привлекательности, а лицам мужского пола – высокий интеллект, креативность и, соответственно, право на доминирование и власть. «Женская» роль не только находится в подчинении, но и строго контролируется со стороны мужчины, что препятствует ее полноценному развитию [Исмагулова 2005: 40].

Аккумулируясь в языке, гендерные отношения, как элементы культуры, передаются новым поколениям и постоянно развиваются.

Разницу в речевом поведении лингвисты видят в разном социальном положении мужчин и женщин. В целом, по мнению исследователей, для мужчин характерен прямой речевой стиль, а для женщин – косвенный. Однако с повышением уровня образования различия в речи стираются [Маслова 2004: 129]. Речевой стиль успешной женщины сегодня не отличается от мужского. Большинство женщин учатся переключаться с женского языка на «нейтральный», становясь «билингвами».

Как показывают наблюдения В.А. Масловой и других исследователей, мужчины восприимчивее к новому в языке, в их речи больше неологизмов и терминов. Женская речь гораздо более эмоциональна, эмпатична, то есть чувствительна по отношению к партнеру. Это выражается в более частом употреблении междометий, сравнений, эпитетов, образных слов, уменьшительно-ласкательных слов и эвфемизмов. У женщин более вежливый характер реплик, хотя и более напористое речевое поведение [Исмагулова 2005: 74]. Н.Б. Мечковская в «Социальной лингвистике» подчеркивает, что в стилистическом плане мужская речь более книжная, чем женская, сложнее по синтаксису и более насыщена интеллектуально (но не эмоционально) [Мечковская 1996: 59].

Гендерные стереотипы, являющиеся частью того или иного общества, возникают вследствие гендерной асимметрии. В гендерологии принято считать, что язык фиксирует «мужскую» картину мира, поэтому он не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину): язык создает картину мира, основанную на

мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, чем и объясняется умаление роли женщины в языке и обществе.

«Словарь гендерных терминов» выделяет следующие признаки андроцентризма:

1. Отождествление понятий человек и мужчина (во французском языке – *homme*).

2. Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Им часто сопутствует негативная оценочность. Применение мужского обозначения к референту-женщине допустимо и повышает ее статус.

3. Существительные мужского рода могут употребляться нецеленаправленно, то есть для обозначения лиц любого пола. Действует принцип «включенности» в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола.

4. Согласование на синтаксическом уровне происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по реальному полу референта.

5. Феминность и маскулинность разграничены резко и противопоставлены друг другу в качественном (положительная и отрицательная оценка) и в количественном (доминирование мужского как общечеловеческого) отношении, что ведет к образованию гендерных ассиметрий [Словарь гендерных терминов 2004: 198].

На основе анализа основных признаков речевого поведения мужчины и женщины, представленных в работах А.В. Кирилиной и Г.К. Исмагуловой, мы выделили их характерные черты

1. Для женского речевого поведения характерны:

- образность речи, сентиментальность, эмоциональность;
- употребление клише и книжной лексики;
- употребление уменьшительно-ласкательных форм и эвфемизмов;

- преобладание сослагательного наклонения, а также модальных конструкций, выражающих неуверенность, предположение, неопределенность;

- использование большого количества жестов;
- обмен мнениями; создание благоприятного климата для беседы;
- критика как выражение собственной неуверенности.

2. Для мужского речевого поведения характерны:

- однообразие лексических приемов при передаче эмоций;
- частое употребление нецензурных слов, армейского жаргона;
- агрессивность, доминантность в разговоре;
- деловой стиль речи;
- наличие фактов, дат, цифр;
- в беседе – установка на решение проблемы;
- простые конструкции предложений, императив как утверждение;

Итак, тенденция в разграничении речевых стилей очевидна. Мужчины ставят в центр внимания информационный аспект, и поэтому пользуются скорее прагматическим стилем. Это обеспечивает им утверждение их главенствующей роли в обществе и решение проблем. Для женщин, напротив, важен момент установления контакта, налаживания эмоционального состояния, поэтому их язык отличается эмоциональностью и доверительностью. Хотя, на наш взгляд, здесь можно говорить и о сложившемся стереотипе по отношению к поведенческим тактикам мужчины и женщины. Но было бы неверным утверждать абсолютность таких результатов, ведь речь каждого человека индивидуальна. В данном случае, речь скорее идет об общей тенденции.

Как отмечает В.И. Карасик, в грамматике языка фиксируют наиболее существенные концепты для культуры соответствующего народа либо их игнорируют [Карасик 2002: 14]. Поэтому немаловажным в анализе гендерного стереотипа является и собственно морфологический аспект, а именно морфологические средства выражения рода как языковой категории

коррелирующей с категорией пола. Как подчеркивает Д.А. Штелинг, грамматическая категория – это важнейшее средство актуализации языка [Штелинг 1996: 115], и значит, подобный анализ позволит прояснить вопрос о соотношении категории рода и пола в языке. Р. Якобсон отмечал, что «любое различие в грамматических категориях несет семантическую информацию [Якобсон 1985: 284]. Общеизвестно, что семантическая информация культуросна в том смысле, что она отражает способ концептуализации действительности, закрепленной в какой-либо национальной языковой общности. Грамматическая форма слова, являясь знаком, включает в себя план выражения и план содержания, а культурная информация может заключаться в обоих этих планах. Кроме того, национальная специфика грамматики может проявляться в предпочтительности той или иной формы [Иванова 2002: 74]. А. Вежбицкая также указывает на «семантическую» грамматику: «Можно сказать, что, далеко не будучи «автономной» системой, не зависящей от значения, грамматика на самом деле составляет концентрированную семантику: она воплощает систему значений, рассматриваемых в данном конкретном языке как особенно важные, действительно сущностно необходимые при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в этой действительности» [Вежбицкая 1999: 44].

Во французском языке пол манифестирует себя, прежде всего, в категории рода и обладает рядом специфических черт.

Категория рода во французском языке отличается большим разнообразием в плане выражения. Дискуссии в этом вопросе среди лингвистов затрагивали как способ выражения, так и функции рода существительных. Категория рода свойственна и другим частям речи: прилагательным, детерминативам, местоимениям, глаголам. Однако, как отмечает В.Г. Гак, центральное место здесь занимает имя существительное [Гак 2004: 133].

Способы выражения рода значительно различаются в письменной и устной формах французского языка. Песенный текст предполагает обе реализации (наше внимание сосредоточено на письменном выражении категории рода в песенном дискурсе Сержа Генсбура).

В современном французском литературном языке существуют три основных способа выражения категории рода имен со значением лица: 1) лексический (*homme / femme*); 2) морфологический (*ami / amie, poète / poétesse*); 3) синтаксический, или аналитический (*un artiste / une artiste*). В то же время, довольно значительная группа существительных не относится ни к одной из указанных моделей. Речь идет о словах типа *maire, recteur, évêque*, обозначающих профессиональный или социальный статус лица. В нормативном французском языке род таких существительных асемантичен, не отражает оппозицию по признаку пола (ср. *Elle est un écrivain de talent*). В случае необходимости, женский род может быть выражен добавлением к подобным существительным слова *femme* (*un peintre femme, une femme ministre*).

Считается, что морфология – это центральный ярус языковой структуры, чем и обусловлены минимальная восприимчивость морфологического строя языка к внешним влияниям и чрезвычайно медленная его изменяемость. Можно сказать, что пол является естественной категорией, охватывающей все виды существ и определяющей их деление на два класса. Эта классификация отражается так или иначе во всех человеческих языках, но отражается, естественно, по-разному.

1.5 Песенный текст как вида дискурса

Первые исследования внутренней организации дискурса датируются рубежом 50-х годов XX века, когда появились работы, полностью посвященные конструкциям, состоящим более чем из одного предложения – «сложным синтаксическим целым», и «сверхфразовым единствам». В отечественной лингвистике исследовались главным образом логико-грамматические отношения между связанными по смыслу высказываниями, образующими в речи сверхфразовое единство [Фигуровский 1974: 108].

Четкого и общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его употребления, не существует, и не исключено, что именно это способствовало широкой популярности, приобретенной этим термином за последние десятилетия. Само определение такой категории, как дискурс, уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, обязательно должна быть учтена национальная традиция и вклад конкретного автора в разработку этого вопроса.

В нашем исследовании мы придерживаемся определения термина «дискурс», которое было предложено французскими постструктуралистами, в частности, М.Фуко. Лингвисты предлагали рассматривать данный термин в рамках уточнения индивидуального стиля и языка. Понимаемый таким образом термин «дискурс» описывает способ говорения и обязательно имеет определение – какой или чей дискурс. В данном случае исследователей интересует, прежде всего, разновидности дискурса, задаваемые широким набором параметров: языковые отличительные черты, стилистическая специфика, специфика тематики, система убеждений, способы рассуждения и т.д. [Дискурс: эл.ресурс].

Одним из важных вопросов при изучении языкового явления, в данном случае дискурса, является его классификация, то есть наличие разных типов этого явления. Самое главное разграничение в этой области – противопоставление устного и письменного дискурса. Это разграничение

связано с каналом передачи информации: в процессе устного дискурса канал – акустический, при письменном – визуальный. Устный дискурс признается исходной, фундаментальной формой существования языка, а письменный – его производным.

Одним из важнейших вопросов, исследуемых в дискурсивном анализе – это вопросы структуры дискурса. Было бы неверным утверждать, что у дискурса вовсе нет никакой структуры, что любой разговор состоит из беспорядочной совокупности предложений. Всегда есть некий порядок, закон, по которому одно выражение следует за другим [Макаров 2003: 130]. Как отмечает М.Л. Макаров, разногласия по поводу структуры дискурса вызваны сосредоточенностью ряда ученых на исследовании структуры форм повседневного бытового речевого общения – наименее структурированного из всех типов дискурса. По бытовой разговорной речи нельзя делать вывод об отсутствии структуры на уровне дискурса в целом. Связность дискурса – важнейшая из его отличительных черт. Наконец, дискурс обладает качеством самоорганизации [Макаров 2003: 176].

Вопрос о специфике текста определенного типа может быть решен только в том случае, если, помимо аналитических операций по изучению структуры текста, будут установлены особенности его функционирования и интегрирования в текст более высокого уровня [Лотман 1996: 45]. С этой точки зрения изучение песенного текста представляет особую трудность, впрочем, и особый интерес. Данное исследование посвящено изучению песенного текста как вида речевого акта, окруженного определенной ситуацией, то есть как вида дискурса.

Наличие ситуации является одним из важных условий существования дискурса. По словам Т.А. Ван Дейка, дискурс – это есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие [Ван Дейк: эл.

ресурс]. И песенный текст, с нашей точки зрения, очень точно вписывается в это определение и может рассматриваться как вид дискурса. Песенный текст – это всегда сочетание поэтического текста, как языкового материала, и контекста, описывающего некую ситуацию (это могут быть личные переживания автора, а может быть и описание фактов действительности). С этой позиции мы выделяем три основных момента:

- 1) обстановка в момент создания стихотворного текста и музыки;
- 2) обстановка, в которой исполняется песня;
- 3) внутреннее состояние исполнителя и настроение слушающего.

Все это подтверждает, что песенный текст не существует вне ситуации и эмоционального состояния автора. Важным представляется отметить и наличие в песенном тексте, а точнее в момент его воспроизведения, таких экстралингвистических факторов, как мимика, кинесика и проксемика. Эти элементы играют немаловажную роль в поддержании целостности песенного дискурса, без них анализ песенного текста может свестись к субъективной оценке исследователя. С другой стороны, если фиксировать все экстралингвистические компоненты, анализ речи может просто раствориться в описании ситуации [Макаров 2003: 114].

Песенный текст может рассматриваться одновременно как устный и письменный вид дискурса. Он всегда может быть написан или напечатан и прочтен адресатом: в этом случае он является примером письменного вида дискурса. Но в то же время он является и разновидностью устного дискурса, потому что воспринимается адресатом (слушателем) через исполнителя (адресанта) посредством слуха.

Песенный дискурс обладает определенной структурой. В песенном дискурсе в качестве элементов макроструктуры выступают куплеты и припевы (последние, как правило, повторяются несколько раз в ходе исполнения песни). Макроструктура песенного дискурса (в некоторых случаях) может быть близка макроструктуре лирического стихотворения. В этом случае наблюдается отсутствие припевов. С другой стороны, припевы в

рамках одного песенного текста могут иметь разное содержание, развивая, в совокупности с куплетами, сюжетную линию текста. Припев, как повторяющийся элемент в конце каждого куплета, подчеркивает законченность предыдущей строфы (куплета), отделяет ее от следующей, но и одновременно соединяет, «цементирует» структуру песни, так как он повторяет себя полностью – и мелодически, и вербально.

Определяющим компонентом внешней структуры песенного дискурса является заголовок. Он является рамочным знаком текста [Кухаренко 1988: 92], потому что в начале заголовок ориентирует адресата на главную мысль текста и после прочтения адресат снова возвращается к заголовку. Заданное в заголовке слово «пронизывает» весь текст, связывает его. Актуализация категорий проспекции и прагматичности начинается именно здесь. И названные категории начинают воздействовать на будущего читателя с целью привлечь его, заинтересовать [Там же: 93]. Заголовки песенных текстов, с этой точки зрения, полностью оправдывают себя.

Внутренняя (или микроструктура) структура песенного дискурса представлена не только отдельными предикациями и их семантикой, но также элементами экстралингвистического уровня:

- главной сюжетной линией (темой) текста;
- настроением, создаваемым в процессе прочтения текста (или его исполнения);
- мелодией.

Трудность исследования песенных текстов заключается в том, что они представляют собой сложное единство музыкального и вербального компонентов. Проводя лингвистическое исследование, необходимо помнить об их двоякой природе, но одновременно абстрагироваться от мелодического компонента [Смоленцева 2009: 43], поскольку последний компонент не представляет интереса для нашего исследования.

Эти элементы, прежде всего, качественно отличают песенный дискурс от других видов дискурса. Более того, музыка и текст в песне решают свою

задачу только в единстве. Музыка способна влиять на эмоциональную сферу человека, являясь фактически отражением эмоции и чувств, которые возникли у автора песни по поводу явлений и событий современной жизни. Текст песни конкретизирует эмоционально-чувственное содержание, рассказывая историю (нарративный текст), описывая некий пейзаж (дескриптивный текст) или сообщая о мнениях, оценках или рассуждениях автора (аргументативный текст). В современном песенном дискурсе автор часто является и исполнителем своих текстов, вследствие чего последний приобретает индивидуальные характеристики, носит субъективный характер.

Говоря о музыкальной специфике песни, следует обратить внимание также и на так называемый физиологический аспект. Говоря о вербальных и невербальных способах передачи эмоциональных изменений в психике человека, «в музыкальном искусстве действительно есть то, что называется физиологическим воздействием. Наблюдая за поведением публики в момент прослушивания песен, невозможно не согласиться с тем, что именно мышечная деятельность при восприятии этой музыки является крайне важным элементом, посредством которого осуществляется эмоционально-чувственное восприятие. Такое соучастие в исполнении соответствует и интериоризации путем отождествления себя с лирическим героем песни. Психологический компонент восприятия песни, таким образом, находится в соответствии с физиологическим компонентом. Интересно, что и исполнитель песен, написанных другим человеком, в глазах публики воспринимается как автор, именно как тот, кто является лирическим героем песни, подобно тому, как актер в глазах зрителей отождествляется с персонажем, которого он играет. В некоторых видеоклипах, снятых на песни, в текстах которых повествуется о некой любовной истории, используются фрагменты фильмов с участием известных актеров со сходным сюжетом, не имеющих отношения к данной песне, что подтверждает эту тенденцию к драматизации в песенном дискурсе. Некоторые исполнители также используют элементы драматизации во время «живого» исполнения своих

песен перед публикой. М. Бонфельд приводит высказывание К. Леви-Стросса о том, что «выразить неосознаваемую структуру разума адекватно может только музыка, ... человек через музыку слушает самого себя» [Бонфельд: эл. ресурс].

Важным представляется вопрос о соотношении вербального и мелодического компонентов в песне. Песня в той или иной форме, будь то современная рок-песня, народная песня или рыцарский романс, существовала всегда, причем музыка и поэтическое слово родственны друг другу исторически. Известно, что лирические произведения поэтов античности не декламировались, а пелись. Песенные тексты современных авторов (в том числе французских) можно считать лирической поэзией достаточно условно, но все же они широко используют достижения лирической поэзии как образного, так и ритмического плана. Тот факт, что ритм является важнейшим компонентом и для поэзии, и для музыки, позволил немецкому исследователю О. Ранку в своей работе «Эстетика и психология художественного творчества» предложить характерное для фрейдистской школы объяснение доминированию любовной тематики в лирической поэзии: «Все ритмичное сексуально. Именно поэтому вопрос «Получит ли Ганс свою Грету?» является главной темой поэзии, бесконечно повторяющейся в многочисленных вариантах и никогда не утомляющей ни поэта, ни публику. Не только материал, но и творческая сила в искусстве по преимуществу сексуальны» [Ранк: эл. ресурс]. Было бы ошибочным считать сексуальную энергию единственной движущей силой в искусстве, в частности, в лирической поэзии, но и нельзя совсем отрицать значимость интимной сферы человеческих взаимоотношений и для текстов песенного дискурса, в большинстве которых речь идет о любви.

Наиболее простое и лежащее на поверхности объяснение расцвету именно песни как симбиоза музыки и стихов предложил Ю.А. Кремлев, известный советский музыковед, пианист и композитор. Согласно его точке зрения, «смутность музыки перестает быть таковой при разъяснении

словами» [Кремлев 1972: 48]. Упрощенный характер такого объяснения существования и популярности песни как синкретического жанра перестает казаться таковым, если принять во внимание точку зрения известного американского эстетика и психолога искусства Р. Арнхейма, который утверждал, что одна из основных функций искусства – познавательная [Арнхейм 1974: 49].

Песенный текст – это связный текст. Сквозь всю песню прослеживается одна сюжетная линия. На протяжении всей песни также сохраняется и один эмоциональный тон.

Рассматривая вопрос о песенном дискурсе, следует также отметить его языковые особенности. В первую очередь, песенный дискурс, как и любой вид дискурса, обладает определенной синтаксической структурой. В отдельных случаях предложение может состоять из одного слова (местоимения, существительного или глагола), но чаще всего встречаются простые и распространенные предложения.

Во-вторых, языковые средства каждого текста соответствуют его теме: это может быть просторечная или разговорная лексика, которая чаще встречается в таких песенных жанрах, как рэп, хип-хоп и т.д. Романсы, баллады, колыбельные характеризуются отсутствием ненормативной лексики, плавной мелодией.

Таким образом, песенный текст можно считать одним из видов дискурса в виду наличия в первом следующих характерных черт: коммуникативная ситуация, в которой создается текст и музыка; структура текста, которая определяет его особенности в каждом отдельном случае; устная и письменная реализация текста; эмоциональная составляющая в момент создания и исполнения песенного текста. Песенный текст – это всегда связный текст, целью которого является донести главную идею автора или исполнителя.

Существующие описания французской версификации опираются на принципы ритмической организации стихотворной речи, сформулированные

в классический период (XVI–XVII века), и практически не учитывают изменения, произошедшие в звуковом строе языка. В большинстве случаев выводы делаются на основании субъективного восприятия исследователя при оценке стихотворного текста в целом. Отдельные попытки инструментального анализа звуковой формы французского классического стиха были предприняты в конце XIX – середине XX веков.

Большинство лингвистов, в чей круг интересов входит фонетика французского языка, отмечают мелодику как один из универсальных и важных компонентов для оформления связной речи. Именно к мелодическим изменениям наш слух наиболее чувствителен. Особенно важно движение основного тона во время произнесения гласных, которые и в русском, и во французском языке составляют около половины из общего числа звуков в речевой цепи. Это движение и создает мелодический рисунок фразы. В мелодике, замечает далее М.А. Виллер, особенно ярко проявляется своеобразие каждого языка. Правильно воспроизведенная мелодика может даже иногда компенсировать неточности в произнесении звуков [Виллер 1977: 54].

Ритм и темп речи как интонационные средства очень тесно связаны друг с другом [Там же: 55]. Под ритмом подразумевается чередование ударных и безударных слогов в различных единицах членения речи, например, во фразах, синтагмах. Во французском языке каждая единица членения обязательно заканчивается ударным слогом, а начинается безударным. Благодаря такому фиксированному месту ударения французскому языку свойственен так называемый восходящий ритм. В песенном тексте ритмическая картина может нарушаться, что обусловлено наличием музыкального сопровождения, а также личных предпочтений автора-исполнителя.

Интенсивность, отмечают лингвисты, обычно занимает скромное место. Само по себе изменение силы звука в речи используется редко. Оно, как правило, сопровождает изменения в высоте тона или длительности звуков и

воспринимается на слух хуже, чем мелодика и ритм. Хотя для французского языка эта характеристика играет большую роль, чем для русского.

Общий тембр голоса в высказывании (добрый, сердитый, резкий, вкрадчивый, металлический, мягкий, властный и т.д.) тесно связан с общей эмоциональной окраской речи. Но в силу того, что выражение аффектов с помощью изменения тембра почти не изучено, этот аспект мало разработан и представлен в работах по фонетике французского языка.

Прежде всего, почти во всех песенных текстах присутствуют четыре типа ритма. Во-первых, ритм, свойственный французской версификации. Согласно ее требованиям, тот или иной кусок текста становится во французском языке стихом только тогда, когда он четко распадается на законченные по смыслу отрезки (синтагмы или ритмические группы), равные по количеству слогов. Самыми употребительными в современном французском языке являются двенадцатисложный, девятисложный, восьмисложный и семисложный размер. В стихах, состоящих более чем из восьми слогов, делается обязательная синтаксическая остановка – цезура, которая в идеале должна совпадать с границей синтагмы. Если стихотворная строка содержит менее восьми слогов, появляется одно ударение, если более восьми – два ударения. В восьмисложнике цезура делается после четвертого слога, в девятисложнике – после третьего, реже – после шестого. Поскольку каждая цезура сопровождается сильным конечным ударением, в стихах оказывается ударным или каждый четвертый, или каждый третий слог (в зависимости от размера), что абсолютно не соответствует ритмической организации прозаической речи.

Во-вторых, отмечает Т. Сотникова, в песне присутствует ритм, свойственный устной речи. В соответствии с требованиями просодической организации устного высказывания, в звуковой цепи во французском языке ударным становятся последние слоги ритмической группы и синтагмы. Кроме того, под действием выделительного ударения (логического или эмфатического) ударными могут стать и не конечные слоги законченного

смыслового отрезка, однако модальность высказывания при этом не изменится [Сотникова: эл. ресурс].

В-третьих, в звуковой организации французской песни присутствует ритм, свойственный музыке. В соответствии с музыкальной ритмикой, последовательность звуков различной длительности – половинки, четверти, восьмые – исполняются с разным музыкальным размером: на две, на три, на четыре четверти. Это ведет к тому, что ударность и долгота слога не совпадают: долгий в соответствии с требованиями музыкального размера слог может оказаться в безударном положении в речевой цепи, и наоборот, ударный слог, который должен стать долгим в соответствии с требованиями орфоэпии, далеко не всегда сохраняет долготу при песенном исполнении.

Наконец, в-четвертых, в песне реализуется ритм, связанный с конкретной музыкальной инструментовкой. Поскольку исполнение а саpелла чрезвычайно редко в современной французской музыке, для ритма песни оказывается важным, исполняется она под гитару, под фортепиано или под оркестр. Одновременная реализация в песне всех четырех типов ритма приводит к появлению в песенном тексте двух типов слогов:

- слоги, которые становятся долгими или краткими в соответствии с требованиями музыкального ритма;

- слоги, которые становятся ударными или безударными в соответствии с требованиями речевого ритма.

Однако этим не исчерпываются особенности ритмико-фонетической организации французской песни. Важную роль играет ударение во французском языке, которое имеет сложную фонетическую природу. Средства, обеспечивающие впечатление ударности, могут быть разнообразны. К ним относятся:

- различия в высоте тона в ударном и в безударном слогах;
- различия в длительности (увеличение ее в ударном слоге);
- различия в интенсивности (большая в ударном слоге);
- различия в качестве гласного.

Перечисленные средства могут реализовываться одновременно, но могут и замещать друг друга. Однако в любом случае основным и ведущим из них является изменение высоты тона.

Таким образом, между ритмом песни и речевым ритмом всегда есть большее или меньшее несоответствие, которое, впрочем, варьируется от песни к песне, от исполнителя к исполнителю. Одни почти строго следуют требованиям, предъявляемым орфоэпией к просодической организации устного высказывания, и даже подчеркивают речевой ритм (С. Режьяни, Ж. Ферра, Ж. Брель, М. Эскудеро). Другие намеренно нарушают ритмические и орфоэпические нормы устной прозаической речи (Ж. Брассенс, Ж.-М. Леклер, М. Рено, С. Генсбур).

Например, слуховой анализ первой фразы из песни Ж. Брассенса «Bonhomme» – *malgré la bise qui mord* – показывает, что певец делает ударение на каждом втором нечетном слоге (как при хорее): "mal-gré-"la-bi-"se-qui-"mord. Такая расстановка ударений мало соответствует нормативному ритму речи. Более того, поскольку слог «se» оказывается под музыкальным ударением, /ə/ в нем становится подлинным гласным, к тому же долгим, что также противоречит орфоэпической норме.

В результате того, что в ряде случаев требования ритмической организации песни и устного высказывания не совпадают, а иногда и противоречат друг другу, происходит перераспределение ударения внутри ритмической группы: ударным становится не последний слог, а первый или последующий. В фонетическом плане это ведет к нарушению окситонического характера французского ударения, которое в некоторой степени становится нефиксированным, подвижным. В семантическом плане это приводит к искажению привычного облика слова, которое перестает быть понятным. По сравнению с устным высказыванием песня обнаруживает явную специфику ритмико-фонетической организации.

Между тем, наблюдения последних лет позволяют говорить о том, что ритмическая организация большинства французских песен гораздо ближе к

ритму устной речи, чем песни XX века или даже песни Ш. Трене. Скорее всего, это связано с тем, что в современной поэтике (а, следовательно, и в песнях) уже не так строго соблюдаются правила французской версификации, язык песни максимально приближается к повседневной устной речи, а подчас и к арго (Ж. Ферра, П.Ж. Беранже, М. Рено).

Авторская французская песня (шансон) значительно отличается от русских песен, исполняемых в этом жанре. Жанр шансонов использовали певцы французских кабаре в конце XIX века – первой половине XX века. Наиболее известными из них являются А. Брюан и Мистингетт. Из кабаре данная модификация шансонов перешла во французскую эстрадную музыку XX века. Наряду с жанром кабаре, во французской песне существовало направление «реалистической песни» (*chanson réaliste*), представляемое практически исключительно женщинами. Самыми известными исполнительницами были Дамиа, Фреель и Э. Пиаф. В 50-х годах оформились два главных направления оригинальной франкоязычной песни, существующие до настоящего времени.

Первое из них – жанр классического шансона, где первостепенное значение придается поэтической компоненте песни, и автор, как правило, сам является исполнителем. Этот жанр связывается в первую очередь с именами М. Шевалье, Ш. Трене и Э. Пиаф, которая продолжала традицию реалистической песни. Крупнейшими представителями этого направления являются французы Л. Ферре, Ж. Брассенс, С. Генсбур и бельгиец Ж. Брель. Всемирно известны представители этого направления Ш. Азнавур и С. Адамо. Именно представители этого поэтично-музыкального направления в полной мере соответствуют термину шансонье (*chansonnier*). Представители так называемого «нового шансона» (*nouvelle chanson*), или «новой сцены» (*nouvelle scène française*) это молодое поколение французских эстрадных артистов. В своем творчестве они не отказываются от использования новейших приемов современной легкой музыки, включая элементы рока, латиноамериканские и разнообразные иные этнические

ритмы, электронную музыку и т.д., но по-прежнему очень требовательно относятся к текстам своих песен. Начало «нового шансона» связывают с именем Доминика и относят к последнему десятилетию XX века. Среди шансонье, пришедших на сцену в XXI веке, Б. Бьеле, его сестра К. Клемен, К. Анн, О. Руиз и многие другие.

Другое направление французской песни второй половины XX века – эстрадная песня, которую исполняют *chanteurs* (певцы). Представители этого направления тоже нередко являются исполнителями песен собственного сочинения (поэтами и/или композиторами), но в силу облегченности поэтического содержания они не являются шансонье в полном смысле этого слова. Всемирно известными исполнителями французских эстрадных песен являются И. Монтан, А. Сальвадор, М. Матье, Э. Масиас, Д. Дассен, Далида, П. Каас, Л. Фабиан, М. Фармер.

Граница между шансоном и эстрадной песней достаточно условна, и далеко не всякого франкоязычного певца можно однозначно отнести к тому или иному направлению. За пределами франкоязычных стран часто всех исполнителей, поющих на французском языке, называют шансонье.

Таким образом, анализ материала позволил нам выделить во французском песенном тексте основные признаки дискурса: наличие коммуникативной ситуации и определенной структуры. Своеобразие французской песни обуславливается, прежде всего, особенностями ее ритмико-фонетической организации, ориентированностью на повседневную устную речь, и, следовательно, спецификой лексического материала.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I

Таким образом, в лингвистической науке существует большое количество определений, описывающих содержание термина «концепт». В нашем исследовании мы придерживаемся, вслед за З.Д. Поповой, следующего определения данного термина: «концепт – это дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету»

Культурологическая наполненность концепта доказывает тот факт, что концепт фиксирует наиболее значимые элементы культурной жизни того или иного этноса. Являясь многомерным образованием, концепт имеет сложную структуру, которая описывается по-разному в зависимости от точки зрения исследователя на данное явление. В нашей работе мы принимаем точку зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина и выделяем ядерную и периферийную части концепта.

Вопрос актуализации концепта представляется одним из важнейших для лингвистов, так как именно вербализованный (актуализированный) концепт получает свое место в лингвокультурологических теориях. Лингвистическая наука рассматривает различные способы вербализации концепта, которые позволяют не только выявить структуру и содержание того или иного концепта, но и понять ценностные и моральные ориентиры национальной культуры. Концепт может актуализироваться через языковые значения отдельных лексем, через фразеологический и паремийный фонд языка, а также в разных видах дискурса, например, в песенном.

Песенный дискурс обладает рядом особенностей. Он может рассматриваться одновременно как устный и письменный вид дискурса, обладает определенной структурой, синтаксисом. Важную роль при анализе письменного дискурса играет и коммуникативная ситуация, в которой создаются текст и музыка. Французский песенный текст представляет собой гармонично выстроенное произведение, отличающееся особым ритмом и мелодикой, характеризующих французский язык. Французская авторская песня отличается глубиной сюжетной линии и характерной манерой исполнения.

Гендерный анализ концепта помогает понять, во-первых, механизмы формирования гендерных стереотипов; во-вторых, подобный анализ дает дополнительную информацию об объекте, вокруг которого «живет» концепт. Гендерный стереотип – это один из видов социальных стереотипов, основанный на принятых в обществе представлениях о маскулинном и фемининном. Стереотипы женственности и мужественности не просто формируют людей, они определяют поведение людей, их психологические качества, род занятий в зависимости от их пола. Более глубокому пониманию этих фактов способствует междисциплинарный характер гендерных исследований. Целью таких исследований всегда являются взаимоотношения языка и пола, то есть, вопрос о том, каким именно образом пол манифестируется в языке.

Гендер как продукт культуры и как результат социализации человека отражает представления народа о женственности и мужественности. Как правило, мужской компонент культуры признается инвариантным, рассматривается как норма, поэтому предметом более пристального изучения лингвистической гендерологии являются способы выражения именно женского начала в языке.

Таким образом, анализ актуализации лингвокультурных концептов в песенном дискурсе с учетом гендерного аспекта может позволить расширить знание об исследуемых концептах.

ГЛАВА II ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ «ЛЮБОВЬ» И «ЖЕНЩИНА» В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ

2.1 Концепты «любовь» и «женщина» в творчестве Сержа Генсбура

В нашем исследовании мы обращаемся к анализу концептов «любовь» и «женщина» и их языковой реализации в творчестве Сержа Генсбура (мы придерживаемся французского произношения фамилии автора) по следующим причинам:

1. Серж Генсбур является ярким представителем творческой элиты Франции второй половины XX века, чьи песни отражали моральный облик общества того времени.

2. Песенные тексты Сержа Генсбура – это отражение его собственных мыслей и чувств, которые находят выражение в языке: яркий, отличный от литературного французского и насыщенный метафорическими образами, язык Сержа Генсбура представляет несомненный интерес для лингвистического анализа.

3. Концептам «женщина» и «любовь» в творчестве Сержа Генсбура отведена особая роль и посвящено большинство песен. Учитывая эту особенность, тексты песен могут быть проанализированы через призму принципов гендерной лингвистики.

Серж Генсбур родился и вырос во Франции. Известно, что родители автора были русскими. Этот факт его биографии позволил нам проявить интерес к изучению концептов «любовь» и «женщина» на материале двух языков: русского и французского.

Любовь к музыке Сержу Генсбуру привили еще в детстве. Начав с исполнения классических композиций, он постепенно перешел к джазовым произведениям, открывая для себя Д. Гершвина, Л. Ферре, Ш. Азнавура, К. Портера, Ш. Трене и других. Его интерес к песенному творчеству был

определен встречей в 1938 году с очень известным исполнителем того времени Фрелем. Эта встреча оставила неизгладимый отпечаток в его памяти.

1958 год стал решающим для Сержа Генсбура. Знакомство с Б. Вианом (известным французским композитором, поэтом, исполнителем) сформировало у автора истинный вкус к сочинительству. Разделяя цинизм и обостренное чувство действительности Б. Виана, он почувствовал себя свободным писать и исполнять свои тексты. Его первая пластинка вышла в 1959 году, а на обложке был напечатан следующий мини-диалог: «Кем вы больше всего хотите быть? Маркизом де Садам». Этот альбом положил скандальное начало его карьере и определил настроение всего творчества С. Генсбура. Ярким примером этого является песня *Je t'aime moi non plus* (Я тебя люблю, я тебя тоже нет) (1969), которую С. Генсбур исполнил вместе с Б. Бардо. Композиция носила слишком откровенный характер, поэтому была запрещена для трансляции на радио. А в песне *Les succettes* (Леденцы) (1969), записанной вместе с последней любовницей Сержа Генсбура, крайне слабо скрывалась идея орального секса. Скандальность его текстов была всего лишь отражением его сущности. Привлекать внимание нестандартным поведением было сутью его жизни. Манера одеваться, курение сигар, алкоголь, нецензурная речь и женщины, много женщин – все это было вызовом обществу, морали. За это его не просто любили, а обожали и поклонялись ему потому, что он говорил то, о чем все думали. После выхода первого альбома С. Генсбур много писал для других исполнителей и пользовался не меньшей славой в качестве композитора и автора.

Он был искренним и настоящим, что отражалось в его текстах. Сам Серж Генсбур, используя арготическую лексику в своих текстах, да и в повседневной речи тоже, говорил, что это всего лишь язык, на котором говорят современные школьники.

С другой стороны, жизнь и творчество Сержа Генсбура не были так просты, как представляется на первый взгляд. О нем говорят, что он веселый

пессимист и ностальгический оптимист. Его улыбка – это улыбка отчаяния. Он не верил ни во что и одновременно во все. Он мог испытывать невероятную преданность ко всем, а мог быть недоверчивым и подозрительным.

Поступки С. Генсбура поражали своей эксцентричностью. Однажды, во время интервью с У. Хьюстон он сказал ей, что готов провести ночь вместе с ней. А на другой встрече он прилюдно сжег пятисотдолларовую купюру, чем вызвал возмущение публики. Но в следующий момент он достал свою чековую книжку и выписал чек на 500 долларов в адрес организации Медицина без границ. Таким образом, С. Генсбур мог в одно мгновение заставить ненавидеть и обожать себя.

С. Генсбур считал себя очень некрасивым человеком и никогда не держал дома зеркал. Он говорил, что уродливость не так сиюминутна, как красота, и таким образом, относился к миру, как одиночка. Со временем он осознал, что его внешность, на самом деле, – это оружие, что уродливость прекрасна, оригинальна. Теперь его внешность не отталкивала, а притягивала и сводила с ума женщин. Например, Д. Биркин, которая была не просто женой, а подружкой всей его жизни и единомышленником.

Несмотря на внешний хаос и поведение С. Генсбура, он был весьма организованным человеком. В этом заключается еще одно противоречие: он до маниакальности любил порядок, в то время как для толпы он был воплощением непостоянства и беспорядка. Он говорил: «Когда речь идет о физическом беспорядке, важно найти равновесие в том месте, где ты живешь». Даже на столе, за которым он сидел, все вещи были расставлены в порядке необходимости. В его комнате стояло фортепиано фирмы Steinway, за которым он сочинял музыку. А когда С. Генсбур писал книгу, то рядом неизменно присутствовали словари, так как ошибки и искажение смысла просто не допускались. С. Генсбур не очень любил современную музыку и вещи, например синтезатор. Он, скорее, оставался приверженцем строгого классицизма. У него еще была небольшая статуя молодого человека, которая

называлась *L'Homme à la tête de chou* (Человек с головой в виде капусты). Этот юноша потерял голову из-за прекрасной, но жестокой девушки Марилу (она стала героиней многих песен С. Генсбур), в которую он был влюблен. Эта статуя стала словно символом безумной страсти самого автора к женщинам (из-за этого можно было наделать много глупостей) и их любви к нему. Таков был Серж Генсбур дома: спокойный, уравновешенный, любящий порядок и тишину.

Женщины всегда играли особую роль в жизни С. Генсбура. Он был неоднократно женат, а количество любовниц до сих пор остается загадкой для миллионов его поклонников. Он говорил: «Женщины для меня – это китайская грамота. Вы их понимаете? А я – нет» (1961). Это была еще одна фраза, которой С. Генсбур играл, чтобы шокировать публику. А потом он мог резко заявить, что прекрасно знает женщин в весьма неординарной форме: «Я их не понимаю, потому что я их понимаю», – тем самым утверждая важность лишь настоящего момента. Он их понимал и осуждал за все их недостатки. Встреча мужчины и женщины всегда была для С. Генсбура борьбой. Что касается лично автора, то он всегда выходил из этих поединков победителем. Он верил в безрассудную любовь, но она была мимолетна, кратковременна. Отрицательный образ женщин сформировался у автора в первые годы его творчества. Циничность и отрицание реальности было отражением внутренней психологической борьбы С. Генсбура с самим собой и его восприятием своей внешности.

Только спустя много лет после начала своего творчества С. Генсбур перестанет осуждать женщин, потому что в своей работе и в своей жизни он найдет достойных его внимания. Это повлекло за собой восприятие эротизма с точки зрения сдержанности и целомудрия (1968). Это было время серьезных изменений в сознании общества: новые мысли, новые течения. Все, что было значимо раньше, теперь не имело значение. Нравы стали более свободными, отношения между мужчиной и женщиной упростились. И С. Генсбур в это время воспринимался снисходительно. Хотя и этот процесс

не прошел безболезненно. С. Генсбуру было весьма не просто заставить закостенелое общество «шевелиться», это требовало определенных усилий, шокотерапии и даже некоторой грубости. И он, конечно же, был первым, кто смог шокировать общество, представив свое новое творение *Je t'aime... moi non plus* (1969), о котором было упомянуто выше. Это был настоящий скандал. Но, с другой стороны, этот скандал послужил своеобразной рекламой автору. Тема любовных утех постоянно фигурирует в творчестве С. Генсбура. Но, пока он предоставляет возможность исполнителям своих песен выражать нежные чувства, сам С. Генсбур остается резким и эгоистичным. Он становится настоящим мачо, нахваливая свои сексуальные возможности и любовные победы. Насмешка, желание шокировать и заставить окружающих содрогаться были словно инструментом, чтобы показать себя сверхмужчиной.

Важно отметить, что за шокирующими словами очень часто скрывался совсем иной смысл, нежели мы привыкли воспринимать. Порой для Сержа Генсбура это был способ развеселить самого себя, «принца, который не смеется» (определение Л. Риу).

В 80-х годах появляется новая свобода – свобода сексуальных отношений. К мужской гомосексуальности стали относиться более терпимо. И сам С. Генсбур был в прямом смысле слова «очарован» этим направлением. Теперь он и сам считает себя таким. Но С. Генсбур не считал себя гомосексуалистом, потому что он очень любил женщин и не мог исключить их из своей жизни. В 80-е года автор пишет несколько текстов, в которых отражает соответствующий сексуальный опыт: *Libération* (Освобождение), *Dieu que les hommes sont méchants* (Боже, как люди злы), *Harley Davidson* (Харли Дэвидсон). И все время через все его тексты проходит одна главная мысль: «Физическая любовь безвыходна».

С. Генсбур всегда был разрушителем языковых традиций: правильность языка, за которую на протяжении многих веков боролись пуристы, не имела никакого значения для него. Он «ломал» слова и искажал их смысл по-

своему, играл ими словно жонглер шарами. Смысл слов имел порой для него меньшее значение, чем его звучание или образ, который можно создать из двух звуков. Хладнокровно он предлагал вместо одной логики свою, другую, отличную от принятого понимания, но имеющую право на существование. Он испытывает истинное удовольствие, употребляя простые, банальные слова.

С помощью детской игры «Марабу» (повторение последнего слова в предложении или созвучного с ним в начале следующей строчки), в которую играют все школьники, Генсбур преподносит мрачную песню о тяготах жизни:

Bout d'ficelle

C'est la vie

Vie de chien

Chien de temps

Tant qu'à faire

Faire les cons

Qu'on se marre

Marabout.

В трех строчках он мог рассказать об ужасной катастрофе:

Au compteur...190

A la borne...195

Effusion... 200

В песне *La Javanaise* (1968) он возрождает форму забытого аргю, чтобы рассказать о любви, которая закончилась абортом. Этот текст интересен еще и своей композицией: она строгая, воспринимаемая визуально в виде столбца:

J'avoue

J'en ai

Bavé

Pas vous

Mon amour

Avant

D'avoir

Eu vent

De vous

Mon amour.

В этой песне автор использует оригинальный прием: он включает между слогами слов слог «av» как намек на аборт (фр. *Avortement*). Этот прием С. Генсбур опять заимствует из детской игры.

По мнению автора, язык должен быть близок к разговорному, тому, на котором говорят на улицах. Литературный язык для него слишком претенциозен, он пользуется им только для написания своих книг. А для текстов песен он выбирает тривиальные, банальные фразы, похожие на те, которые используются в бистро и кафе.

Его тексты оставались ярким примером французской песенной традиции. В 70-х, а затем и в 80-х годах, С. Генсбур становится особенно популярным среди молодежи, потому что он никогда не боится пренебречь хорошим тоном. На протяжении всего 1975 года он многое делает для того, чтобы о нем говорили, провоцируя публику на резкую критику. Для начала он выпускает альбом «*Rock around the bunker*», в котором Серж Генсбур упоминает времена фашизма и затрагивает самые болезненные темы. Практически все композиции с этого альбома были проигнорированы большинством радиостанций. И, несмотря на это, находятся люди, которые видят в Серже Генсбуре не провокатора, а талантливого человека. И его тексты представляют собой богатый материал для культурологического и лингвистического изучения, благодаря его таланту и блестящему знанию французского языка.

2.2 «Любовь» как лингвокультурный эмоциональный концепт

Чувство любви сопровождает человека всю жизнь, является мотивом большинства его действий и мыслей. Человек испытывает чувство любви ко всему, с чем или с кем встречается в повседневной жизни. Отсюда – многоплановость любви и разнообразие ее видов. Концепт «любовь» является одной из основополагающих констант в концептосфере той или иной культуры, то есть таких, в которых заложены особые ценности любой культуры. Он отражает динамику культурного развития нации, ее идеалы и приоритеты на протяжении многих веков. Общепринято, что концепт «любовь» является эмоциональным концептом, потому что затрагивает психологическую сторону отношений между людьми. Эмоции являются тем элементом психологии человека, который объединяет представителей разных этносов.

Первые упоминания о любви мы встречаем в мифах Древнего мира. Тема любви выражалась тогда в скульптуре, лирической поэзии, трагедии. Уже в те времена это чувство получило трагическую окраску, усложнилось и сузилось в своем развитии – любовь как чувство приобретает все большую ценность. Она становится ценностью в результате распада древнего синкретизма общества и личности, личность осознает все больше свои отдельные, частные интересы. В лирике появляется мотив верности любви и ревности (Овидий, Гомер, Архилох, Сапфо, Мосх), что можно считать признаком появления индивидуальной любви. В любви особенно поражает многообразие ее видов и возникает чувство, что нет такой единой плоскости, на которой удалось бы разместить все эти разновидности, нет общего, однородного пространства, в котором они могли бы встретиться [Ивин 1990: 380].

Философские трактаты вышеупомянутых античных авторов (к ним можно отнести также и Платона, Плутарха, Цицерона) сформировали классическую типологию видов любви:

1. Филия – связь индивидов, обусловленная социальным или личным выбором.

2. Сторге – это нежная, уверенная, надежная любовь, которая устанавливается между родителями и детьми, мужем и женой, гражданами отечества.

3. Агапе – означает деятельную, озаряющую любовь; эта любовь основана на убеждении.

4. Эрос – персонифицированное обозначение сексуального инстинкта жизни (влечения) и сохранения этой жизни.

Н.А. Красавский отмечает, что, как в древнегреческой, так и в римской культуре любовь считалась божественным даром. Для греков любовь являлась дуалистическим, амбивалентным чувством: с одной стороны, любовь представляла собой высшую форму душевного чувствования, а с другой стороны, она являлась глубочайшим страданием, способным иногда лишить человека рассудка. В римском обществе поощрялись те поступки, которые вели исключительно к физической любви. Создание культа физической, а не духовной любви объясняется среди населения Рима во многом политической обстановкой того времени [Красавский 2001: 65-66].

В Средние века флорентийский неоплатоник XV века М. Фичино говорил о возможности трех видов любви: любовь высших существ к низшим, выражающаяся в умиленном опекунстве; любовь низших к высшим, проявляющаяся в благодарном почитании, и любовь равных существ, составляющая основу всепроникающего гуманизма [Фичино 198: 369]. Эта идея выделения видов любви в зависимости от «ранга» связываемых ею существ используется многими философами и психологами.

К.С. Льюис различает любовь-нужду и любовь-дар. Типичный пример второй – любовь к своим детям человека, который работает на них не жалея сил, отдает им все и жить без них не хочет. Любовь-нужду испытывает испуганный ребенок, бросающийся к матери [Льюис, цит. по

Особенности употребления концепта Любовь в английской паремиологии: эл. ресурс].

Т. Кемпер в основу своей классификации кладет два независимых фактора: власть и статус. Власть – это способность силой заставить партнера сделать то, что ты хочешь; статус – способность вызывать желание партнера идти навстречу твоим требованиям. В зависимости от того, является уровень власти и статуса высоким или низким, выделяются семь типов любви: романтическая любовь, родительская, братская, харизматическая, «поклонение» литературному или иному герою, влюбленность, «измена» [Kemper, цит. по Особенности употребления концепта Любовь в английской паремиологии: эл.ресурс].

А.А. Ивин предлагает представить поле концепта «любовь» в виде ряда «ступеней» или серии «кругов». Каждый из «кругов» включает в себя близкие виды любви, а движение от ядра к периферии подчиняется определенным принципам. Исследователь выделяет девять таких «кругов», ведущих от эротической любви через любовь к ближнему, к любви к истине, к добру и т.п. и далее к любви к власти, к богатству и т.д. «Любовь очень разнородна, она включает не только разные виды и их подвиды, но и то, что можно назвать формами любви и ее модусами. Видами любви являются, например, любовь к ближнему и эротическая любовь; формами проявления любви к ближнему служат любовь к детям, любовь к родителям, братская любовь и др.; модусами являются любовь мужчины и любовь женщины, любовь северянина и любовь южанина, любовь средневековая и современная» [Ивин 1990: 387-388].

В лексикографии среди значений любви как межличностного отношения по объекту выделяются:

- 1) любовь эротическая;
- 2) любовь родительская, братская;
- 3) «хорошее отношение» – дружеское расположение, симпатия;
- 4) любовь к ближнему (религиозная) [Кузнецова 2005: 35-36].

Все вышеупомянутые классификации имеют своей целью представить любовь как сложное чувство, внутреннее содержание которого зависит от ряда объективных факторов. Для нашего исследования интерес представляет классификация А.А. Ивина, в которой можно проследить эволюцию любви от ее более абстрактных видов к более конкретным модусам. Кроме того, в поле нашего внимания попадает только такой модус любви как любовь между мужчиной и женщиной.

Исследования данной темы зарубежными учеными представляют собой в основном анализ ценностного компонента любви как человеческого чувства и сводятся к философско-этическим умозаключениям (И.Кант, Л. Фейербах, А. Шопенгауэр, З. Фрейд и др.). Дополнительными примерами большого интереса к теме любви в философии могут служить следующие работы: «О любви и красотах женщин: трактаты о любви эпохи Возрождения», 1992; А.В. Сосновский «Лики любви: очерки истории половой морали», 1992; В.С. Соловьев «Смысл любви», 1991; Э. Фромм «Искусство любви» и многие другие [Шестаков: эл.ресурс].

Удивительно емкое и многозначное чувство любовь является самой таинственной областью человеческих отношений. Лингвистика как социально значимая научная дисциплина не осталась в стороне от многомерности исследовательского процесса, также включив в состав исследуемых объектов любовь. Эта общечеловеческая ценность привлекла внимание многих отечественных и зарубежных языковедов. Наиболее распространенными стали исследования данного концепта в рамках лингвокультурологического, психолингвистического и когнитивного направлений (С.Г. Воркачев, Л.Г. Бабенко, В.И. Шаховский, В.Н. Телия, Н.А. Красавский и др.).

В последние десятилетия концепт «любовь» анализировался в следующих направлениях: рассматривался данный концепт через призму национального менталитета как русская культурная доминанта,

обладающая особой лингвистической и культурологической ценностью (В.В. Колесов); изыскивались способы адекватного толкования любви с помощью метаязыка (А. Вежбицкая); исследовалась лингвокультурологическая специфика концепта «любовь» в русском и немецком языках (Л.Е. Вильмс); описывалась этносемантика телеономных концептов «любовь», «счастье» в русском и английском языках (Воркачев С.Г.); концепт «любовь» исследовался как эмоциональный концепт с точки зрения ассоциативного и гендерного аспектов (Л.Э. Кузнецова); и т.д.

Кратко рассмотрим, каким образом концепт «любовь» представлен в трудах отечественных лингвистов. Исходя из классификации, предложенной И.А. Стерниным, концепт «любовь» следует отнести к сегментным концептам, так как он обладает базовым чувственным слоем и окружен несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции [Стернин 2004: 67].

Концепт «любовь», названный С.Г. Воркачевым телеономным, является универсалией культуры субъективного ряда [Воркачев 2003: 271], в которой фокусируется отношение к объекту как к чему-то безусловно ценному. Телеономные концепты – это концепты «высшей духовной ценности, образующие и воплощающие для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни, – идеал, ради которого стоит жить и не жалко умереть...» [Воркачев 2003: 24].

Концепт «любовь» отражает представление о базовых ценностях и «экзистенциальных благах» [Брудный 1998: 75], в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с концептами «счастье», «вера», «надежда», «свобода», «добро». Он напрямую связан с формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия [Воркачев 2003: 34]. Любовь понимается как

непосредственное, глубокое и интимное чувство, предметом которого выступает, прежде всего, человек (в некоторых случаях это может быть предмет, имеющий особую жизненную значимость). Любовь позволяет понять сущность человека, его помыслы и дела.

Как было отмечено выше, «любовь» представляет собой универсальный эмоциональный концепт.

В своей книге «Эмоциональные концепты» З. Кевечес показывает, что эмоциональные концепты имеют более сложную и тонкую структуру и более богатое концептуальное содержание, чем можно было бы предположить, исходя из классической точки зрения на эмоции. Автор считает, что традиционные описания эмоций на основании классических теорий являются недостаточными, поскольку не отражают представления самих субъектов эмоций [Кевечес, цит. по: Мягкова 2000: 57].

Культурная обусловленность эмоционального концепта определяется тем, что он рождается в конкретной социально-исторической ситуации. Его же этническая обусловленность определяется такими социо-психологическими характеристиками конкретного сообщества людей, как традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения и т.п., исторически сложившиеся на всем протяжении развития этноса [Красавский 2001:71].

«Любовь», рассматриваемая как лингвокультурный эмоциональный концепт, обладает универсальным характером. И универсальность его, прежде всего в том, что он присутствует в каждой лингвокультуре. Как и большинство подобных концептов («воля-свобода», «правда-истина», «блаженство-счастье» и др.), в своем вербальном представлении она характеризуется «разноименностью» и «семантической дублетностью» (любовь – влюбленность – страсть – увлечение – милость – жалость). [Иванова 2006: 68].

Несомненен тот факт, что любовь, представляя собой универсальную человеческую ценность и занимая особое место среди лингвокультурных

концептов, имеет собственное языковое выражение, специфическое для различных этнокультур. Этнокультурные различия и сходства концепта «любовь», в том числе и гендерные, свидетельствуют об индивидуальности восприятия окружающего мира той или иной нацией и способах концептуализации полученной информации.

Н.А. Бердяевым предложена, пожалуй, наиболее гендерно-дифференцированная точка зрения на любовь. Он проводит черту между любовью женской и любовью мужской, называя это «глубоким, трагичеким несоответствием». «Женщина, – пишет Н.А. Бердяев, – существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа. Она по преимуществу носительница половой стихии... Женщина, страдающая от неразделенной любви, на вопрос, что такое бытие, всегда ответит: бытие есть неразделенная любовь» [Бердяев 1991: 439]. «В мужчине пол гораздо более дифференцирован... В мужской природе есть способность переживать в себе во всякое время... всю полноту духовной жизни своей личности, всегда чувствовать себя собой в полноте своих сил...» [Там же: 440].

Й. Геррес противопоставляет любовь мужчины к женщине и любовь женщины к мужчине, считая, что «в душе женщины непосредственное чувство преобладает над фантазией..., в мужчине же наиболее подвижна фантазия» [Геррес 1990: 262-263]. Философ полагает, что «любовь женщины переходит в материнскую любовь и соответственно любовь женщины – это изначальная сила, а материнская любовь – сила вторичная» [Геррес 1990: 269].

Таким образом, любовь предстает как сложное чувство, являющее собой универсальную ценность, имеющее сложный характер и, следовательно, вербализующееся при помощи языковых средств, специфичных для каждой этнокультуры. Современные исследования еще раз подтверждают тот факт, что «типологизировать любовь из-за текучести этой «материи», пожалуй, столь же сложно, как внести упорядоченность в

мир элементарных частиц или вирусов» [Ивин 1990: 381]. Вопрос о видах любви не проще, чем вопрос о ее смысле и причинах ее возникновения. Для нас также важным представляется тот факт, что концепт «любовь» обладает не только общими для всего человечества базовыми и специфическими для данной культуры признаками, но и гендерными характеристиками. В рамках гендерной обусловленности искомого концепта мы можем рассмотреть индивидуальную специфику его реализации, что станет предметом нашего дальнейшего исследования.

2.3. Концепт «любовь» в разноязычных лингвокультурах

Вслед за И.А. Стерниным, мы относим концепт «любовь» к сегментным концептам, так как он обладает базовым чувственным слоем и окружен несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции [Стернин 2004: 66]. Проведенный анализ на материале русского и французского языков позволил нам выявить ядро концепта, ближнюю и дальнюю периферии.

Именем концепта мы принимаем лексему *amour*, вокруг которой формируется ядро и периферия концепта. Ядерную зону концепта составили четыре однокоренных лексемы: *amour* (состояние), *aimer* (действие), *amoureux* (определение), *amant(-e)* (деятель). Все они передают основное значение – «чувство глубокой эмоциональной или физической привязанности к кому-либо или чему-либо; чувство любви» («*attirance, affective ou physique, qu'en raison d'une certaine affinité*»).

Согласно лексикографическим источникам современного французского языка лексема *amour* обладает следующими лексико-семантическими вариантами, которые позволяют выявить признаки концепта «любовь»:

I. Душевное волнение, которое побуждает к установлению близкой связи с человеком, либо для того, чтобы на него оказать благотворное

влияние, либо для того, чтобы на него оказали благотворное влияние (*Mouvement de l'âme qui pousse à établir une relation intime avec un être, soit pour lui faire du bien, soit pour en recevoir de lui*).

1) сильная привязанность к человеку, глубокая нежность, которая связывает двух людей (*Vive affection pour une personne, tendresse profonde qui lie deux êtres*). Данное значение фиксируется в следующих устойчивых словосочетаниях:

- *Amour du prochain, d'autrui* – душевное волнение, в котором хотят добра в будущем, блага другим (*mouvement par lequel on veut le bien du prochain, d'autrui*) [Le Trésor].

- *Amour de soi, amour-propre* – сильное чувство собственного достоинства и собственной значимости, заставляющее человека страдать в случае его не уважения и побуждает искать это уважение. (*Sentiment vif de la dignité et de la valeur personnelle, qui fait qu'un être souffre d'être mésestimé et désire s'imposer à l'estime d'autrui.*) = *гордость (fierté)* [Le Robert].

2) привязанность между членами семьи (*Affection entre les membres d'une famille*). *L'amour maternel, paternel, filial, fraternel* – материнская, отцовская, сыновья (дочерняя), братская любовь.

3) действие, с помощью которого Создатель любит свое создание, желает, чтобы оно соединилось с ним; действие, в котором создание представляет всего себя Создателю. Бог – любовь во всей его сущности. (*Acte par lequel le Créateur aime sa créature, souhaite qu'elle s'unisse à lui ; acte par lequel la créature se porte de tout son être vers le Créateur. Dieu est amour dans son essence même*). Данный лексико-семантический вариант имеет словарную помету религ. Это значение передается в таких идиоматических выражениях, как: *L'amour de Dieu* – любовь человека к Богу или любовь Бога к людям (*l'amour de l'homme pour Dieu ou celui de Dieu pour les hommes*). *Pur amour* – любовь к Богу без какого-либо желания, страха, надежды или предпочтений (*amour pour Dieu sans aucun mélange de désir, de crainte, d'espérance ou de*

préférence). *Pour l'amour de Dieu, dans le seul désir de plaire à Dieu* – Христа ради, бога ради.

4) физическое и чувственное влечение; физические и чувственные взаимоотношения между двумя людьми, которые любят друг друга. Любовь – это желание быть вместе с тем, кого любишь (*Attirance physique et sentimentale; relations physiques et sentimentales entre deux personnes qui s'aiment. L'amour est un désir d'union avec ce que l'on aime*). Например, *amour ardent* – горячая любовь, *amour jaloux* – ревнивая любовь, *amour aveugle* – слепая любовь, *amour exclusif* – эгоистическая любовь. *Donner, inspirer, éprouver de l'amour. Être transporté d'amour* – быть восхищенным любовью. *Brûler d'amour* – пылать любовью, *languir d'amour* – изнемогать от любви, *mourir d'amour* – умирать от любви. *Philtre d'amour* – любовный напиток, приворотное зелье, *serment d'amour* – неверная клятва. *Un amour de jeunesse (Amour platonique, qui ne recherche pas sa satisfaction physique)* – платоническая любовь, которая не стремится к физическому удовлетворению. *Amour chaste* – целомудренная любовь, *amour de tête* – выдуманная любовь, *amour vénal* – продажная любовь.

Описанная выше лексема реализуется в следующих устойчивых выражениях:

Faire l'amour – иметь сексуальные отношения;

Enfant de l'amour – дитя любви, внебрачный ребенок;

A vos amours ! a vos souhaits – Будьте здоровы!;

La saison des amours (la saison au cours de laquelle les animaux s'accouplent) – брачный период;

Filer le parfait amour – наслаждаться любовью, нежно любить друг друга, крутить любовь;

Vivre d'amour et d'eau fraîche – жить пищей святого Антония, то есть жить без еды, питья, только благодаря/ во имя любви;

Mon amour, mon cher amour – человек, которого любят страстно (*Personne que l'on aime avec passion*);

Elle est jolie comme un amour – она просто прелесть;

Un amour de petit chapeau – прелестная шапка.

Также данное значение находит свое применение в поговорках:

L'amour apprend aux ânes à danser – любовь и осла плясать научит.

L'amour est aveugle – любовь слепа. *Il n'y a point de belles prisons ni de laides amours* – тюрьма никогда не может быть прекрасна, как любовь не может быть уродлива; \approx не по хорошу мил, а по милу хорош. *Malheureux au jeu, heureux en amour* – счастлив в игре, несчастлив в любви. *L'amour est fort comme la mort* – любовь сильна как смерть. *L'amour est plus fort que la mort* – любовь сильнее смерти.

II. Сильная привязанность к чему-либо (*Vif attachement pour quelque chose*).

1) глубокая и бескорыстная привязанность к тому, что мы оцениваем как хорошее, красивое, настоящее, к идеалу, ценности (*Attachement profond et désintéressé à ce qu'on estime bon, beau, juste, vrai, à un idéal, à une valeur*). Например: *l'amour de la justice* – любовь к справедливости, *l'amour de la patrie* – любовь к родине.

2) сильное влечение к предмету или категории предметов, страстная склонность к чему-либо (*Vive attirance pour un objet ou une catégorie d'objets, goût passionné pour quelque chose*). *L'amour des richesses* – любовь к богатству, *l'amour de la musique* – любовь к музыке.

III. 1) любовь человека, животного, вещи, которая вызывает восхищение его очарованием, красотой (*Un amour de, se dit d'une personne, d'un animal, d'une chose qui suscite l'admiration pour son charme, sa beauté*). *Quel amour d'enfant !* – Прелесть, что за ребенок! *Vous avez là un amour de chat* – Вы любите кошек. *Un amour de statuette* – любовь к статуэткам.

2) словари фиксируют аллегорическое или символическое изображение любви (*Représentation allégorique ou symbolique de l'amour*), часто любовь предстает в виде ребенка, вооруженного луком – купидон – «cupidon» [Le Petit Larousse].

Таким образом, лексикографический материал позволяет нам выявить базовое представление о содержании исследуемого концепта: это очень сильное чувство, нежность, физиологическое влечение двух людей друг к другу, которое сопровождается чувством привязанности, преданности, благожелательности. Любовь может вызывать восхищение, очарование, сильное влечение и быть направлено как на представителя другого пола, так и на членов семьи, а также к высшему существу Богу.

Вокруг ядерной зоны формируется ближняя периферия, которая подразделяется нами на два подуровня: первый и второй. К ближней периферии первого подуровня мы отнесли синонимы лексемы *amour* и ее дериватов. Более того, в основных дефинициях этих лексических единиц содержится указание на то, что переживание данных чувств может привести, в конце концов, к испытыванию чувства любви. В этот раздел входят следующие слова: *flirt, amourette, s'éprendre, chérir, se passionner, épris(-e), cher(-ère), raffoler, s'embrasser, s'enamourer, sentimental(-e), sentiment, ami(-e), voluptueux(-euse), érotique, sensuel(-e), aimable, sexuel(-e), amical, amitié.*

К ближней периферии второго подуровня мы отнесли синонимы, которые передают лишь производное значение лексемы *amour (m)* и ее дериватов: *attachement, goûter, fou, caressant, enflammé, tendresse, inclination, désir, désirer, idolâtrer, s'amouracher, se plaire, langoureux, lascif, adoreteur, entiché, ardeur, toquade, passade, fantaisie, enthousiasme, intrigue, sens, penchant, plaisir, intérêt, s'enticher, préférer.*

К дальней периферии (которая составляет самую многочисленную группу) относятся лексемы, употребление которых в значении «испытывать чувство глубокой привязанности к кому-либо; чувство любви» требует дополнительного контекста: *passion, affection, affectueux, fervent(-e), adoration, galanterie, devotion, se toquer, admiration, câlin, caprice, salace, coeur, fanatisme, alangui, liaison, infatué, bagatelle, chipé, badinage, chaleur, engouement, béguin, grâce, délicatesse, flamme, tendance, aventure, mouvement,*

relation, culte, blquette, ardent, affolé, demander, réclamer, roucouler, pincer, s'attacher, s'intéresser, mordre.

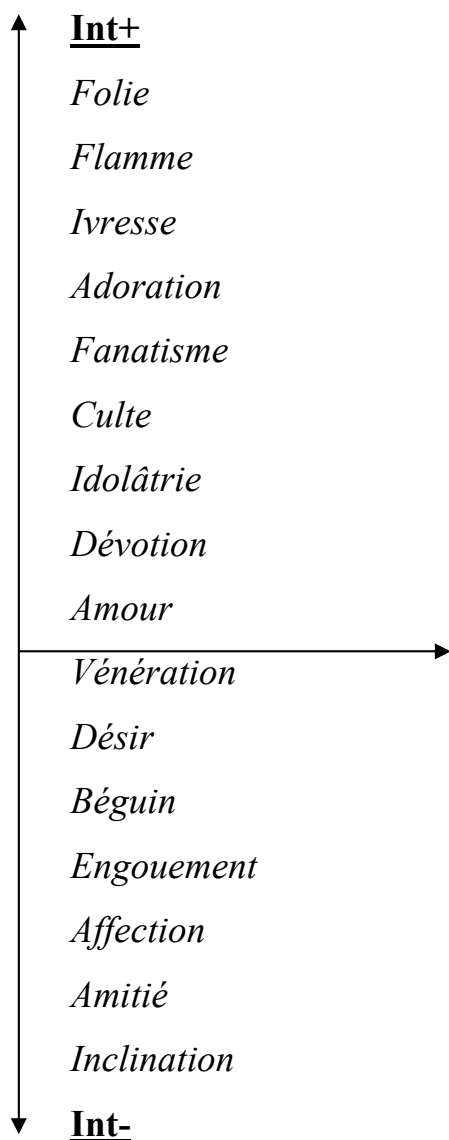
В дальней периферии располагается также устаревшая и малоупотребительная лексика, фразеологизмы. Анализ метафорических репрезентантов концепта «любовь» во французском языке, проведенный А.И. Фофиным, позволяет воссоздать концепт «любовь»: данное чувство предстает как сложное, комплексное, диапазон изменений психики настолько велик, что захватывает множество других чувств. Оно может быть представлено через различные метафорические образы. Самым распространенным представлением о любви является жидкость, которое наполняет человека, его душу и сердце: *l'amour remplit l'âme, le coeur, la vie de qn.* Желание любви сравнимо с жаждой: *soif de l'amour, vin de l'amour, boire l'amour, s'enivrer de l'amour.* Любовь сравнивают с рекой, морем или океаном: *amour profond, sans bornes; amour déborde; une vague d'amour; un flot d'amour.* Другой образ любви – это огонь, пламя, пожар: *amour brûle, enflamme l'âme, amour s'éteint, feu d'amour, étincelle d'amour, amour brûlant, amour ardent.* Любовь становится стихийным бедствием, неуправляемым, выходит из-под контроля: *souffle d'amour, rafale d'amour, amour ravage, détruit, foudroie.* С другой стороны, любовь представляется живым существом, наделенным разумом, даром речи, она нуждается в пище, обладает органами чувств: *amour naît, se taît, s'exprime, parle, écoute, meurt, étouffer l'amour, tuer l'amour, étouffer l'amour, les yeux de l'amour, amour aveugle, fou, éperdu, insensé, bête, idiot, stupide, l'amour a besoin d'aliments, amour se nourrit.* В то же время любовь может быть сравнима с обыкновенной вещью, которую можно купить, продать, подарить и т.п. Любовь – это не только положительные переживания, но и страдания и мучения. Отрицательное действие любви сравнивают с болезнью, недугом, который может иметь легкую и тяжелую формы, может излечиваться: *maladie d'amour, guérir de l'amour, la fièvre d'amour, mourir par amour, peste d'amour, remède de l'amour, être malade d'amour, amour fatigant, amour*

incurable. Любовь может быть тяжестью, грузом, или быть хрупким, слабым: *amour pèse sur le coeur, amour opresse, amour délicat, amour brisé, amour cassé, défendre l'amour, conserver l'amour, préserver l'amour*. Вместилищем любви является сердце и все тело: *il se sentit anéanti et plein d'amour; son coeur / mon âme est plein d'amour* [Фофин 2004: 78].

Дефиниционный анализ синонимов дает дополнительную возможность выделить некоторые виды любви во французской лингвокультуре. Любовь может проявлять себя как:

1. Дружеское чувство: *attachement, inclination, intérêt, amitié*;
2. Акт поклонения: *fanatisme, dévotion, vénération, dévouement, culte, idolâtrie, piété*;
3. Мимолетное чувство, развлечение: *bricole, batifolage, babiole, amusement, flirt, amourette, caprice, toquade, passade*;
4. Сексуальное влечение: *désir, bagatelle, ardeur, chaleur, béguin, engouement, sensibilité*;
5. Безумная страсть: *fièvre, passion, folie, flamme, bluette, feu, ferveur, bouillonnement, ivresse*;
6. Союз двух людей: *liaison, entente, association, mariage, concubinage, mariage*;
7. Возвышенное чувство: *affection, tendresse, coeur, dilection, délicatesse, galanterie*;
8. Прощение: *grâce*;
9. Воодушевление: *enthousiasme*;
10. Мифологический/божественный образ: *Eros, ange, Cupidon, Vénus, Aphrodite, Hymen*.

Наличие семы интенсивности в семантике данных лексем позволяет построить схему проявления любви, где на самом нижнем уровне находятся лексемы, выражающие слабое проявление чувства (int.-), а на самом высоком уровне – лексемы с выражением наивысшего проявления этого чувства (int.+). В результате, мы получаем следующую схему:

Анализ корпуса французской литературы позволил нам выявить ряд сочетаемостей существительного *amour* с прилагательными. Эти прилагательные позволяют выделить следующие характеристики любви. Любовь во французском языке обладает как положительными (*ardent, calme, charnel, éternel, romantique, passionné, naturel, idéal, profond*), так и отрицательными (*seul, violent, dernier, aigu, malheureux, perdue, impossible*) признаками. Любовь может быть настоящей, сильной, вызывающей бурю эмоций (*fort, grand, libre, immense, pure, brûlant, infini, secret, sincère, unique, tranquille, tendre, partagé*) или пассивной, безцветной (*désintéressé, irréductible, faux, sauvage*). Надо отметить, что отрицательные

характеристики составляют наименьшее количество. Данные прилагательные наглядно показывают противоречивый характер чувства любви во французской лингвокультуре.

Другие возможные сочетания лексемы *amour* подтверждают вывод, предложенный выше: а) *amour* + adj. + de: *digne, ivre, plein*; б) Subst. + d'amour, de l'amour: *acte, baiser, besoin, chagrin, chant, déclaration, délices, désert, désespoir, désir, douleur, élan, espérance, espoir, excès, feux, folie, force, grâce, histoire, idée, innocence, intelligence, jeunesse, joie, mots, mystère, nuit, paroles, peine, pensée, pouvoir, preuve, regard, regret, rêve, scène, sens, transport*; в) Verbe + (son), (l') amour : *avouer, comprendre, connaître, dire, donner, exprimer, oublier, prouver, raconter, rendre, savoir*; verbe + à (son), (l') amour : *croire, porter, renoncer*; verbe + de (son), (l') amour : *avoir, brûler, douter, éprouver, inspirer, mourir, parler, pleurer, porter, se prendre, rêver, sentir*; amour + verbe : *confondre, exister, finir, naître, sembler*. Все вышеуказанные примеры показывают, что лексема *amour* проявляет весьма «подвижный» характер и может встречаться в различных сочетаниях.

К типичным действиям при переживании чувства любви можно отнести следующий ряд глаголов и глагольных выражений, передающий возможные способы внешнего выражения любви (кричать, бледнеть, дрожать и т.д.): *crier, hurler, bondir, sauter, danser, tressaillir, se pâmer de l'amour, se froter les mains de l'amour, trembler de l'amour, frémir de passion, de tendresse etc.* Результатом этого, по мнению лингвистов, могут быть вегетативные реакции организма человека: бледность, румянец, учащение пульса, дрожь в теле, физическое недомогание, моторное перевозбуждение: «*Mais je songeais à la longue et souple jeune fille...le fin visage si pale d'amour...*» [Pagnol 1984: 158]: «И я думал о высокой девушке с плавными движениями и бледным от любви лицом»): здесь и далее перевод наш.

Любовь во французской лингвокультуре предстает как всеохватывающее, сильное чувство, по сравнению с которым все остальные чувства потухают, оно сопровождает человека от рождения до самой смерти.

Любовь может объяснить многое в человеке: его страсти, его цели, поведение, его отношение к людям. То, что делается против чувств человека, только наносит ему ущерб: *«Sous le nom d'amour, on peut comprendre toutes les passions expansives qui portent l'homme hors de lui-même, lui créent un but, des objets supérieurs à sa vie propre, le font comme exister dans autrui, ou pour autrui. L'éducation qui développe les premières passions personnelles au détriment des expansives est à contre-sens»* [BIRAN 1819: 246].

Во французском сознании концепт «любовь» характеризуется, в первую очередь, как чувство, которое может и отрицательно влиять на человека, как в эмоциональном плане, так и в физическом: *aimer à la folie* (любить до безумия); *aimer jusqu'à la fièvre cérébrale* (любить без памяти). Однако в состоянии влюбленности человек сам готов испытывать физическую боль со стороны своего любимого человека: *j'aimais coup de pied de jument ne fit mal à cheval* (милого побои недолго болят); *qui aime bien, chatie bien* (кого люблю, того и бью).

Любовь охватывает все стороны человеческой жизни. Можно говорить о разных типах любви – любовь детей к родителям, братская любовь, любовь супругов, родительская любовь, дружеская, любовь – милосердие, любовь-филантропия и т.д. Любовь во всех своих проявлениях затрагивает нашу жизнь, она повсюду, она и есть наша жизнь: *... je ne vois pas où est le catéchisme de l'amour et pourtant l'amour, sous toutes les formes, domine notre vie entière: amour filial, amour fraternel, amour conjugal, amour paternel ou maternel, amitié, bienfaisance, charité, philanthropie, l'amour est partout, il est notre vie même* [SAND 1855: 334]. Она может проявляться через объекты, с которыми связана: семью, родину, людей: *«Une psychologie trop purement intellectualiste, qui suit les indications du langage, définira sans doute les états d'âme par les objets auxquels ils sont attachés: amour de la famille, amour de la patrie, amour de l'humanité, elle verra dans ces trois inclinations un même sentiment qui se dilate de plus en plus, pour englober un nombre croissant de personnes. Le fait que ces états d'âme se traduisent au dehors par la même attitude*

ou le même mouvement, que tous trois nous inclinent, nous permet de les grouper sous le concept d'amour et de les exprimer par le même mot»... [BERGSON 1932: 34].

Для французской культуры очень важным является любовь к Родине, к родной земле, природе, в этом случае лексема *amour (m)* приобретает дополнительное значение «чувство единения с землей, природой и т.д.»: *«La vertu semble avoir des bornes. Cette grande hauteur, qu'ont atteinte certaines âmes, paraît en quelque sorte mesurée. Caton et Washington montrent où peut s'élever le plus beau, le plus noble de tous les sentiments, c'est l'amour du pays et de la liberté. Au-dessus on ne voit rien» [COURIER 1821: 81].*

Близким к этому является значение «Бог – это любовь»: *«Avec cet amour rien n'est plus nécessaire pour nous sur la terre, parce qu'il contient tout, qu'il est tout, et qu'il apprend tout. Voilà pourquoi nous sommes toujours en rapport avec Dieu, parce qu'il est l'amour universel [SAINT-MARTIN 1790: 402].*

Но самое главное: любовь – это потребность выйти за «пределы» себя, чувство, направленное на другого: *«Qu'est-ce que l'amour? Le besoin de sortir de soi» [BAUDELAIRE 1867: 655].*

Чувство любви – сложное психо-эмоциональное состояние, инстинкт продолжения рода, половое влечение и система, объединяющая различные компоненты, форма социального общения мужчины и женщины, целостное биологическое, психическое, эстетическое и моральное переживание [Фофин 2004: 45]. Чувство любви во всей сложности и полноте свойственно лишь человеку. Как было отмечено выше, любовь всегда подразумевает присутствие двух субъектов, точнее субъекта и объекта (в частности, в рамках нашего исследования речь идет об отношениях мужчины и женщины), носителей эмоций. Формирование любви начинается после получения конкретной информации о человеке. Воспринятая и переработанная информация об объекте любви получает эмоциональную окраску. А.И. Фофин отмечает, что любят по различию, по контрасту, по

антагонизму склонностей, когда качества одного восполняются, нейтрализуются или исправляются качествами другого [Фофин 2004: 46].

Влюбленный человек все видит в «розовом цвете», любовь его окрыляет, открывает новые горизонты, ему все кажется под силу, его охватывает радость: *Quand on aime, on aime tout. Tout se voit en bleu quand on porte des lunettes bleues. L'amour, comme le reste, n'est qu'une façon de voir et de sentir. C'est un point de vue un peu plus élevé, un peu plus large; on y découvre des perspectives infinies et des horizons sans bornes* [FLAUBERT 1846: 264].

Любовь мужчины и женщины также может быть разных видов. Существует четыре вида любви: любовь-страсть, «изящная любовь», физическая любовь и любовь-тщеславие: *Il y a quatre amours différents : amour-passion, celui de la religieuse portugaise, celui d'Héloïse pour Abélard, celui du capitaine de Vésel, du gendarme de Cento. 2. L'amour-goût, celui qui régnait à Paris vers 1760, et que l'on trouve dans les mémoires et romans de cette époque, dans Crébillon, Lauzun, Duclos, Marmontel, Chamfort, Mme d'Épinay, etc., etc. (...). 3. L'amour-physique. À la chasse, trouver une belle et fraîche paysanne qui fuit dans le bois. Tout le monde connaît l'amour fondé sur ce genre de plaisirs : quelque sec et malheureux que soit le caractère, on commence par-là à seize ans. 4 L'amour de vanité. L'immense majorité des hommes, surtout en France, désire et a une femme à la mode, comme on a un joli cheval, comme chose nécessaire au luxe d'un jeune homme* [STENDHAL 1822: 5-6]. Эти четыре типа любви, описанные писателем, показывают, прежде всего, взаимоотношения мужчины и женщины. Любовь как страсть охватывает человека, поглощает его целиком. Изящная любовь продиктована требованиями моды в обществе, диктующего определенные правила и требующего следования этим правилам. Физическая любовь предполагает получение физических удовольствий без каких-либо обязательств и духовной связи. И последний вид любви вызван тщеславием мужчины, который видит в женщине лишь красивое дополнение к своему богатству.

Таким образом, анализ лингвистического материала позволил нам

определить базовые компоненты концепта «любовь» во французской лингвокультуре. Количество лексем, через которые вербализуется данный концепт, свидетельствует о том, что он является одним из важнейших концептов, определяющих французское мировоззрение. Любовь – это душевное волнение, побуждающее к установлению близкой связи с другим человеком, желание добра и благожелательности, желание быть с любимым. Это всесильное чувство, которое невозможно скрыть, невозможно выразить словами, в то же время, это противоречивое чувство, которое легко может перейти в ненависть или в дружбу, сопровождаться ревностью. С одной стороны, любовь – это удовольствие, с другой – страдание, зависимость от любимого.

Рассмотрим также особенности вербализации концепта «любовь» на материале русского языка.

Ядро концепта «любовь» представлено лексемами *любовь, любить, любимый(-ая), любящий(-ая)*.

В русских лексикографических источниках «любовь» определяется, например, в Большом академическом словаре русского языка как:

I. Чувство глубокой эмоциональной привязанности, преданности кому-, чему-л., основанное на врожденном внутреннем чувстве, инстинктивной потребности. *Материнская любовь. «Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее рассудок мой».*

1) любовь к кому-л., чему-л. *«Прежде всего, ссыльного гонит из Сахалина его страстная любовь к родине». «Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку». «Душевная привязанность к деревне, любовь к ней остались у меня навсегда».*

2) чувство искреннего расположения, симпатии, привязанности, преданности кому-л., основанное на взаимопонимании, благодарности, уважении и т.п. *«Хитрым и вкрадчивым умом умела она приобрести любовь своих господ». «Кто был на фронте, тот поймет, что нет ничего выше, торжественнее, чище и огромнее вот такой товарищеской любви».*

II. Чувство горячей сердечной склонности; чувственное, страстное, плотское влечение к кому-л. *Счастливая, взаимная любовь. Несчастливая, неразделенная, безответная любовь. Романтическая, платоническая любовь. Признание, объяснение в любви. Муки любви. Брак по любви. «Любовью не шутят». «Любовь не картошка (не выбросишь в окошко)». «Я вас любил: любовь еще, быть может, В душе моей угасла не совсем; Но пусть она вас больше не тревожит; Я не хочу печалить вас ничем». «Татьяне Егоровне Николай Петрович не откажет. У них, говорят, когда-то большая любовь была». Подлинная любовь, особенно любовь мужчины к женщине, юноши к девушке, - это огромная затрата духовных сил, творчество, создающее счастье.*

Существуют следующие словосочетания с данной лексемой:

- Первая любовь. *«Санин и она – полюбили в первый раз; все чудеса первой любви совершались над ними». «Я грущу о первой любви, которой мне уже никогда не испытать».*

- Жить, прожить в любви, согласии, счастье т.п. *«И так прожили Пустоваловы тихо и смирно, в любви и полном согласии шесть лет».*

- По любви жениться, выходить замуж и т.п. Выходить замуж за любимого; жениться на любимой. *«Думаешь, она по любви пошла за тебя?»*

- Любовь с первого взгляда. Чувство влюбленности, страсти, сердечной склонности, возникшее с первой встречи.

- Любовь до гроба. Такое чувство, продолжающееся всю жизнь.

- Сгорать, умирать и т.п. от любви. Очень сильно любить.

- Дитя любви. О желанном, любимом ребенке (обычно красивом, здоровом, одаренном и т.п.).

- Совет да любовь (мир да любовь и т.п.). Пожелание жениху и невесте, молодым супругам. *«Ну что ж, сынок, мир вам и любовь. Тыходишь в хорошую семью». // О человеке, внушившем такое чувство.*

- Любовь кого-л., чья-л. *«Быть любовью героя Удел прекрасный, ..но любить героя Еще прекраснее». // Разг. Интимные, половые отношения. «Ее*

решительно не научили ничему, как только любить или, как лучше сказать, вести любовь с женщиной».

- (Устар.) В любви с кем-л. Быть, находиться и т.п. *«У нее купеческая дочка из Москвы жила и со мной, грешным делом, по тайности в любви находилась».* Крутить любовь (с кем-л.). Флиртовать; находиться в любовных отношениях с кем-л. И вся любовь. *Все кончено; ничего больше не будет. «Алик стоял на том же месте, держался за поручень. Как его только не задело? Счастливая же у салаги судьба! – Вот и вся любовь! – сказал я ему почти весело».*

III. Внутреннее стремление, склонность, тяготение к чему-л.

1) любовь к чему-л. *«Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинаковым занятиям».* // Пристрастие к чему-л.; предпочтение чего-л., дающее удовлетворение, радость, удовольствие. *Любовь к путешествиям, к прогулкам. «Особенно часто посмеивался Быков над его любовью к сладкому. Однажды Уленков всю получку сразу истратил на шоколад и пирожные».*

2) с любовью делать что-л. *«В гостиной все до мелочей было расставлено и развешано Катинными руками».* Из любви к искусству (делать что-л.). Ради самого занятия, бескорыстно. *«Он собственноручно чистит сапоги, не из нужды, а единственно из любви к искусству, потому что любит, чтоб сапоги у него блестели»* [Большой академический словарь русского языка 2007].

К ближней периферии первого подуровня мы отнесли синонимы лексемы «любовь»: *влюбленность, обожание, сердечная склонность, страсть.* На втором подуровне ближней периферии располагается другой ряд синонимов, выражающий чувство любви в производном значении: *влечение, склонность, привязанность, секс, приверженность, пристрастие, увлечение, наклонность, слабость (к кому, чему), симпатия, пристрастие, преданность, тяготение, мания, верность, благоволение, благорасположение, благосклонность, доброжелательство,*

предрасположение; амур; одушевленные существительные, обозначающие партнеров: предмет любви, дама сердца, любимец, возлюбленный, любовник, поклонник, любящий, вздыхатель, воздыхатель, обожатель, пассия, зазноба.

Сюда же относятся

а) глаголы: *обожать, чувствовать (питать) любовь к кому, вздыхать по ком, влюбиться в кого, привязаться, пристраститься, приохотиться к кому/чему, быть без ума (без души) от кого, с ума сходить по ком, не насыщаться на кого, души не чаять (не слышать) в ком.*

б) прилагательные: *возлюбленный, дорогой, драгоценный, милый, ненаглядный, желанный, жемчужный*

К дальней периферии мы относим лексемы, передающие устаревшее значение данного чувства или метафорические образы: а) *полюбиться, взглянуться, приглянуться, прийти по вкусу (по душе, по мысли, по нраву, по нутру, по сердцу), войти (вкрасться, втереться) в милость;* б) *баловень, кумир, фаворит, протезе, взысканец (-ница), «предмет», возлюбленный, бог, божок, душка, дульциня, любитель, охотник (до чего, что делать), , почитатель, падкий на что, лакомый до чего, алчный, жадный, охочий, склонный к чему; приверженец, сторонник; аматер, волонтер.*

Сочетаемость лексемы *любовь*, которую мы выявляли при помощи национального корпуса русского языка, раскрывает характеристики концепта в национальной концептосфере.

Прилагательные: *утонченная, ненасытная, телесная, возвышенная, романтическая, физиологическая, страстная, безответная, идеальная, первая, последняя, платоническая, нескончаемая, вечная, недолговечная, настоящая, большая, бескорыстная, всепрощающая, родительская, невероятная, разная, пожизненная, большая, народная, маниакальная, свободная, особая, фантастическая, всеобщая, непреходящая, подлинная, единственная, беззаветная, безграничная, тайная, школьная, христианская, долгая, интуитивная, болезненная, нежная, братская, супружеская, молодая, слепая, неравная, несчастная, счастливая, детская, великая,*

пылкая, небесная, земная, взаимная, непритворная, неугасимая, обычная, колено-преклоненная, жертвенная, крестная, несостоявшаяся, нескладна, всепобеждающая, брачная, созерцательная, духовная, ответная, безумная, пожизненная, странная, безотчетная.

Любовь к + N: *любовь к труду, к ближнему, к Родине, к Богу, к еде, к близким, к семье, к сыну (дочери, матери, отцу), к жизни, искусству, к истине, к земле, к церкви, к красоте, к музыке, к земным благам, к природе, к спиртному, к отеческим гробам, к «халяве», к литературе и т.п.*

N + любви: *пора любви, остров любви, лики любви, искусство любви, история любви, слова любви, акт любви, плод любви, объект любви, сила любви, раба любви, свет любви, алтарь любви, знаки любви, премудрости любви, чувство любви, время любви, тайны любви, трагедия любви и т.п.*

Adj / part + любви: *достойный любви, жаждущий любви, ищущий любви, алчущий любви, одержимый любовью.*

Глаголы: *предаться любви; признаться в любви, говорить кричать, шептать о любви; научить/ся любви; думать о любви; жаждать / искать / найти любовь; устать от любви; страдать от любви; признаваться в любви; любовь иссякает, начинается, заканчивается; отказаться от любви; умереть от любви; сохнуть от любви, сгорать от любви; внушать любовь; распознать любовь.*

Согласно выявленному корпусу лексем, сочетающихся со словом «любовь», для русского самосознания оказываются важными следующие признаки данного чувства: длительность, направленность на объект / субъект, интенсивность; любовь воспринимается порой как живое существо, способное зарождаться, развиваться и умирать, она может сопровождаться целым спектром других чувств. "Любовь требует праздности", — говорили древние, подразумевая, что любовь— это такая трудная работа, для которой нужны все силы [Палей 1987: 96].

Как отмечает С.Г.Воркачев, «обобщенный прототип, семантическая модель любви, построенная на основе анализа представлений о ней в

научном типе сознания – в этических и психологических исследованиях и словарях, выглядит следующим образом. Любовь – что чувство, вызываемое у субъекта переживанием центрального места ценности объекта в системе его личностных ценностей при условии рациональной немотивированности выбора этого объекта и его индивидуализированности-уникальности. При этом любящий испытывает желание получить предмет в свою «личную сферу» или сохранить его в ней, желает ему добра и процветания, готов идти ради него на жертвы, заботиться о нем, берет на себя ответственность за его благополучие, он находит в любви смысл своего существования и высший моральный закон. В эротической любви *libido* – половое влечение – сопровождается каритативностью: сочувствием и состраданием. Любовь – чувство произвольное, спонтанное, «любовное» желание блага и благожелание неутолимые. Возникновение любви связано с красотой предмета, со стрессовостью обстановки и наличием в «алфавите чувств» субъекта знака дня соответствующей эмоции. Любовь – чувство развивающееся и умирающее, способность любви у человека зависит от природного и возрастного ресурса. Влюбленность сопровождается у человека изменением взгляда на мир и на любимого, а также депрессивно-эйфорическими проявлениями. Любовь полна антиномий: она амбивалентна – включает в себя момент ненависти к своему партнеру, вместе с наслаждением приносит и страдание, она – результат свободного выбора объекта и крайней от него зависимости. Считается, что любовь – высшее наслаждение и что ее суть заключается в гармонии, взаимодополнении» [Воркачев 2003: 189-190].

Лингвист выделяет три уровня признаков в семантическом составе лексических единиц, передающих понятие любви: дефиниционные признаки, энциклопедические признаки и имплицативные признаки. Ядро концепта формируется дефиниционными признаками:

1. Признак ценности предмета любви: паремиологические единицы, отправляющие к эмоциям, вызванным отсутствием «самого дорогого» (*He*

милое прялье, где милого нет; Не мил и свет, когда милого нет; Дружка нет: не мил и белый свет; Без тебя опустел белый свет; Без тебя пуст высок терем; Без тебя заглох широкий двор; Без тебя не цветно цветы цветут, не красно дубы растут в дубровушке; Много хороших, да милого (милой) нет; Не мил и вольный свет, кода милого друга нет), с другой – пословицы, отражающие интенсивность желания соединиться с любимым (Хоть топиться, а с милым сходиться; Хоть пловом плыть, да у милого быть; К милому другу круг (крюк) не околица; К милому и семь верст не околица; Не далеко к милому – девяносто в сторону).

2. Признак рациональной немотивированности выбора объекта любви: *Полюбится сова – не надо райской птички; Покажется (полюбится) сатана (сова) лучше ясного сокола; Любовь зла – полюбишь и козла»; Не по милу хорош, а по хорошему мил/не по хорошему мил, а по милому хорош; Приглянулся черт ягодкой.*

3. Индивидуализированность выбора объекта: *В милом нет постылого, а в постылом нет милого; Миленек – и не умыт беленок/Кто кому миленек – и не умыт беленок, Хоть ряба, да мила; Милому мила – и без белил бела; Каждому своя милая – самая красивая.*

Имплицативный признак представлен через «карикативный» блок: благожелание, нежность, забота, уважением к личности любимого, снисходительность к его слабостям и недостаткам, сострадание и жертвенность, преданность и готовность прощать: *Любовь не знает мести, а дружба – лести; Ради/для милого дружка и сережка из ушка; Ради милого и себя не жаль; Милого жаль, а от постылого прочь бы бежал; Для милого не жаль потерять и многого; За милого и на себя поступлюсь; Любить – чужое горе носить, не любить – свое сокрушить; Куда мил дружок, туда и мой сапожок; Куда б ни идти, только с милым по пути; Хоть/люби не люби, да/только почаще взглядывай; Жена, ты любить не люби, а поглядывай!; Хоть не люби, только почаще взглядывай (т. е. угождай, служи); Оттого терплю, что больше всех люблю; От того терплю, кого больше люблю;*

Полюби-ка нас в черне, а в красне и всяк полюбит; Полюби нас в черненьких, а в беленьких и всяк полюбит; Кто кого любит, тот того и голубит. Особенно выделяет русское паремиологическое сознание «миротворческие качества» любви: *Где советно, там и любовно; Где совет (союз, любовь), там и свет; Любовь да лад – не надобен и клад; Любовь да совет – на том стоит свет; Любовь да совет, так и горя (нуждочки) нет; Где любовь да совет, там и горя нет; Где любовь, там и совет; Совет да любовь, на этом свет стоит* [Воркачев 2003: 191-192].

Каритативный признак в русской лингвкультуре носит явно выраженный гендерный характер: жертвенность, умение сострадать и прощать присущи женщине, но не обязательны для мужчины. Об этом свидетельствуют паремии, в которых преобладает именно женский взгляд: *Ради милого и себя не жаль; Милого жаль, а от постылого прочь бы бежал; В милом нет постылого, а в постылом нет милого; Оттого терплю, что больше всех люблю.*

Наиболее широко представлены, по мнению С.Г.Воркачева, энциклопедические признаки:

1. Положительная ценность любви: *Нет ценности супротив любви; Мир и любовь – всему голова; Нет того любее, как люди людям любви; Милее всего, кто любит кого; Мило, как люди людям милы; Пиво не диво, и мед не хвала; а всему голова, что любовь дорога; Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается; Деньги прах, одежда тоже, а любовь всего дороже; С милым век коротать – жить не горевать; С милым годок покажется за часок; С милым другом и горе пополам разгорюешь; С милым живучи не стошнит; С милым мужем и зимой не стужа; «С милым и рай в шалаше; С милым хоть на край света идти; Хоть сухарь с водой, лишь бы, милый, с тобой; Проживешь и в шалаше, коли милый по душе; Для тех, кто любит, и в декабре весна.*

2. Неподконтрольность любви: *Любви, огня да кашля от людей не утаишь/спрячешь; Любовь закона не знает, годов не считает; Любовь не*

картошка: в горшке не сварить; Любовь не картошка: не выбросишь в окошко; Любовь не пожар, (а) загорится – не потушишь; Любовь на замок не закроешь; Сердцу не прикажешь; Из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь; Любовь рассудку не подвластна; Любовь за деньги не купишь; Насильно мил не будешь/Насилу не быть милу; Любовь не, пожар, а загорится – не потушишь; Поп руки свяжет и голову свяжет, а сердца не свяжет; Бояться себя заставишь, а любить не принудишь; Крестом любви не свяжешь; Любовь не милостыня: ее каждому не подашь; Деревенщина Ермил, да посадским бабам мил.

3. *Связь любви со страданием: Нельзя не любить, да нельзя не тужить; Где любовь, там и напасть; Полюбив/полюбишь, нагорюешься; Милый не злодей, а иссушит до костей; Любит (Люби), как душу, а трясет (тряси), как грушу; У моря горе, у любви вдвое; Полюбить, что за перевозом сидеть; Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не видит его; Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не любит никого; Любить тяжело: не любить тяжелее того; Любить – чужое горе носить; не любить – свое сокрушить!; Не видишь – душа мрет, увидишь – с души прет; Горе с тобою, беда без тебя; Любовь хоть и мука, а без нее скука.*

4. *Разлука: С глаз долой – из сердца вон; Реже видишь – больше любишь; Разлучит нас заступ да лопата; Осолит разлуку нашу горсть сырой земли; Ох охонюшки, тошно без Афонюшки. Иван-то тут, да уряд-то худ; «От мила отстать – в уме не устоять; Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить; Без милого не жить, а и при милом не быть; «Без тебя, мой друг, постель холодна, одеялочко заиндевело; Любовь не верстами меряется; Милый далеко – сердцу не легко.*

5. *Ирония: Люби сено в стогу, а барина в гробу; Любит и волк овцу; Любит и кошка мышку; Любит, как собака палку/редьку; Люблю, как черта в углу; Мил ему, как порох в глазу; Люб, что свекровин кулак; Люблю, как клопа в углу: где увижу, тут и задавлю; Его милее нет, когда он уйдет; Мил за глаза; Спереди любил бы, а сзади убил бы.*

6. Красота: с одной стороны, красота признается источником возникновения любви – *Любовь начинается с глаз; Глазами влюбляются; Где больно, там рука; где мило, тут глаза; Тоска западает на сердце глазами, ушами и устами*, в то же самое время отрицается ее значимость для «любовного быта»– *С лица воду не пить, умела бы пироги печь; С лица пряники не печатать.*

7. Побои: Характерной приметой характера русской женщины, по свидетельству пословичного фонда, является готовность терпеть побои от любимого: *Кого люблю, того и бью; Милого побои не больно/долго болят; Милого побои на кости; Кто кого любит, тот того и бьет; Милый ударит – тела прибавит; Милый побьет, только потешит.*

8. Безответность любви и необходимость жить с нелюбимым: *Тошно жить без милого, а с немилым тошнее; Тошно тому, кто постыл кому, а тошнее тому, кто мил кому; С милым во любви жить хорош»; Несолоно хлебать, что немилото целовать; Одно сердце страдает, другое не знает; Мое сердце в тебе, а твое в камени.*

9. Отрицательная оценка влюбленности: *Влюбился, как сажка в розжу влелся; Влюбился, как мышь в короб ввалился; Втюрился, как рожей в лужу; В любви добра не живет; Любовь - крапива стрекучая; Любовь да свары – хуже пожара [Воркачев 2003а: 191-193].*

Автор также отмечает, что причины возникновения любви непостижимы (*Не отколь взялся, бог дал*), для сохранения любви важна материальная сторона быта (*Муж любит жену богатую, а тещу - тороватую*), любовь может быть интенсивной, недолговечной / вечной (*Мороз любви не остудит; Миловались долго, да расстались скоро; Любовь –кольцо, а у кольца нет конца*). Таким образом, для русской культуры характерен следующий обобщенный образ концепта любви:

«Любимый – это самое дорогое, что есть у человека. Он – единственный, его не выбирают, он дается судьбой. Ради него ничего не жаль, он хорош в любом виде, ему можно все простить и от него можно все вытерпеть. Любовь

не зависит от нашей воли, от нее нельзя спрятаться, она человека ослепляет, она же делает его пронизательным. Любовь – высшее благо и наслаждение, в то же самое время она – страдание и беспокойство, а для кого-то и зло. Хотя она надолго запоминается, она недолговечна. Разлука у кого-то любовь укрепляет, у кого-то – губит. Одной красоты, даже естественной, для любви недостаточно, нужна еще и духовная близость. Для счастливой любви нужна взаимность. Любовь бескорытна, но без материального достатка она угасает. Любовь преобразует человека, воздействует на его характер и психику» [Воркачев 2003а: 205].

Таким образом, концепт «любовь», присутствуя в разных культурах, обладает общими признаками: это сильное, всеохватывающее чувство, которое характеризуется сильным влечением, независимостью от воли и желания человека, противоречивостью, желанием добра объекту любви. Это чувство, которое возносит человека не вершину блаженства, даря ему счастье, и низвергает его в страдания. Оно может возвысить человека и погубить его.

Несмотря на то, что в этом концепте много универсальных черт, тем не менее, он обладает этническими и культурными особенностями. В частности, во французской лингвокультуре любовь, скорее физическое влечение, в то время как в русской культуре для любви необходима и духовная близость. В русской лингвокультуре особо подчеркивается жертвенный характер женской любви, ее подчиненность и зависимость от мужчины, во французской – женщины и мужчины предстают как равноправные партнеры.

2.4 Вербализация концепта «любовь» в индивидуальной концептосфере

Концепт «любовь» занимает одно из центральных положений в индивидуальной концептосфере Сержа Генсбура и в его творчестве. В ходе

исследования мы пришли к выводу, что содержание индивидуального концепта будет отличаться от содержания национального концепта «любовь», описанного в предыдущем параграфе. Главным образом, это объясняется меньшим количеством используемых автором лексических единиц, вербализующих национальный концепт «любовь», и особенностями его мировосприятия.

Концепт «любовь» вербализуется в песенных текстах Сержа Генсбура разнообразными лексемами. Лексема *amour*, а также ее дериваты *aimer (aime, aimes, aimons, aimez, aiment)*, *amant(-e)*, *amoureux(-euse)* составили ядерную зону индивидуального концепта «любовь».

К периферийной зоне мы относим ряд контекстуальных синонимов, которые использует автор для обозначения чувства любви: *boomerang, douleur, paradis, haine, bonheur, beauté, sympathie, antipathie, liaison, feu, histoire, argile*. Эта группа немногочисленна, но ярко характеризует авторскую позицию в этом вопросе. Это значит, что любовь в творчестве Сержа Генсбура проявляет себя и как чувство, приносящее удовольствие, желание (*paradis, bonheur, sympathie*), и как чувство, которое может причинить боль (*haine, antipathie, douleur*). Среди лексем, вербализующих концепт «любовь» в песенном дискурсе Сержа Генсбура, мы встречаем совпадения с лексемами, которые реализуют искомый концепт во французской лингвокультуре: *liaison, feu, amourette(-s), s'embrasser, sentiment(-s), ami(-e,-s), érotique, sensuel(-le), fantaisie passion, caprice, coeur, salace*. Данный вывод отражен в Приложении 1.

Дополнительные синонимы Сержа Генсбура говорят о расширении концептуальных признаков концепта «любовь» в его творчестве.

Контекстуальный анализ лексем, составляющих ядерную зону концепта «любовь» в песенных текстах Сержа Генсбура позволяет сделать вывод о том, что большинство лексем, вербализующих данный концепт являются именами существительными. Это свидетельствует о неторопливом характере песенных текстов Сержа Генсбура в частности, и его песенного дискурса в

целом. Использование имен существительных позволило автору передать глубину своих чувств и его многогранность. Более того, с точки зрения гендерологии, преобладание абстрактных существительных и сопровождающих их прилагательных обуславливает исключительно мужской взгляд на исследуемую проблему.

В свою очередь, контекстное употребление лексемы *amour* в песенных текстах Сержа Генсбура позволило выявить его окружение, которое раскрывает новые грани индивидуального концепта «любовь» в его творчестве. Значение найденных прилагательных отражает следующие когнитивные признаки индивидуального концепта. Любовь может проявлять себя как:

1. разрушающая сила: *monstre, cruel, meurtri (mort), funeste, épuisant, brûlant, brisé, pervers, ennuyeux, dérisoire, blasé*;
2. ценность: *opal, émeraude, rubis, cristal, merveilleux*;
3. созидаящая сила: *grand, true (ang.)*;
4. нереальное чувство: *platonique*;
5. чувство нежной грусти: *tendre*;
6. чувство уникальности: *unique, seul*;

Как видно из анализа значений прилагательных, концепт «любовь» в творчестве Сержа Генсбура чаще всего носит оттенок обреченности и грусти. Хотя, важно отметить, что это утверждение не может характеризовать все творчество автора.

Также в текстах Сержа Генсбура лексема *amour* встречается и в других сочетаниях. Например,

1. с существительными (N):
 - *amour+(prep.)+N* : *amour-feu, amour en trompe l'oeil, l'amour fiction, amour sans amour, l'amour de votre vie*;
 - *N+de+amour* : *des mots d'amour, la fin des amours, des mots d'amour, echelle des amours, la petite lampe de l'amour, jeu de l'amour*;
2. с глаголами (V):

- V+amour : *faire l'amour, soit donc un amour, voir de l'amour, vouer à l'amour, avoir de l'amour;*

- amour+V : *l'amour n'aveugle pas, amour surgit, l'amour s'allume, l'amour s'égare, amour se meurt, l'amour reviendra l'été prochain;*

3. с числительными: *amour à trois;*

4. с притяжательными местоимениями: *ton amour, mon amour, mes amours;*

5. в сравнительных оборотах: *l'amour comme: un boomerang, goemons, un squelette pale, l'acide, l'oiseau de paradis;*

Сочетания *N+de+amour* и *V+amour* также встречаются при анализе концепта «любовь» во французской лингвокультуре. Индивидуальные сочетания обогащают общенациональный концепт, расширяя его структуру.

Чувство любви в жизни и творчестве Сержа Генсбур понятие весьма противоречивое и неоднозначное. Это, с одной стороны, искреннее и всеобъемлющее чувство, которое поглощает и вдохновляет его, а, с другой стороны, это источник боли и страданий. Как было отмечено ранее, во французском языковом сознании любовь – это чувство, которое доставляет боль. Количественный анализ концептуальных признаков лексемы *amour* выявил в песенных текстах Сержа Генсбур преобладание лексических единиц с отрицательной коннотацией. Например, *mes amours dérisoires, ennuyeux, épuisant, l'amour blasé, les amours mortes etc.* Это позволяет нам предположить, что, испытывая любовь, С. Генсбур испытывал боль, разочарование, пустоту, которые оставались от многочисленных мимолетных встреч: *C'est ma douleur que je cultive* (Это моя боль, которой я даю жизнь); *J'ai balance tes mots d'amours et de douleur Je suis resté tout seul comme un con...* (Я взвесил твои слова любви и боли, Я остался совсем один как глупец: здесь и далее перевод наш). Любовь для автора была как потайная комната и волнение запрета. Он полагал, что воспитание, лишённое запретов приводит к бессилию целые поколения. А девушка без табу – скверная возлюбленная. Если нет запретов – нет и любовных восторгов [Гензбур 2007: 190].

Анализ текстов позволил нам выделить объекты любви, к которым обращается автор. Их можно подразделить на две группы:

1. Неодушевленные:

- *aimer les caresses* (любить ласки);

- *aimer les sucettes* (любить леденцы: данное выражение образное и означает *любить оральный секс*);

- *aimer les seins* (любить женскую грудь);

- *aimer la photographie* (любить фотографии).

2. Одушевленные:

- *je t'aime* (я тебя люблю);

- *as-tu déjà aimé Marilu?* (ты уже полюбил Марилу?);

- *il m'a aimé toute la nuit* (он любил меня всю ночь);

- *on s'aime* (мы любим друг друга);

- *je l'aime* (я ее люблю).

Анализ объектов любви, с другой стороны, приводит к формированию видов любви:

1. Amour comme un sentiment fort (любовь как сильное чувство):

Ils s'aiment et que les dieux les bénissent

J'aimerais que ce télégramme

Sois le plus beau télégramme

De tous les télégrammes

Que tu recevras jamais («69 années érotiques», 1969):

(Они любят друг друга и тем благословенны,

Я хотел бы, чтобы эта телеграмма

Была бы самой лучшей из всех телеграмм,

Которые ты когда-либо получала...)

2. Amour sans amour (любовь без любви). Главными компонентами такой любви являются отсутствие чувств (*manque d'émotion*) и случайные связи (*liaisons sans suite*):

L'amour sans amour et sans visage

Sans illusions et sans orage («Amour sans amour», 1964):

(Любовь без любви и без лица,
Без иллюзий и без потрясений...)

К этой категории можно также отнести следующие подвиды:

2.1 Amour de collègue (школьная любовь):

Comment ai je pu obliger tes sortilèges... («Amour sans amour », 1964):

(Как я мог избежать твоих чар...)

2.2 Amour au hazard (случайная любовь):

L'amour au hazard d'un regard

t'a efface de ma mémoire («Amour sans amour», 1964):

(Случайная любовь с первого взгляда
стерла тебя из моей памяти...)

Основное значение, которое хотел передать автор этими словами, заключается во временном характере подобных чувств, которые не оставляют глубокого следа после себя.

3. Amour-tristesse (любовь-грусть):

Où est ma petite amie,

Elle est dans mon rolleiflex

C'était mon premier reflexe,

J'aime la photographie... («Negative blues» 1964):

(Где моя любимая,

Она в моем фотоаппарате,

Это мой первый рефлекс,

Я люблю делать фотографии...)

4. Amour-sédution (любовь-соблазнение; к этой категории можно отнести тексты, в которых речь идет о доступной любви):

Il est temps de passer aux choses

Sérieuses ma poupée jolie

Tu as envie d'une overdose

De baise voilà je m'introduis... («Love on the beat» ; 1984):

(Пора перейти к серьезным вещам, куколка,
Ты полна желаний поцелуев,
И вот, я начинаю...)

5. Amour-suicide (любовь-суицид; чувства, которые убивают):

Que les yeux pour pleurer,

Quand on vous a meurtrie,

Quand on vous a menti,

Quand un amour se meurt... («*Les yeux pour pleurer*», 1979):

(Глаза – для того, чтобы плакать,

Когда вас убили,

Когда вас обманули,

Когда умирает любовь...)

6. Amour aveugle (слепая любовь):

L'amour est aveugle, ah ça aucun doute,

Et oui ça crève les yeux... (*Un violon, un jambon*, 1962):

(Любовь слепа, без сомнений,

Она лишает зрения...)

7. Amour platonique (платоническая любовь):

Toi mon amour platonique... (*My lady heroine*, 1966):

(Ты – моя платоническая любовь...)

Указанные виды обогащают содержание общенационального концепта «любовь», позволяя рассматривать ее как многогранное образование со сложной структурой. Также следует обратить внимание на тот факт, что некоторые виды любви, которые мы выделяем в национальном концепте, находят свое отражение в творчестве автора (Приложение 3). Например, мимолетность чувства выражается в текстах Сержа Генсбура термином *amour au hasard* (случайная любовь), сексуальное влечение – *amour-séduction* (любовь-соблазнение), возвышенное чувство – *amour platonique* (платоническая любовь).

Отличительным признаком песенного дискурса Сержа Генсбур является употребление ненормативной, стилистически сниженной и разговорной лексики как средства выражения его отношения к жизни вообще, и к чувствам, в частности. Формат авторской песни позволял автору подобные приемы, так как главной целью таких песен всегда было выразить действительное положение вещей и истинные чувства.

Qui vomissait perles et diamants (Которая изрыгала жемчужины и бриллианты);

Elle a le pubis noir comme l'encre (У нее лобок такой же черный как чернила);

Y'a un cadavre à embarquer (Надо погрузить труп);

J'alanguis dans la nuis buccale (Я расслабляюсь в ночи, полной оральных ласк);

Употребление нецензурной лексики также свидетельствует о доминировании мужского взгляда на чувства. Сам Серж Генсбур признавал, что отношения между полами довольно жестокие. И у мужчин гораздо больше преимуществ [Гензбур 2007: 202]. Более того, синтаксическая структура и лексический материал песенных текстов автора свидетельствует о ярко выраженной маскулинной направленности его творчества. Прежде всего, это прямой стиль и изобилие авторских неологизмов для четкой передачи своих мыслей и чувств, простые конструкции предложений:

Chez Max coiffeur pour homme,

Où un jour j'entrais comme par hazard,

Me faire raser la couenne et raffraichir les nouilles,

Je tombe sur cette chienne, shampouineuse...

(«*Chez Max coiffeur pour home*», 1976)

(Однажды случайно я зашел к Максу,

Парикмахеру, чтобы побрить свою свиную кожу

и освежить свою рыхлую морду,

и запал на одну шлюшку...)

Таким образом, концепт «любовь», реализуемый в песенном дискурсе Сержа Генсбура, является частью общенационального концепта и отражает, в первую очередь, его инвариантный компонент. Это значит, что общенациональный и индивидуальный концепты выражают чувство любви как комплексное образование. Это чувство, которое может испытывать любой человек, оно вызывает ряд эмоций, оно позволяет человеку совершать определенные поступки. С другой стороны, в зависимости от ряда факторов (национальность, социальное или профессиональное положение и т.д.) в сознании каждого человека складывается особенное представление о любви, формируется индивидуальный концепт. Концепт «любовь» в творчестве Сержа Генсбура расширяет и обогащает три основных компонента национального концепта: понятийный (подбор индивидуальных лексических и стилистических приемов), образный (выражение личного эмоционального опыта автора) и ценностный (в творчестве С. Генсбура концепт «любовь» занимает одно из важных мест среди других концептов). Проведенный анализ текстов песен Сержа Генсбура подтвердил существующее мнение о доминировании в речевом поведении лингвистических средств, характерных для мужской точки зрения на концепт «любовь», а именно преобладание нецензурной лексики, агрессивности при вербализации искомого концепта и сексуально ориентированная тематика текстов.

2.5 Женщина в философско-психологическом, культурологическом и лингвистическом аспектах

История развития общества показывает, что с самого сотворения мира женщина ведет упорную борьбу либо за свободу своей личности, либо за равноправие по отношению к мужчинам. Статус женщины, ее положение в

обществе, составляет один из элементов той или иной цивилизации. Положение женщины определяет характер взаимоотношений между полами, модель супружества, крепость брачных уз, качество семейных отношений.

Исторически и культурно сложились традиционные модели положения женщины в обществе: западная (христианская) и восточная (мусульманская).

Начиная с Античности, философия стремилась сформировать образ неполноценной женщины. Так, Аристотель, затрагивая проблемы положения женщины в обществе, подчеркивает изначально доминанту мужского начала над женским, ссылаясь на веление Природы. С его точки зрения, власть мужчины над женщиной – вещь сама собой разумеющаяся, так «первый по своей природе выше, а вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [Аристотель 1984: 383]. Философ выступает против женского участия в общественной жизни. В этом он видит зло.

Аристотель также подчеркивал необходимость сильной власти в лице мужчины даже в домохозяйстве. Он полагал, что мужчина должен властвовать над своей женой, как если бы он был политический деятель, а она его подчиненная. Философ считал, что мужчина по своей сути призван быть руководителем, женщина – нет.

Вопрос о положении женщины в обществе является одним из главных в любой мировой религии. Анализ роли женщины в той или иной религии не является целью нашего исследования. Но для формирования общего представления о положении женщины мы обращаемся к двум основным религиям: христианству и мусульманству. Выбор этих религий обусловлен наибольшим количеством последователей по сравнению с другими религиями в западном и восточном мире.

Прототипом христианской женской половины человечества выступает ветхозаветная Ева, впавшая в грех непослушания, приведший к изгнанию мужчины и женщины из рая. На протяжении всего существования

традиционной христианской культуры образ женщины был двойственен, впрочем, как и вся дихотомичная христианская цивилизация [Фуртай: эл. ресурс]. Женщина – это ветхозаветная Ева, соблазненная змеем, средоточие греха и плотского начала в мире; с другой стороны, это евангельская Дева Мария – самое совершенное создание среди рода людского, безгрешное настолько, что в состоянии выносить и родить Богочеловека. Колоссальная амбивалентность архетипа женщины в христианской культуре очерчивала ее верхнюю границу (Богоматерь) и нижнюю (ведьма); мужчины же населяли, в основном, срединное пространство этой духовной стратиграфии [Там же: эл. ресурс].

Мужчина и женщина были задуманы как два равных и созданных друг для друга начала, которые составляют вместе единое целое. В Библии человек творится из божественной любви, а женщина – из сочувствия к человеку, которому плохо быть одному. Женщины христианского мира пользовались большими свободами, чем женщины мусульманских стран. Она не вела затворнический образ жизни и не была принуждаема закрывать свое лицо в общественных местах. Жены и девушки того времени могли свободно находиться среди мужчин, выполняя свои повседневные дела.

В Ветхом Завете женщины принимали активное участие в публичных празднованиях [Библия, Исх. 15:20, 21; Суд. 11:34]. Они имели право нести публичное служение, в частности, пророческое [Библия, Исх. 15:20; 4 Цар. 22:14; Неем. 6:14; Лук. 2:36], служение наставника или же учителя [Библия, Девора, Суд. 4:4]. Тридцать первая глава книги Притчей – это, по сути, учение матери царя Лемуила. Кроме того, управление домом в ветхозаветные времена большей частью возлагалось на женщин. Назначение добродетельной жены-домоуправительницы – частая тема Притчей [Библия, Притч., 11:16; 12:4; 14:1; 31:10]. Хвалебные песни Деворы [Библия, Суд., 5] и Анны [Библия, 1 Цар. 2:1-10] раскрывают красоту и богатство духовной внутренней жизни женщины Ветхого Завета.

Особый вопрос – взаимоотношения женщин с Богом. У иудеев женщина не обладала равными с мужчиной возможностями общения с Богом. Обеты женщины Богу при неодобрении их мужем или отцом считались не имеющими силы [Библия, Числ. 3-17, 30]. Образ идеальной женщины представлен в Ветхом Завете образом праматери Сары. Она красива, праведна и верна мужу. Отмечают даже, что Сара управляла мужем, хотя, в то же время, была готова идти на жертвы ради него. Авраам против ее воли ничего не делал, наоборот, слушался ее во всем. Ведь сам Господь говорил Аврааму: «Во всем, что скажет тебе Сара, слушайся ее голоса» [Библия, Быт. 21, 12].

Ветхий Завет также отмечает женскую красоту, ценит ее, осознает ее силу. Здесь скромность и праведность имеют большее значение, чем сексуальность женщины. Подлинными героинями Ветхого Завета становятся не те женщины, которые легко и в собственное удовольствие пользуются своими чарами, а те, кто отдает свою красоту на служение Богу и людям. Например, это царица Есфирь, спасшая свой народ от геноцида, или отважная красавица Юдифь, вступившая в единоборство с Олоферном (ассирийский полководец, стоявший во главе вторгшейся в Иудею армии царя Навуходоносора). Эти женщины-светочи удостоиваются отдельных книг Ветхого Завета [Правда: эл. ресурс]. Иудейка, в первую очередь, воспитывалась в атмосфере благоговейного отношения к браку. Вселенная иудейской женщины ветхозаветных времен вращалась вокруг трех составляющих: замужество, семья, рождение детей. Женщина появляется в Ветхом Завете замужней или находящейся на пороге замужества, а вся ее жизнь до этого момента, видимо, считалась малозначимой. После замужества женщина приобретала высокий статус Матери и Жены.

В Новом Завете мы встречаемся с иным отношением к женщине. Отношение Иисуса к женщине достаточно ярко раскрывается через отдельные эпизоды и реплики. Он показал пример возвышенного и чистейшего отношения к ней. Он вывел женщину из-под власти мужчины и

сделал ее равной мужчине, «сонаследницей благодати» [Правда: эл. ресурс]. Иисус восстановил абсолютное равенство между мужчиной и женщиной, задуманное Богом, но искаженное в процессе истории. Он стремился сделать женщину равной по духу мужчине и, таким образом, иметь право на жизнь и спасение. Именно женщины первыми оказались у гроба Господня, когда его казнили. Именно жены-мироносицы, как их потом назовут, отправились в грот, чтобы омыть его тело. Они первыми показали пример жертвенного служения Христу. В Новом Завете мы находим уже другое отношение к любви и браку. Иисус призывал не только любить мать и отца своих (этого было недостаточно), но и, в первую очередь, его самого: «...Кто любит отца или мать более, чем Меня, тот не достоин Меня» [Библия, Мф. 10, 35-37]. К тому же, со страниц Нового Завета не веет теплом домашнего очага и уюта. Иисус говорил: «...оставьте жену ради Меня». Нет ничего более значимого в мире, чем служение Богу. Женщина должна была подчиняться мужу как Господу. Женщина в Новом Завете оторвала свой взор от семьи и обратила его на небо. Теперь она имела обязанность в полной мере, без присмотра мужчины, осуществлять духовное служение. Новый Завет, уравнивший по духу мужчину и женщину, генерировал новый образ, невиданный прежде силы, чистоты и величия – образ Богородицы.

Положение женщины в исламе является пунктом постоянно критики социального устройства мусульманского общества. Ислам изменил структуру арабского общества, реформировал гендерные роли. Ислам улучшил положение женщин, дал им права. Некоторые исследователи даже утверждают, что женщины, согласно исламу, имели больше прав, чем в некоторых западных странах до XX века. Например, ограничение правоспособности женщин в соответствии с французским правом были устранены только в 1965 году. В исламе полагают, что мужчины являются попечителями женщин, обладая, таким образом, неким преимуществом перед первыми. В этом четко прослеживается вторичная роль женщины перед мужчиной. Но, с другой стороны, среди условий, улучшивших положение

женщин в исламе можно отметить следующие: обязательное согласие на брак самой женщины, право женщин на личное имущество, разрешение работать (при соблюдении некоторых условий), получать образование [Женщина в исламе: эл. ресурс]. Коран считает любовь между мужчиной и женщиной знаменем Бога [Коран: 14]. Ислам выступает за гармоничные отношения между мужем и женой. Оба должны стремиться удовлетворить сексуальные потребности друг друга. Ислам призывает мужей проявлять доброту к женам, а жен быть послушными своим мужьям. В Коране поощряется стремление к взаимному соглашению в семейных спорах [Коран: 30:21]. В исламе не существует разницы между мужчинами и женщинами в отношении к Богу. Они получают одинаковую награду или наказание за свои поступки [Коран: 4: 124]. Исламская революция в Иране 1979 году предоставила женщинам широкие права, не имеющие прецедентов в других исламских странах. До настоящего времени Иран является лидером среди исламских стран (то есть стран, где нормы шариата закреплены законодательно) по активности женщин в общественной жизни [Женщина в исламе: эл. ресурс]. Но, несмотря на все свободы, исламская женщина, прежде всего, ответственна за семью и детей. Семья, забота о муже и детях, всегда находится на первом месте. Женщина разделяет с мужчиной ответственность за семью и воспитание детей и немислимо, что жизнь семьи может идти нормально без взаимного участия обеих сторон (мужчины и женщины). В противном же случае нарушается жизнь семьи, что отрицательно отражается на детях.

В период средневековья, на наш взгляд, заслуживает внимания мнение Фомы Аквинского, который видел цель женского существования в повиновении мужчине как существу высшему. Его взгляды еще созвучны с мнением Аристотеля. Как утверждал Фома Аквинский, женщина – «быстро растущая сорная трава», тело которой быстро достигает полного развития в силу того, что природа меньше с ним занимается [цит. по: Бебель 1959: 100]. Без сомнения, тот факт, что женщина в то время находилась в подчинении. Даже христианская религия не существенно изменили ее материальное и

моральное положение. Ведь на женщине всегда лежала вина за первородный грех, и она считалась наихудшим воплощением зла. Красивые женщины, обладавшие даром врачевания, объявлялись Церковью ведьмами и сжигались на костре. Это говорит о том, что, в сущности, женщина не должна была возвышаться над мужчиной ни в каком аспекте жизни. И место женщины всегда регламентировалось Церковью. Следовательно, повышение статуса женщин наиболее ярко прослеживается в культе Девы Марии, расцветшем в XII–XIII веках. Дева Мария рассматривалась как новая Ева и искупала грех всех женщин. Этот поворот виден также и в культе Магдалины, получившем развитие с XII века. Но было бы неверным утверждать, что женщины вообще ничего не значили в своем обществе в Средние века. Они играли важную роль в экономической жизни и помимо своей функции деторождения. В классе крестьян в работе они были почти тождественными, если не равными мужчине. Занятия женщин высшего класса были хотя и более «благородными», но не менее важными. Они стояли во главе гинекеев, где изготовление предметов роскоши – дорогих тканей, вышивок – обеспечивало большую часть потребностей в одежде сеньора и его людей. Не только разговорный язык, но и язык юридический для обозначения разных полов называл их: «люди меча» и «люди прялки». В литературе поэтический жанр, связанный с женщинами и обозначенный П. Лежентийем как «песни о женщине», получил название «песни полотна», то есть распеваемые в гинекеях, в прядильных мастерских. Когда между IX и XI веками высший слой хозяйственного класса, «laboratores», добился известного социального продвижения, то это коснулось и женщин, принадлежащих к данной категории [Гофф 2000: 266]. Часто утверждалось, что крестовые походы, оставлявшие женщин Запада в одиночестве, привели к росту их власти и прав. Но изучение юридических актов показывает, что, во всяком случае, в вопросах управления совместным имуществом супружеской пары ситуация женщин ухудшалась с XII по XIII века [Там же: 267].

Эпоха Просвещения также переняла идеи Средневековья в отношении женщины. Например, французский писатель-философ Ж.-Ж. Руссо выступал, с одной стороны, за царство разума, политическую свободу и гражданское равенство, но, с другой стороны, придерживался консервативных взглядов на роль женщины. Он разделял точку зрения Аристотеля и полагал, что сама Природа определила совершенно по-разному назначение полов: мужчина должен быть активен и силен, женщина – пассивна и слаба. Ж.-Ж. Руссо считал необходимым позаботиться о женском воспитании, которое заключалось в развитии искусства шитья, вышивания, плетения кружев, рисования, умения одеваться со вкусом. Все остальное писатель и философ полагал вредным для женского пола, поскольку оно способствовало свободе, праздности и непослушанию [Руссо 1961].

В XIX столетии формирование женского образа складывалось под влиянием воззрений немецких философов А. Шопенгауэра, О. Вейнингера и Ф. Ницше. Немецкие философы утверждали вторичные, зависимые от мужчины роли женщин. Только такой расклад, по их мнению, мог сохранить общество от негативного пробуждения женского начала.

По мнению А. Шопенгауэра, мужчина – рационалист, он выражает интересы всего человеческого рода, а женщина поверхностна, интуитивна и связана с деторождением. Он полагал, что сама Природа создала мужской и женский пол не тождественными, проведя разделительную черту не «по самой середине». Предпочтение она отдала мужчине, наградив его более зрелым рассудком, сообразительностью, стремлением к «непосредственному владычеству». Женщина же изначально слаба разумом, так как она перестает развиваться уже к 18 годам, отличается духовной близорукостью, склонностью к расточительности. Женский род представляет промежуточную ступень между ребенком и мужчиной, «который и есть собственно человек». Философ рассматривает прекрасный пол как неэстетичный, неизящный и считает его низкорослым, узкоплечим и широкобедренным. Женщина для него – это «во всех отношениях

нижестоящий, второй пол» [Шопенгауэр 2000: 217]. Согласно теории А. Шопенгауэра, единственно для чего существует Женщина на Земле – это только для распространения человеческого рода и этим ее назначение исчерпывается. К женщине надо относиться с состраданием, но никак не с почтением и благоговением, так как это будет еще больше ее портить [Шопенгауэр 1991: 186-193].

С позиции гендерной философии О. Вейнингер отмечает, что «несмотря на все половые промежуточные формы, человек, в конце концов, все-таки одно из двух: или мужчина, или женщина» [Вейнингер 1992: 82]. Согласно философу, женщина аморальна, она не помнит многого, следовательно, ложь и истина для нее одно и то же. У женщины нет сознательного «Я», она не чувствует связи с социальным, а при отсутствии «Я» у женщин не может быть воли и характера. О. Вейнингер приходит к выводу, что женщина – это «ничто», «материя». Она бесформенна и аморфна. В обществе женщина никогда не будет стоять на одной социальной ступени с мужчиной, поскольку она вторична и неполноценна. «Мужчина, представляющий собой олицетворение низости, стоит бесконечно выше наиболее возвышенной из женщин; он настолько возвышается над ней, что невозможно здесь говорить о каком-нибудь сравнении и сопоставлении» [Там же: 280].

Ф. Ницше, излагая свои взгляды по этому вопросу, не опускает женское начало так низко, как это делает О. Вейнингер. Философ признает наличие у женщины интеллекта, ума, рассудительности. С его точки зрения, женщины занимают далеко не последнее место: женщины довлеют над мужчинами, последние во многом им уступают. Мужчины тщеславны и честолюбивы, и это женщины используют в своих интересах и прежде всего в том, что «почти всюду сумели заставить кормить себя, как трутни в улье» [Ницше 1990: 421]. Согласно Ф. Ницше, женщина должна знать свое место и не стремиться к узурпации власти. Женщина способна разложить общество нравственно, и в этом состоит ее пагубность. Основополагающая роль в обществе должна принадлежать мужчине. По мнению философа, женщины

хитры и изворотливы и их основной задачей является доставлять боль мужчине.

Конец XIX – начало XX веков ознаменовались новым направлением в философии – учением о глубинных механизмах человеческой психики, где яркими представителями являются З. Фрейд и Э. Берн. В соответствии с теорией З. Фрейда, именно пол влияет на жизнь мужчин и женщин, на тип их характера, на поведение и др. Психоаналитик придерживается традиционной точки зрения и характеризует мужчину как активность, а женщину как пассивность, и потому ставит ее на иерархической лестнице психосоциального поведения на вторую ступень [Цит. По: Великородных 2007: 37]. По мнению З. Фрейда и его последователей, женщине отведена роль «завистника» мужчины. Ученые утверждали, что она неполноценна от природы и поверхностна. Вся ее жизнь – это «погоня» за мужскими ценностями жизни. Женское существование – лишь подобие существования мужчины, его тень [Фрейд: эл. ресурс].

Американский ученый Э. Берн, последователь взглядов З. Фрейда, продолжает развивать идеи о взаимоотношениях полов, и его рассуждения сводятся, главным образом, к тому, что мужчина по своей природе нацелен на превалирование, женщина обижена, и всю свою жизнь она находится в напряжении, стремится к удовлетворению [Там же: 38].

Изменение взглядов на женщину, которые складывались на протяжении многих веков, нашли также свое отражение в языке. Концепт «женщина», сформировавшийся в той или иной культуре имеет богатое языковое выражение, способствующее его более глубокому и многостороннему осмыслению.

Как резюмируют лингвисты и культурологи, культурный концепт «женщина» рассматривается: 1) с позиции влияния социальных факторов на формирование концептуального содержания лексемы «женщина» [Демичева 2001]; 2) в лингвокультурологическом аспекте, предусматривающем изучение «фразеологического языка» концепта «женщина», в частности, на

материале русского и английского языков [Телия, 1996; Чибышева, 2004; Шишигина, 2003]; 3) с позиции ретроспективного анализа образа женщины (на материале цитат) [Васюк, 2004]; 4) с точки зрения национально-культурной специфики отражения образа женщины в русском языковом сознании [Адолина, 2007]; 5) в аспекте рассмотрения механизма вербализации концепта русской женщины как объекта искусства в разных типах дискурса [Лелях 2003] и др. Большое внимание уделяется также изучению особенностей коммуникативного поведения и языка испаноязычных женщин [Фирсова 2005], специфике гендерного невербального коммуникативного поведения [Крейдлин 2002], вопросам обозначения экспрессии эмоций женщин [Баженова 2002], историко-культурному развитию понятия «женская красота» [Нагорнова 2004], анализу общих направлений исследования «женской темы» в нашей стране и за рубежом [«Женщины-легенды», 1993; «Женщина в античном мире», 1995; «Женщины в легендах и мифах», 1998; «Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы», 1999] и др.

Таким образом, представленный исторический обзор по вопросу роли женщины в обществе доказывает, что образ женской неполноценности имеет глубокие корни, уходящие еще в эпоху Древнего мира. Женщина – это хаос, которому придает порядок мужчина. И как отмечает В.А. Маслова, «даже само слово женщина имеет негативное происхождение: все слова, оканчивающиеся на *-щина* в русском языке имеют негативную коннотацию (презрение или пренебрежение). Слово женщина вышло из славянского *жено* и несло на себе коннотацию пренебрежения. По мере развития цивилизации словом был утрачен этот ореол» [Маслова 2004: 124]. Но, с другой стороны, женщина, как с точки зрения ее роли в обществе, так и с точки зрения языковой реализации лексемы «женщина» в том или ином языке, всегда была для исследователей объектом пристального внимания. И в настоящее время существует большое количество работ, посвященных данной теме и

раскрывающих разные аспекты функционирования концепта «женщина» в изучаемой культуре.

2.6 Концепт «женщина» в разноязычных лингвокультурах

Специфика национально-культурной общности определяется целым рядом социальных отношений к миру: к Богу, к природе, к собственности и т.д. Наиболее показательным признаком является отношение к женщине, поскольку в любую эпоху и в любом обществе отношение к женщине, отраженное в языке, характеризует уровень культуры нации в целом. Сам же концепт "женщина", являясь универсальным (то есть, присутствуя в концептосфере любой этноязыковой общности), представляет собой проекцию стереотипных представлений о женщине как носителе социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основании половых, семейных, общественных, этических, эстетических и других функций. В этом отношении концепт «женщина» способен выступать как общечеловеческая категория, поскольку он представлен практически во всех языках, и как понятие культуры, поскольку, складываясь в недрах конкретной культуры, обладает национальной спецификой.

Оценочная структура концепта "женщина" в рассматриваемых языках определяется целым рядом параметров, среди которых выделяются доминантные для поля "человек" признаки "внешний человек" и "внутренний человек" [Аминова, Махмутова 2003: 20]. Первую группу составляют признаки, описывающие внешность женщины, манеру поведения, походку, а вторую – характер, интеллект, душевные качества и т.д. Далее можно выделить более частные признаки, если они играют какую-либо роль для носителей рассматриваемых культур и особым образом представлены в языке, вскрывая тем самым специфические характеристики данного концепта в конкретном языке.

В данном параграфе мы рассмотрим, каким образом концепт «женщина» вербализуется во французской и русской лингвокультурах.

Концепт «женщина» во французской лингвокультуре был проанализирован на основе лексемы *femme* (*f*), которая является именем концепта, и ее окружении (дериваты, синонимы, сочетаемости, фразеологизмы), которые вербализуют данный концепт.

В толковых словарях французского языка [Le petit Larousse, 2007; Dictionnaire Hachette, 2007] представлены следующие значения лексемы *femme*:

1. *Femme – être qui dans l'espèce humaine appartient au sexe féminin. Il se dit de celle qui a parvenue à la nubilité* (Женщина – человеческое существо женского рода, которая достигла половой зрелости);

2. *Femme – personne du sexe féminin. – Personne qui n'est plus fille. – Personne qui est nubile* (Женщина – представительница женского пола, которая не является больше девушкой);

3. *Femme: 1. Etre humain appartenant au sexe capable de concevoir les enfants, à partir d'un ovule fécondé* (Женщина. Человеческое существо, способное зачать детей). 2. *Etre humain du sexe féminin, lorsque son âge permet d'envisager sa sexualité et, le plus souvent, après la nubilité et l'âge adulte, sociologiquement lié à l'âge où le mariage est possible* (Человеческое существо женского пола, возраст которой позволяет проявлять свою сексуальность и когда, с точки зрения социологии, может вступить в брак). 3. *Etape de la vie genitale de la femme: cycle, nubilité, puberté, menstruation, ménopause. Fonction, activité reproductrice de la femme* (Этап половой жизни женщины: цикл, половая зрелость, менструация, менопауза. Активная репродуктивная функция женщины). 4. *Etre femme – ne plus être vierge* (Быть женщиной значит не быть девственницей).

4. *Femme adulte, nubile (oppose à enfant, fille, fillette, jeune fille)*(Взрослая женщина по сравнению с ребенком или молодой девушкой).

5. *Femme (lat. Femina) – ensemble des personnes du sexe féminin: la femme est une puissance* (Женщина – группа лиц женского пола, женщина – это сила). Таким образом, словарные дефиниции определяют женщину, прежде всего, как человеческое существо женского пола и как существо биологическое: *Femme – être humain femelle. 1. Tout être humain femelle et adulte du sexe féminin. Fonction reproductrice de la femme. 2. Jeune fille nubile ou qui n'est plus vierge.*

Проанализировав исследование лексической единицы *femme (f)*, предложенное Ф.Б. Мухутдиновой [Мухутдинова 2006: 60], мы выделяем следующие значения вышеуказанной лексемы:

1. принадлежность к человеческому роду – *être humain*;
2. биологический пол – женский – *l'être humain de sexe féminin (femelle)*;
3. возраст – *adulte*;
4. отсутствие девственности – *qui n'est plus vierge, qui n'est plus fille*;
5. половая зрелость – *puberté, femme nubile*;
6. способность к деторождению – *qui met au monde des enfants*.

Данные концептуальные признаки, на наш взгляд, могут стать основанием для выделения ядра концепта «женщина». Таким образом, ядерную зону составили следующие лексические единицы: *femme, être humain de sexe féminin, femme nubile, femme féconde*.

Анализ синонимов лексемы *femme* позволяет охарактеризовать женщину с точки зрения ее роли в обществе и сформировать периферийную зону концепта. Здесь нам представляется целесообразным выделить ближнюю периферию 1 и ближнюю периферию 2. Лексемы (как наиболее значимые), включенные в ближнюю периферию 1, характеризуют семейное положение женщины, то есть как мать и жену: *mère, épouse, légitime, bobonne, conjointe, compagne, moitié, tatan, vieille fille, veuve, célibataire etc.*

Также к этой группе можно отнести дополнительные признаки, которые описывают обязанности женщины в семье:

1.1. Подчинение мужу (*l'obligation d'obéissance de la femme envers son mari*).

1.2. Право жены заменять мужа в качестве главы семьи в случае его отсутствия или недееспособности (*la femme remplace son mari dans sa fonction de chef de famille*).

1.3. Обязанности жены в семье, ограниченные воспитанием и образованием детей (*élever les enfants et préparer leurs établissements*) [Мухутдинова 2006: 67].

Синонимы, описывающие профессиональную роль женщины в обществе, а также ее роль в отношениях с мужчинами, мы относим к ближней периферии 2: *femme d'affaire, femme de ménage, femme de chambre; amante, maîtresse, frangine, nana, femelle, concubine, donzelle, femellette etc.*

К дальней периферии относятся синонимы лексемы *femme*, которые представляют собой дополнительные номинации (но не менее важные) женщины: обозначение женщины с точки зрения ее возраста: *fille, jeune fille, demoiselle, dame, nenette, matrone, mousmé, mémère etc.*; мифологический и библейский образ женщины: *égérie, muse, fille d'Eve etc.*; наименование женщины через родовое понятие: *créature, alter ego, personne etc.* А также некоторые признаки: *le beau sexe, sexe charmant* – признак, отмечающий красоту женщины; *sexe faible* – признак, отмечающий слабость женщины.

Анализ языкового материала позволил нам выявить сочетаемость лексемы *femme (f)* со следующими прилагательными: *forte, ronde, grasse, plantureuse, maigre, sèche, osseuse, élancée, grande, petite, grosse*. Этот ряд прилагательных характеризует женщину с анатомической точки зрения. Следующая группа прилагательных описывает внешность: *belle, superbe, admirable, jolie, distinguée, élégante, charmante, coquette, gracieuse, ravissante, séduisante; femme majestueuse, effacée, ordinaire; femme bien/mal habillée; femme parée, décolletée*. Перечисленные прилагательные характеризуют женщину, в первую очередь, с точки зрения ее привлекательности для

мужчины. Эти описания относятся к ее манере одеваться и преподнести себя, походке, способу общения.

Женщина внешне обладает более широким спектром характеристик, чем мужчина. Речь, прежде всего, идет об описании черт лица, волос. Сюда относятся длина и цвет волос, цвет и форма глаз и губ: *Femme aux cheveux blonds, châains, bruns, noirs, roux, gris, blancs; femme aux cheveux dénoués, flottants; femme aux cheveux teints; femme aux cheveux longs, courts; femme blonde, châaine, (très) brune, rousse; femme dépeignée; femme aux yeux noirs, verts;* Даже некрасивые женщины обладают особым шармом: – «*Ne disons pas de mal des femmes laides, – dit Franchemont. – Quand une femme laide est jolie, elle est charmante!*» (Не будем говорить плохо о некрасивых женщинах, - сказал Франшмон. – Когда некрасивая женщина мила, она просто очаровательна» [Goncourt 1860: 196].

Другие возможные сочетания анализируемой лексемы представлены ниже:

a) **Femme+de+nom** : *femme de chambre, femme de ménage, femme de journée, femme de service, femme de compagnie, femme de charge, femme d'ouvrage, femme de plaisir, femme de grande classe.* Данные сочетания характеризуют женщину с точки зрения ее профессиональной и социальной принадлежности.

b) **Nom+de+femme**: *vertu de la femme, coquetterie des femmes, odeur de femme passionnée, distinction ou élégance d'une femme, charme de la femme, décolletage de femme, toilette de la femme.* Эти сочетания указывают на особые качества, которыми обладает женщина, чтобы соблазнить мужчину.

c) **Poss.+femme**: *Homme qui aime, adore sa femme, prend sa femme dans ses bras, caresse sa femme, fait l'amour/couche avec sa femme, a un enfant de sa femme; homme qui trompe, insulte, brutalise, prive d'argent sa femme; homme qui quitte sa femme et ses enfants: «Tu porteras mon nom, tu seras ma femme à moi, rien qu'à moi, je suis ton époux, ton seul époux!»* (Ты будешь носить мою фамилию, ты будешь только моей женой и ничьей больше, я

твой супруг, единственный супруг!) [Flaubert 1845: 165]. Здесь раскрываются отношения мужчины к женщине, который проявляет себя как собственник, имеющий право на свою женщину.

d) Femme+Poss.+mari: *Femme qui aime son mari; femme que son mari néglige, trompe; femme qui trompe son mari: «Ces cachettes mystérieuses ont été ménagées au temps jadis pour y murer des femmes qui trompaient leurs maris»* (Эти загадочные места были созданы в далекие времена, чтобы спрятать там женщин, которые обнули своих мужей) [Colette 1900: 80]. В отличие от предыдущей конструкции, эта раскрывает намерения женщины по отношению к мужчине. Она может любить, а может и обманывать его.

e) Homme+qui+V+femme: *Homme qui veut une femme, cherche femme/une seconde femme, qui trouve femme; homme qui prend (qqn) pour femme, homme qui épouse quelqu'un; homme qui prend femme, homme qui se marie ; homme qui séduit la femme de (qqn); homme qui épouse (qqn) pour première femme; homme qui a une femme, qui a (qqn) pour femme; homme qui est sans femme ni enfants, qui n'a ni femme ni enfant, qui a femme et enfant, qui quitte femme et enfant;* Данное сочетание описывает мужчину как обладателя, подчеркивая подчиненный характер женщины.

f) La femme+de+subst.masc. (ou nom propre) : *Femme qui veut être la femme de (qqn), qui accepte d'être la femme de (qqn), qui consent à être la femme de (qqn), qui devient/est/reste la femme de (qqn); femme qui est la femme d'un triste mari; la femme d'un commandant;* «*Vous êtes la femme, la sujette et la servante d'Alphonse, duc de Ferrare*» (Вы – женщина, подчиненная и рабыня Альфонса, графа Феррара) [Hugo 1833: 103]. То есть, женщина может быть активна в своих решениях и у нее есть выбор, но общественные установки предписывают ей подчиняться.

Концептуальные признаки, полученные при анализе языкового материала концепта «женщина» во французском языке могут быть объединены в отдельные категории. Лексические единицы, реализующие данные категории, с одной стороны, дополняют уже вышеназванные

признаки, с другой стороны, указывают на новые качества женщины. Далее мы рассматриваем более подробно эти категории.

1. Анатомический образ женщины

La femme (adulte) du point de vue de ses caractères anatomiques, physiques. Remarqué combien le cerveau de la femme diffère du cerveau de l'homme (Женщина (взрослая) с точки зрения анатомии и физиологии. Заметки о том, как мозг женщины отличается от мозга мужчины) [Michelet 1859: 464]. Женщина обладает следующими анатомическими особенностями: более выраженные ягодицы и бедра, а также грудь: *épaule, gorge, poitrine, cuisse, fesses de femme*. По отношению к мужчине, женщина отличается физической слабостью: *Être femme: ne pas être douée d'une grande force physique (par opposition à l'homme). Vous êtes homme, et je suis femme: la force est de votre côté* (Быть женщиной – значит не обладать большой физической силой (по сравнению с мужчиной). Вы – мужчина, я – женщина: сила – это ваше преимущество) [Musset 1840: 13].

2. Внешний аспект (внешняя привлекательность и расовая принадлежность).

Женщина – это часть Природы и тем женщина прекрасна. Красота женщины дается ей природой, это свойство, независимое от нее. Когда речь идет о красоте женщины, в первую очередь говорят о ее глазах: *L'oeil de la femme est une belle toile d'araignée* (Глаза женщины – это красивая паутина). Сравнение с паутиной придает воздействию, оказываемому красотой глаз, некий зловещий характер; возникает ассоциация с опасностью для того, кто попадает в эти путы. Таким образом, красота глаз наряду со своей притягательной силой имеет еще и отрицательную характеристику – это ловушка для мужчин [Мухутдинова 2006: 71]: *Une belle femme est le paradis des yeux, l'enfer de l'âme et le purgatoire de la bourse* (Красивая женщина – рай для глаз, ад для души и чистилище для кошелька).

По расовому признаку различают: черных женщин, словно эбеновое дерево; белокожих, словно слоновая кость; креолок, метисок; женщин

Севера, Арабии, Востока: *Femme noire comme de l'ébène, femme blanche comme de l'ivoire, femme créole, femme métisse; femme du Nord, d'Arabie, d'Orient; femme de type nordique, méditerranéen, gitan. Ce qui fait défaut pourtant, ce sont les femmes chinoises aux cheveux laqués, trébuchant sur leurs moignons enveloppés de feutre* [Morand 1930: 79]. *Des yeux de femme russe (vert clair, dilatés à la limite)* [Montherlant 1937: 1328].

3. Возраст.

В данной категории лексическая единица *femme* получает дополнительное окружение для выражения возрастной составляющей:

- девушка (*jeune femme*);
- женщина (зрелая) (*femme mûre*);
- женщина преклонных лет, пожилая (*femme d'un certain âge,*

vieillissante): *L'enfant devient jeune fille, la jeune fille devient grande fille, la grande fille devient femme* (Ребенок становится девушкой, а девушка становится женщиной) [Hugo 1862: 488].

4. Социальное положение.

Речь идет о роли женщины в обществе и ее социальном статусе.

- женщина с точки зрения религии – это женщина, приговоренная к боли и страданиям (Ева), божественная женщина (Дева Мария) : *En condamnant la femme à enfanter avec douleur, Dieu lui a donné une force invincible contre la peine; mais en même temps, et en punition de sa faute, il l'a laissée foible contre le plaisir* [Chateaubriand 1803: 286]. *La femme céleste, divinisée. La Vierge Marie. À droite, la femme céleste (robe bleue), la Vierge, mais toute effacée par la douleur* [Michelet 1837: 227].

- женщина как член общества: *Femme de la (grande) société, femme du monde, femme (de la société) bourgeoise. Les femmes du peuple (...) ne sont nullement grossières, comme les hommes, et (...) éprouvent le besoin de délicatesse et de distinction* [Michelet 1846: 291]. *La femme prolétarienne condense les traits anciens et nouveaux du psychisme de classe* [Там же].

Для женщины очень важным является сохранение положительной репутации. От этого зависят ее профессиональные успехи и мнение окружающих: *La réputation d'une femme tient à si peu de chose; la malignité est si habile à pénétrer, si prompte à publier ses découvertes, si disposée à les exagérer!* [Meilhan 1797: 797].

- женщина из низших слоев общества: *Femme déclassée. Femme qui, du fait d'une conduite jugée inappropriée par la société, est considérée comme n'appartenant plus à sa classe sociale d'origine. «Des femmes qui n'étaient que déclassées ont achevé de se perdre en flirtant, vers les cinq heures du soir, comme dans le monde, sur les dos-à-dos de cet honnête salon..».* (Женщины низший слоев общества заканчивали тем, что к пяти часам вечера теряли себя, флиртуя на небольших диванчиках для двоих в этом салоне...) [Bourget 1885: 34].

Женщина может реализовать себя во многих сферах общественной жизни. То есть, в центре внимания – женщина, которая сама зарабатывает себе на жизнь, она самостоятельна и самодостаточна: *Femme qui veut faire sa propre vie par son travail; femme qui gagne sa vie (par son travail) et ne dépend de personne.*

Вопреки сложившимся стереотипам, женщина может реализовать себя не только исключительно в «женских» профессиях, не требующих физической силы, но и работать наравне с мужчинами.

- *Femme maçon* (каменщик), *terrassier* (работа на экскаваторе), *cantonnier* (дорожный рабочий). *«Aujourd'hui que je vous retrouve sous le vêtement d'une femme de travail, vous m'apparaissez plus admirable encore»* (Сегодня, когда я увидел вас в этой рабочей одежде, вы показались мне еще восхитительней) [Renan 1888: 668].

– *Femme ingénieur* (инженер), *femme cosmonaute* (космонавт), *femme-détective* (детектив). *«Je connais des femmes médecins, apôtres, artistes, dit-il»* (Я знал женщин врачей, проповедников, художников, сказал он)[Chardonne 1921:335].

– *Femme-patron* (шеф, директор). «*Elle se montrait d'habitude très exacte, en femme d'affaires qui sait le prix du temps*» (Обычно она была очень пунктуальна, деловая женщина, которая знала цену времени) [Zola 1891: 224].

– *Professeur femme* (преподаватель); *femme philosophe* (философ), *chercheur* (ученый). «*La secrétaire-dactylo, la vendeuse de grand magasin, pensait Marat, dépendent de l'arbitraire du patron ou du chef de rayon. La femme fonctionnaire, par contre, est protégée par son statut...*» (Секретарша, продавщица большого магазина, думал Марат, все зависят от произвола своего начальства. Женщина-чиновник, зато, защищена собственным статусом...) [Vailland 1945: 135].

– *Femme(-)auteur* (автор), *femme écrivain* (писательница), *femme poète* (поэт). «*Jamais femme, je crois, ne laissa voir un si naturel mépris du succès et fut si peu femme de lettres*» (Я думаю, что никогда женщина не покажет своего пренебрежения к успеху, как это делает женщина-литератор) [France 1892: 144].

– *Femme artiste* (артистка), *cinéaste* (киноработник), *metteur en scène* (режиссер). «*Ne conclus pas, Adèle, que selon moi une femme peintre est une femme dépravée, mais seulement qu'elle perd sa réputation et s'attire la déconsidération du monde, eût-elle même une conduite irréprochable...* (Не думай, Адель, что женщина-художник, по-моему мнению, – это испорченная женщина, но она теряет свою репутацию и привлекает все неуважение мира...) [Hugo 1822: 123, 124].

Таким образом, женщина является полноправным членом общества. Она может работать, ее труд должен быть оплачен и она имеет право на социальные гарантии. *Femme qui travaille, qui est embauchée; femme qui a un salaire trop réduit, qui a des intérêts professionnels à défendre; femmes qui sont mêlées aux changements techniques et économiques; femme qui manœuvre une taraudeuse, qui fait huit heures de bureau par jour, qui est correspondant de guerre, qui est homme d'État.* «... Il est admis partout que la femme soit, à fatigue

*égale, moins payée que l'homme... » – « Pourquoi? » demanda-t-elle. – « Parce qu'on suppose qu'elle a un père, ou un mari, pour l'aider à vivre... » («Общепринято, что женщине платят меньше, чем мужчине...» – «Почему» , - спросила она. – «Потому что предполагается, что у нее есть отец или муж, чтобы помогать») [Martin 1936: 370]. Изменение отношения к женщине привело к революции в области орфографии. А именно, в XX веке появились формы женского рода у слов, изначально имевших только форму мужского рода: *une écrivaine, une directrice, une avocate etc.**

Дополнительные концептуальные признаки дают расширенное понимание концепта «женщина» во французском языке в основных ее проявлениях: как существо биологическое и социальное, как активный член общества.

Для женщины главное – реализовать свою женскую сущность. Как существо сексуальное, женщина обладает определенным набором качеств. С этой точки зрения можно выделить следующие номинации женщин во французской лингвокультуре:

1. Фригидная женщина. *Femme frigide; frigidité chez la femme. Si nous disions le centième des rêves que fait un honnête homme, ou des étranges ardeurs qui passent dans le corps d'une femme chaste, on crierait au scandale. Savez-vous que les femmes insensibles et froides sont plus dangereuses que les autres, parce que la neige et la flamme ont sur la chair le même effet?*(Знаете ли вы, что бесчувственные и холодные женщины еще более опасней, чем другие, потому что снег и пламя оказывают на плоть одинаковый эффект) [Achard 1924: 98].

2. Чувственная женщина. *Femme sensuelle; femme qui a du tempérament, du sex-appeal; du chien (fam.); femme qui a le feu au cul/ au derrière (vulg.* (женщина, обладающая темпераментом, сексуальной привлекательностью).

3. Женщина, способная к рождению ребенка или наоборот, стерильная. *Femme féconde, stérile; fécondité de la femme; homme qui féconde une femme; homme qui rend une femme mère d'un (ou plusieurs) enfant(s).* «Des avortons,

semblables à ces femmes infécondes, qui font tous leurs efforts pour avoir un héritier, et qui n'ont plus ensuite que des fausses couches» (Недоношенные дети похожи на бесплодных женщин, которые делают все, чтобы родить наследника, но у которых случаются только преждевременные роды) [Marat 1791: 284].

4. Наличие материнского инстинкта. *Instinct maternel de la femme; maternité, grossesse de la femme; femme enceinte, grosse; ventre de femme grosse; femme sur le point d'être mère. Envie, fantaisie, appétit de femme enceinte, grosse. «Qu'est-ce que la grossesse? On désigne sous ce nom l'état d'une femme qui a conçu, et qui porte en elle le produit de la conception»* (Что такое беременность? Под этим состоянием имеют в виду положение женщины, когда она носит в себе некий «замысел»).

5. Женщина, как мать, дающая жизнь. Рождение детей. *Femme en mal d'enfant; accouchement d'une femme; femme qui accouche (d'une fille/d'un garçon); femme qui a fait un (ou des) enfant(s); femme qui enfante, qui donne le jour à un (ou plusieurs) enfant(s); femme qui fait une fausse couche; femme qui allaite/nourrit, berce son enfant.*

6. Женщина, которая не хочет ребенка. *Femme qui ne veut pas d'enfants; femme sans mari et sans fils; femme sans enfant. La jeune Mme Mercy et Mme Mailly de Nesle avaient très carrément déclaré à leurs maris qu'elles ne voulaient pas d'enfants, parce que la grossesse déforme un corps de femme* (Молодая мадам Мерси и мадам Майи де Нэль твердо заявили своим мужьям, что они не хотят иметь детей, потому что беременность портит фигуру женщины) [Goncourt 1884: 365].

Женщина многогранна по своей сути и удивительна. Французский язык обладает целым рядом лексических единиц, чтобы описать психологию женщины:

- *Caractère+de+femme (+adj.), femme de caractère : à grand caractère, d'un caractère décidé, violent; femme à l'esprit ferme, d'une volonté ferme; femme résolue, bien trempée moralement; femme sûre d'elle-même, maîtresse d'elle-*

même. Maîtresse femme. Femme d'un caractère énergique, d'une volonté ferme, voire autoritaire, qui sait s'imposer et se faire obéir. Эти конструкции характеризуют женщину как активную, волевою, решительную и энергичную.

- *Femme+adj. : Femme extraordinaire. Ma mère est une femme admirable, la seule personne au monde qui me donne parfois envie de me jeter à genoux* [Duhamel 1920: 21]. *Une femme exceptionnelle – moralement – oui : les qualités morales les plus hautes, une femme supérieure* [Bernanos 1948: 909]. Женщина обладает исключительными качествами, вдохновляющими людей на правильные поступки.

Анализ фразеологизмов с компонентом *femme* характеризует женщину, прежде всего, как сексуальный объект, привлекающий мужчину:

- *femme difficile* (разборчивая, недоступная женщина);
- *femme facile* (доступная женщина);
- *femme fatale* (роковая женщина, сирена);
- *femme au bain-marie* (глупая красавица);
- *femme de dernier étage* (развратная женщина, проститутка);
- *femme du Quartier* (любовница студента);
- *femme aux talons ronds* (женщина легкого поведения);
- *ma petite bonne femme* (шлюха, потаскушка);
- *folle femme* (куртизанка);
- *femme de mauvaise vie* (проститутка):

«*Mlle du Fleuriel gardait constamment les yeux baissés, craignant d'apercevoir la femme de mauvaise vie*» (Мадмуазель де Флербель не смела поднимать глаз, боясь встретиться взглядом с этой распутной женщиной); «*Des hommes...manoevrés comme de pitoyables pantins par des femmes de dernier étage, des vases d'ignominie, laides...mais chichiteuse*» (Мужчины, ...как жалкие марионетки, повиновались распутным женщинам, этим горшкам с нечистотами, отвратительным,...но пытающимся еще жеманиться); «*Il ne m'était jamais encore arrivé d'être insulté par une petite bonne femme*» (Мне еще

никогда не приходилось сносить оскорбления от мелкой шлюхи) [Новый большой французско-русский фразеологический словарь 2006: 641].

Небольшое количество фразеологизмов описывают божественный образ женщины: *femme céleste* (Дева Мария), *la première femme* (Ева), *les saintes femmes* (жены-мироносицы).

Следующая группа фразеологических единиц имеет глагольную конструкцию. Их можно разделить на две категории: фразеологизмы, выражающие отношение мужчины к женщине: *chercher une femme* (искать себе невесту), *connaître une femme* (обладать женщиной, иметь с ней связь), *en conter à une femme* (ухаживать за женщиной), *courir les femmes* (волочиться за женщинами), *être une femme* (быть бабой: о мужчине), *galloper une femme* (преследовать своими домогательствами женщину), *lever une femme* (пристать к женщине), *tourner autour d'une femme* (ухаживать за женщиной): *Je suis l'immaculée effrénée. Je suis la vestale bacchante. Aucun homme ne m'a connue* (Я воинствующая девственница. Я весталка на вакханалии. Меня не знал ни один мужчина. Вторая категория описывает отношения жены и мужа: *prendre (pour) femme* (жениться), *c'est la bonne femme qui fait le bon mari* (хорошая жена делает хорошим и мужа), *c'est sa femme qui porte les chaussures* (быть у жены под башмаком), *femme de marin femme de chagrin* (у жены моряка жизнь нелегка), *la femme de voisin est toujours plus belle* (у соседа жена всегда краше кажется), *qui épouse la femme (la veuve) épouse ses dettes* (кто женится на вдове берет ее долги), *qui femme a guerre a* (завел жену, забудь тишину) [Там же: 642-643].

Таким образом, во французской лингвокультуре концепт «женщина», выражаемый, прежде всего, лексемой *femme*, отражает специфику французской картины мира и французского языкового сознания. Культ женщины во французской культуре и ее роль в истории Франции очевидны. Французский язык обладает широким спектром наименований женщины и ее характеристик. Женщина может быть матерью и женой (семейный компонент), любовницей (отношения с мужчиной) или деловой женщиной

(профессиональный компонент). Исследование показало, что одним из основных значений лексемы *femme* является выражение способности женщины к деторождению, возможности вступать в брачные отношения. И эти значения имеют богатое языковое выражение на разных уровнях.

Перейдем к рассмотрению концепта «женщина» на материале русского языка. Как показало исследование, структура данного концепта в указанном языке также может быть описана с помощью понятий ядра и периферии.

Для обозначения «лица женского пола» в русском языке используется большое количество лексических, фразеологических, паремийных и других наименований. Основным способом языковой объективации концепта является родовое слово *женщина*.

Анализ дефиниций лексемы *женщина* выявил следующие ее признаки:

1. Это лицо женского пола, противоположное мужчине.
2. Это представительница женского пола, которая достигла половой зрелости и может иметь детей.
3. Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения.

Исходя из этого, ядерную зону концепта составят следующие лексические единицы: *женщина, жена, мать, лицо женского пола*.

Дефиниционный анализ синонимов, вербализующих концепт «женщина», позволил выделить следующие видовые наименования женщины, эксплицирующие:

- половую зрелость женщины: *девочка, девушка;*
- родовые отношения: *мать (мама), жена, супруга, дочь, бабушка, крестная мать, мачеха, невестка, падчерица, сестра, сноха, тетя, золовка, теща, свекровь;*

Вышеназванные синонимы, выражающие роль женщины в семье, составляют ближнюю периферию концепта. С давних времен основными функциями женщины были замужество и рождение детей. Следовательно, образы жены и матери всегда рассматривались как наиболее значимые.

Зону дальней периферии составляют синонимы, которые отражают внесемейные социальные функции женщины:

- социальные отношения: *соседка, коллега, прохожая, покупательница, клиентка, работник и т.д.*;

- профессиональные отношения (все наименования профессий): *продащица, бухгалтер, няня, преподаватель, кондуктор, врач, музыкант и т.д.*

Ряд синонимов лексемы «женщина» характеризуют женщину с точки зрения ее возраста. Первая группа – *девочка, подросток, девушка, отроковица, юница, девица, барышня, дева* – указывает на молодость, незамужнее положение и девственность лица женского пола. Сюда можно также отнести лексемы, имеющие стилистическую маркировку: *девка, деваха, молодуха, молодица, молодка, пацанка и т.д.* Вторая группа лексем содержит указание на почтенный возраст женщины: *дама, матрона, старуха, (разг.) баба, бабец, бабенка, бабка и т.д.* В русском семантическом словаре под редакцией Н.Ю. Шведовой [Русский семантический словарь, 1998] насчитывается около 15 тысяч единиц наименования «лица женского пола», что говорит о высокой точности и богатстве русского языка в функции наименования.

Разнообразие языковых средств наименования женщины говорит о важности роли женщины в современном обществе и о разнообразии выполняемых ее функций.

Анализ сочетаемостей лексемы *женщина* выявил преобладание имен прилагательных, описывающих внешность женщины, которые также составляют область дальней периферии исследуемого концепта. В русском языке существует достаточное количество лексем, характеризующих женщину по чертам лица, например, глаз: *синеглазка, черноглазка; бровей: чернобровка*; формы лица: *круглоличка*; цвета кожи и волос: *смуглянка, цыганка (перен.), белянка, чернушка, златовласка* [Аминова, Махмутова 2003: 19-20]. Также к этой группе можно отнести следующие лексемы,

описывающие лицо женщины: *длиннолицая, длинноносая, длинношеяя, красивая, круглолицая, короткошеяя, курносая, щекастая, милая, миловидная, носастая, носатая, некрасивая, очаровательная и др.* Большое количество лексем описывают фигуру (части тела) и сложение женщины (рост, вес, состояние здоровья): *аппетитная, величественная, видная, высокая, высокорослая, гибкая, грациозная, грудастая (простореч.), грузная, дебилая (простореч.), длинная (разг.), длинноногая, долговязая (простореч.), долгоногая, дородная, дюжая (простореч.), здоровая (в значении – большая; разг.), изможденная, изморенная, изящная, интересная (разг.), исхудалая, казистая (устар.), коротконогая, костистая, костлявая, красивая, крепкая, кривоногая, круглая, круглоплечая, крупная, кряжистая, ладная (разг.), маленькая, массивная, миниатюрная, могучая, монументальная, мощная, мужеподобная, мясистая (разг.), невысокая, некрасивая, обольстительная, обрюзгшая, осанистая, ослепительная, очаровательная, пикантная, плотная (разг.), полная, полногрудая, полнотелая, представительная, презентабельная (устар.), прекрасная, прелестная, привлекательная, пригожая (нар.-поэт.), приземистая, пухлая, пышная, пышногрудая, рослая, симпатичная, складная (разг.), славная, смазливая (разг.), соблазнительная, солидная, статная, стройная, сутулая, сухая, сухощавая, толстая, тонкая, тощая, тучная, узкоплечая, хорошенькая, хрупкая, худая, худощавая, цветущая, шикарная (разг.), широкая, эффектная. Все эти лексемы затрагивают «внешний аспект» описания женщины.*

Следующая группа лексем (самая большая по количеству включенных единиц) описывает характер, поведение и склад ума женщины, репрезентируя «внутренний аспект». Ряд признаков характеризует женщину с положительной стороны: *беззлобная, благоразумная, благородная, бойкая, вежливая, великодушная, веселая, внимательная, волевая, восторженная, деликатная, добрая, добродетельная, добродушная, добронравственная, добросердечная, душевная,*

жизнерадостная, зажигательная, интеллигентная, культурная, ласковая, любвеобильная, любезная, любящая, милая, милосердная, милостивая, мужественная, мягкая, мягкосердечная, нежная, незлобивая, неунывающая, обаятельная, обходительная, озорная, остроумная, отзывчивая, порядочная, почтенная, поэтическая, приветливая, пылкая, разумная, рассудительная, респектабельная, решительная, святая, сдержанная, сердечная, серьезная, сильная, скромная, сладострастная, сластолюбивая, словоохотливая, спокойная, степенная, стойкая, страстная, твердая, темпераментная, терпеливая, тихая, томная, удивительная, умная, упорная, утонченная, учтивая, целомудренная, чадолубивая, честная, чуткая, чувственная, щедрая, энергичная.

Следующий ряд прилагательных дает отрицательную характеристику женщине: бедовая, бесстыдная беззаботная, беззащитная, безнравственная, беспечная, бессердечная, бессловесная, бесхарактерная, блудливая, бодрая, боевая (разг.), болтливая, важная, вероломная, взбалмошная, властолюбивая, вспыльчивая, высокомерная, гадкая, глупая, гордая, горластая, грубая, гулящая (разг.), дерзкая, дрянная, дурная, ершистая (разг.), ехидная, жадная, жалостливая, жалостная (разг.), желчная, жестокая, завистливая, задиристая, заносливая (простореч.), заносчивая, злая, злобная, истерическая (устар.), истеричная, капризная, кичливая, коварная, кроткая, легкомысленная, ленивая, лживая, лихая, лицемерная, лукавая, мелкая, мерзкая, мнительная, мстительная, мятежная (устар.), надменная, насмешливая, неподатливая, непочтительная, нервная, неугомонная, ничтожная, нравная (простореч.), обидчивая, остроумная, падшая, потерянная (устар.), пошлая, пустая, равнодушная, разбитная, развратная, разгульная, раздражительная, распутная, распущенная, резкая, самолюбивая, сангвиническая, своенравная, себялюбивая, сердитая, сердобольная, скандальная (разг.), скверная, слабодушная, слабонервная, спесивая, строптивая, суетливая, суетная, сумасбродная, сумасшедшая (разг.), суматошливая (разг.),

суматошная, суровая, флегматичная, хитрая, хитроумная, холерическая, холодная, церемонная (устар.), чванливая, чопорная, эгоистичная, экзальтированная, ядовитая, язвенная (разг.), язвительная, языкастая (разг.). Указанные определения описывают отношения женщины с мужчинами, женщинами; способ выполнения работы женщиной; выполнение ею определенной социальной роли. Преобладание прилагательных с отрицательной коннотацией может говорить о доминировании в современном обществе негативного образа женщины, даже если она ведет правильный образ жизни. В отдельную группу можно отнести характеристики, которыми женщина может обладать в разных ситуациях, но они не имеют однозначной оценки: *застенчивая, кокетливая, малоречивая, молчаливая, меланхоличная, мужелюбивая, настойчивая, непокорная, робкая, роковая, светская, сексапильная, строгая, увлекающаяся, упрямая.* Данные признаки создают многоплановый образ женщины, требующий более тщательного изучения.

Следующая группа лексем описывает семейное положение женщины: *вдовствующая, замужняя, незамужняя, одинокая, публичная, семейная, холостая (разг.).*

Объемность номинативного поля концепта «женщина», широкая лексическая объективация свидетельствуют о коммуникативной релевантности данного концепта для русского национального сознания [Адолина 2007: 276].

В ходе анализа паремий русского языка, содержащих лексемы *женщина, баба, жена*, выделяются дополнительные признаки (чаще с отрицательной коннотацией) концепта «женщина»:

1. пренебрежительное отношение к женщине: *Кобыла не лошадь, баба не человек; Курица не птица, баба не человек; Жена без мужа – вдовы хуже;*

2. ущербность по сравнению с мужчиной: *Курице не быть петухом, а бабе – мужиком;*

3. подозрение в связи с темными силами: *Баба бредит, а черт ей верит; Баба да бес – один у них вес; Где Сатана не сможет, туда бабу пошлет* [].

Одну из наибольших по численности групп образуют пословицы, подчеркивающие «болтливость» и «слезливость» женщины: *Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей; Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке; У баб да у пьяных слезы дешевы; Женский обычай – слезами горю помогать.*

Русские паремии провозглашают активный образ женщины и особо подчеркивают определяющую роль женщины в семье: *Мужик без жены, что гусь без воды; Муж задурит – полдома сгорит, жена задурит – весь дом сгорит; Мужик без бабы пуще малых деток сирота; Жена мужа не бьет, а под свой норов ведет.* В ряде пословиц также отмечается взаимозависимость женщины и мужчины: *Муж – голова, жена – душа; Муж да жена – больше, чем брат и сестра; Муж и жена – одна сатана;* и чувство ответственности: *Жена не гусли, поиграв, на стенку не повесишь; Жена не коза, дети не пчелы; Муж не башмак, с ноги не скинешь.*

Исследование концепта «женщина», проведенное на основе ассоциативного эксперимента Л.В. Адониной [Адолина 2007] подтверждает данные, полученные нами в процессе языкового анализа. Одним из аспектов ее работы стало изучение восприятия женщины мужчиной. С этой точки зрения, наиболее частотными характеристиками, по-нашему мнению, являются:

- производимое женщиной внешнее впечатление: *красивая, производит очень хорошее впечатление, женственная, милая, изящная, элегантная, обладает яркой внешностью.* Следует отметить преобладание описания внешности женщины.

- пол: *противопоставлена мужскому полу, относится к женскому полу, указание на лицо;*

- репродуктивная функция женщины: *выступает в роли матери, имеет детей, продолжательница рода;*

- предмет любви мужчины: *любимая, выражение любви, влюбленная, является объектом любви, на всю жизнь, ее носят на руках* [Адолина 2007: 91]. Эти наиболее частотные характеристики отражают основные социальные роли женщины: мать и жена.

Считается, что женщина обладает более высокой эмоциональностью по сравнению с мужчиной. Данный признак может также рассматриваться и как гендерный стереотип в отношении женщины. Так, Л.В. Адолина дает следующие признаки: *плачет, слезы, плач; счастливая, счастье, радость, улыбается, смех, удовольствие, наслаждение, веселая; грустная; страдание; надежда; везение, удача; невезучая* [Там же: 71].

Интересно отметить, что, например, в основе образа женщины, создаваемого рекламными СМИ, также лежат биологические (пол, возраст, внешность) и социальные (социальный статус, стиль жизни, обязанности) факторы [Детинкина, Мерзлякова 2010: 124]. Лингвисты выделяют основные идеальные образы женщин, которые формируются в рекламном дискурсе: «красотка» (важными признаками данного образа являются внешняя привлекательность, сексуальность, финансовая независимость, одобрение других женщин); «домохозяйка» (мать, жена, хозяйка, любящая, заботливая); «деловая женщина» (активная, самостоятельная, равная мужчине) [Там же: 125]. Это говорит о том, что в современном обществе образу подчиненной и зависимой от мужчины женщины постепенно противопоставляется образ самостоятельной и самостоятельной женщины.

Таким образом, как показало исследование концепта «женщина» на материале русского и французского языков, указанные концепты имеют ряд общих черт в их национальной реализации. Например, ядерную зону концепта в обоих языках составили лексемы, выражающие значение принадлежности к женскому полу, отсутствие девственности, способности вступать в брачные отношения и иметь детей. В русском языке родовые

отношения, которые может иметь женщина в обществе, являются преобладающими. Женщина, в первую очередь, проявляет себя как мать и супруга, как хранительница очага. Но, в то же время, все чаще, в процессе изучения концепта «женщина» в различных видах дискурса, на передний план выступает образ сильной, самостоятельной и самодостаточной женщины. Анализ сочетаемости лексемы *женщина* в русском языке дает подробное описание внешности женщины и ее характера. Она предстает не только как положительная личность, но может проявлять и отрицательные черты характера.

2.7 Вербализация концепта «женщина» в индивидуальной концептосфере

Национальный концепт «женщина» и его индивидуальная реализация в творчестве Сержа Генсбура соотносятся между собой как целое и его часть соответственно. Индивидуальный концепт – это, прежде всего, представление автора, основанное на его личном жизненном опыте, обладающее своей структурой, концептуальными признаками и языковой реализацией. Он носит в себе признаки, характерные для французской культуры вообще, и признаки, связанные с индивидуальным пониманием данного концепта самим автором (Приложение 2). Гендерный анализ исследуемого концепта позволит установить особенности отношения автора к женщинам.

Концепт «женщина» реализуется в песенных текстах Сержа Генсбура с помощью лексемы *femme* (*f*). Лексема *femme* (*f*), учитывая форму множественного числа *femmes*, в функции обозначения женщины, встречается в песенных текстах 41 раз (эту лексему Серж Генсбур использует лишь в 5 текстах из 250) из общего числа наименований женщины (89 единиц). Кроме того, для обозначения женщины Серж Генсбур часто

использует личное местоимение *elle, elles* (252 единицы). Налицо преобладание (в количественном плане) местоимения *elle* над другими лексемами, именующими женщину. Мы можем предположить, что, таким образом, автор выражает свое пренебрежение к женщинам, нивелируя ее значение и индивидуальность. Различные наименования женщины в его текстах говорят о метафоричности и образности языка автора и его стремлении к использованию слов в их переносном значении. Метафоры позволяют более подробно передать содержание концепта и расширить его образную составляющую. Проведенный анализ позволил нам выделить следующие **виды наименований женщины** в текстах Сержа Генсбура. Таким образом, женщина проявляет себя как:

1. **Ребенок:** *garçonne, enfant, baby, bébé, fillette, ma belle enfant*. Следует отметить при этом, что во французском языке не существует такой лексической единицы как *garçonne*. Для образования женского рода от существительного *garçon* автор использует правило удвоения согласного и добавления конечного гласного –е. Для С. Генсбура женщина так же как ребенок полна непосредственности, беззащитна и слаба, ее надо опекать и защищать.

2. **Животное/птица** – наименование построено на основе метафоры, : *un petit animal; sourie* (авторский неологизм, возможно, в данном случае перед нами слияние двух французских слов: *sourir* «улыбаться» и *une souris* «мышка»); *mes oiseaux* (мои птички); *le petit lapin* (зайчик, от фр. *un lapin* «кролик»); *poulette* (милочка, цыпочка – от фр. *la poule* «курица»). В то же время женщина необузданна и дика как животное, коварна и непостоянна как животное и птицы. Некоторые анимализмы, используемые автором, входят в устойчивые ласкательные обороты (*le petit lapin*) или фамильярные обозначения женщины (*la poule*).

3. **Флора** – наименование построено на основе метафоры: *chou (un chou* «капуста», имеет в разговорном языке значение «душенька»); *ma sève* (осн. знач. – растительный сок, перен. – жизненная сила).

4. **Тип ландшафта** – наименование построено на основе метафоры: *tu es désert, jungle, forêt* (ты – пустыня, джунгли, лес).

5. **Вид наркотика** – наименование построено на основе метафоры: *mon opium, mon cocaïne*. Подобно наркотику женщина опьяняет, заставляет все забыть.

6. **Божественное существо** – наименование построено на основе метафоры: *ma divine* (богиня), *bel ange* (ангел). Женщина – это нечто возвышенное, перед которым надо преклоняться.

7. **Сладкое** – *mon sucre candy* (мой сахарный леденец, англ.).

8. **Проявление любви** – используются однокоренные слова: *amoureuse* (возлюбленная, любовница, поклонница), *mon amour* (моя любовь), *amourette* (мимолетная любовь, интрижка), *ma femme* (моя женщина, моя жена).

Также женщина может быть обозначена **по национальному или расовому признаку**: *Africaine, Abyssine, Nègresse*, **по манере поведения**: *vilaine fille* (дрянная девчонка); **по внешнему признаку**: *les petites brunettes* (маленькие брюнетки).

Все вышесказанное говорит о неоднозначном отношении автора к представительницам женского пола, о его глубоком переживании каждого факта знакомства или мимолетной встречи с новой женщиной. Но каждый раз он позиционирует себя как собственник: он обладает женщинами, что проявляется в частом употреблении притяжательного местоимения *та, топ*. Сам Серж Гинзбург так отзывается о женщинах: «Мне нравятся женщины как объект, красивые женщины: манекенщицы, модели. Во мне просыпается художник. Но я никогда сам не говорю им «Я люблю тебя», потому что это они твердят мне об этом. Равноправия не существует» [Гензбур 2007: 205].

В начале своей карьеры автор был весьма категоричен к женщинам и наделял их отрицательными характеристиками. «Я никогда не буду питать нежность к женщине. Я их ненавижу. С ними все вечно что-нибудь не так»

[Там же]. Анализ текстов песен Сержа Генсбура позволил выделить следующие характеристики женщины:

а) отношение женщины и мужчины:

- *infidèles* (неверные):

La femme des uns sous le corps des autres

A des soupirs de volupté

(« *La femme des uns sous le corps des autres* », 1958):

(Женщина одних под другими вздыхает от наслаждения).

(здесь и далее перевод наш)

- *vénales* (продажные):

Mais savant d'froisser ses dentelles

En la couchant sur le divan

Faudra pour être bien avec elle

La coucher sur ton testament

(« *Jeunes femmes et vieux messieurs* », 1959):

(Умело перебирая кружево и находясь на диване

Будь рядом с ней и спи с ней на своем завещании).

- *épuisantes* (истощающие):

Ce mortel ennui

Qui me vient

Quand je suis avec toi

(« *Ce mortel ennui* », 1958):

(Эта смертельная тоска,

которая приходит ко мне,

когда ты со мной).

б) уровень образованности женщины:

- *analphabètes* (безграмотные):

En relisant ta lettre

Je m'aperçois que

L'orthographe et toi ça fait deux

(« *En relisant ta lettre* », 1961):

(Читая твое письмо, я заметил, что ты не ладишь с орфографией).

в) наличие/отсутствие ума:

- *stupides* (глупые):

Quand dans tes yeux

Je vois mes yeux

T'en as d'la chance

Ça leur donne des lueurs d'intelligence

(« *Mambo Miam Miam* », 1959):

(Когда в твоих глазах я вижу свои глаза
Это придает твоим глазам отблеск ума).

г) черты характера женщины:

- *réfrigérantes, egoïstes, glaciales* (холодные и ледяные):

Eh toi

Dis-moi quelque chose

Tu es là

Comme un marbre rose...

(« *Intoxicated man* », 1962) :

(А ты, скажи мне что-нибудь,

Ты – там?

Как розовый мрамор...)

Следует отметить, что упомянутые характеристики женщины можно отнести к разряду индивидуальных, то есть являющихся частью концепта «женщина», актуализирующегося в песенных текстах Сержа Генсбура. Более того, эти определения говорят о том, что в начале своего творчества ум и характер женщины Серж Генсбур ценил больше, чем ее внешность. И в этом прослеживается прямота, с которой только мужчины могут

оценивать женщину. Внешняя привлекательность женщины, в первую очередь значима для мужчины.

Жизненный опыт и круг общения изменили его взгляд на женщин. В своих поздних текстах он демонстрирует всю палитру эмоций, испытываемых к женщинам, которых он встречал и любил.

Имена собственные в песнях С. Генсбура имеют особое значение. С каждым именем у него связана любовная интрижка, нежные дружеские чувства или страсть, доводившая его до безумия. Juliette, Margo, Annie, Lulu, Marilou, Manon, Anne, Jérémie, Melody, Samantha, Baby Lou, Evelyne, Bambou, Marylin, Kate, Elisa, Zazie (всего 17 имен) – все стали частью его жизни и творчества. Интересен тот факт, что имена собственные автор давал преимущественно тем женщинам легкого поведения, с которыми оставался не более, чем на одну ночь.

Из всех аспектов концепта «женщина», представленных во французской лингвокультуре, Сержа Генсбура интересуют лишь два: образ женщины как сексуального объекта и образ любимой женщины. Для автора наибольшую ценность в женщине представляли ее женские качества: внешняя красота, сексуальность, ум.

Образ женщины легкого поведения преобладает над остальными. Для их обозначения С. Генсбур использует местоимение *elle (elles)*, такие метафорические наименования как *nana* (любовница), *shampouineuse = sucette* (женщина, занимающаяся оральным сексом), *gigolette* (потаскушка), *gueuse* (женщина дурного поведения), а также имена собственные. В некоторых текстах для наименования автор использует существительное *inconnue* (неизвестная), подчеркивая тем самым, что эти женщины не имели большого значения в его жизни.

С грамматической точки зрения все лексические единицы, вербализующие концепт «женщина», представляют собой существительные и прилагательные. Это свидетельствует о простоте и ясности выражения, к которым всегда стремился С. Генсбур в своих

текстах. Как правило, отношения с этими женщинами были мимолетными, но эмоционально насыщенными: *ces brefs instants torrides* (те жаркие короткие моменты). Никаких сожалений после этих встреч не оставалось – *Bambou ne pleur plus, elle s'est vite console...* (Бамбу больше не плачет, она быстро утешилась...). Эти женщины по сути своей легкомысленны и ветренны: *Tu as vraiment l'air de te foutre de tout De prendre tous les autres pour des fous – j'ai compris ta philosophie Baby Lou* (Ты действительно ни на кого не обращаешь внимания и всех принимаешь за дураков – я понял твою философию Бэби Лу).

С женщиной автор мог испытывать скуку: *Ce mortel ennui qui me vient quand je suis avec toi* (Ко мне приходит смертельная скука, когда я рядом с тобой). И он был бы рад избавиться от нее, но жалость не позволяет сделать этого и он вынужден убивать свое время с ней: *Alors pour tuer le temps... (Чтобы убить время...)*.

С другой стороны, Сержу Генсбуру нравились реальные женщины, с недостатками, доступные, потому что с ними было просто найти общий язык. Он очень не любил «сладких» речей о любви, а женщины легкого поведения этого и не требовали.

Образ любимой женщины. Тексты, в которых вербализуется данный образ, были написаны автором, прежде всего, тем женщинам, которых он любил и которыми восхищался. Это были, во-первых, Д. Биркин, Б. Бардо, К. Денев, его дочь Шарлота, Бамбу, любовница, с которой он прожил последние годы своей жизни, и другие.

Je lui dis ni tu ni vous, je lui dis elle (Я не говорю ей ни ты, ни вы, я говорю ей она) – так определяется отношение автора к своим женщинам. Его любовь настолько сильна, что он не может ее сдерживать и говорит о ней открыто: *Elle doit savoir, tu dois le savoir quand meme que je t'aime* (Она должна знать, ты все-таки должна знать, что я тебя люблю). Этот образ все время находится в его голове, в его памяти. Данный признак качественно отличает образ любимой женщины от образа женщины легкого поведения.

Потому что последняя, как правило, не оставляет никаких следов в памяти автора. *Je te chasse de mes pensées, je te rejete, je te fuis, Mais tu me reviens toujours, tu me reviens comme un boomerang* (Я прогоняю тебя из своих мыслей, я бегу от тебя прочь, Но ты всегда ко мне возвращаешься, ты возвращаешься как бумеранг).

Иногда С. Генсбур признается, что не может быть верным одной женщине постоянно, это невозможно для него, принимая во внимание его мужское обаяние и большое количество поклонниц: *J'aimerais te dire que je te suis fidèle, Mais d'abord je trouve que ça serait pas bien Car vois-tu ce n'est pas vrai* (Я хотел бы сказать, что я буду верен тебе, Но я считаю, что это было бы не совсем правильно, потому что это неправда).

Одним из главных женских образов в его творчестве является **образ его дочери**. Ей он посвятил несколько песен, в которые вложил всю свою любовь: искреннюю и открытую. Она была смыслом его жизни, перед которым меркло все вокруг: *Tous les amours se meurent Sans toi Je ne suis plus moi Sans toi...Amour de ma vie* (Вся чувства умирают без тебя, Я – больше не я без тебя...Любовь моей жизни).

Наименования женщин, которые были выделены в национальном концепте, находят свое отражение в песенных текстах Сержа Генсбура (Приложение 4). Например, *femme religieuse* (женщина с точки зрения религии) представлено в текстах автора следующими образами: *ma divine* (богиня), *bel ange* (ангел); *femme du point de vue de sa race* (женщина с точки зрения своей национальности, происхождения): *Africaine, Abyssine, Nègresse; femme comme un objet sexuel* (женщина как сексуальный объект): *mon amour, ma femme, nana, mon amourette, gigolette, gueuse, sucette etc.*

Качественные характеристики лексемы *femme (f)* дают более полное представление о выше перечисленных образах и могут быть разделены на две группы:

1. Положительные характеристики:

- внешний вид: *belle, petite : Viens dans mes bras ma jolie...* (Иди ко мне, моя красавица...);

- психологические особенности личности: *douce, jolie, naïve, marrante; Elle est marrante...* (Она смешная...);

- значимость для автора: *unique – Je n'avais qu'une unique amour...* (У меня была только одна единственная любовь); *Mon bébé, ma fille unique...* (Моя малышка, моя единственная...);

2. Отрицательные характеристики

- психологические особенности личности: *cruelle* (жестокая): *Ne sois pas cruelle; rastaquouère* (темная лошадка), *perverse* (порочная) *et perfide* (коварная): *Perverse Manon Perfide Manon; infidèle* (неверная), *pas sérieuse* (несерьезная), *menteuse* (лгунья): *Je te jure, jamais Manteuse Manteuse.*

Анализ сочетаемости лексемы *femme (f)*, а также других наименований женщины в текстах Сержа Генсбура с прилагательными показывает, что автор использует более широкую палитру характеристик, в отличие от тех, которые актуализируют национальный концепт.

Особое место в текстах Сержа Генсбура занимает описание внешности женщины. Как человек, страстно увлеченный представительницами женского пола, Генсбур обращал свое внимание именно на те части тела, которые особенно привлекают мужчину в женщине: глаза, волосы, тело, руки. Во французской лингвокультуре признак, содержащий указание на женскую красоту, часто подвергается детализации. Этот процесс в целом характерен для французского языкового сознания и находит отражение в текстах Сержа Генсбура. В первую очередь, автор обращает внимание в своих текстах на глаза женщины (*les yeux*). Именно глаза обуславливают ее характер и личное отношение автора к женщине. Глаза могут быть прекрасны: *les beaux yeux* (красивые глаза), *yeux encre de Chine* (глаза, черные как китайские чернила); могут выражать состояние души женщины: *yeux étonnés* (удивленные глаза), *tes yeux candide* (искренние

глаза, в русском языке уместнее говорить об искреннем взгляде), *tes yeux absents* (отсутствующие глаза, то есть взгляд); женские глаза могут быть для мужчины и губительны: *ton regard corrupteur* (твой соблазнительный развращающий взгляд). Для выражения возбужденности женщины, С. Генсбур также пользуется описанием глаз, а точнее, он говорит о расширении зрачка (*tes pupilles se dilatent*). Этот физиологический процесс происходит по разным причинам, в том числе и в момент высокого эмоционального напряжения, например, сексуального. Единичными являются упоминания женских губ: *tes lèvres etrennées de poudre* (твои губы в пудре).

Следующим объектом внимания автора становится женское тело и ее кожа. Признаки, характеризующие женское тело, в большинстве своем метафоричны. Не всегда Серж Генсбур говорит о прелестях женского тела открыто, а делает это завуалировано, например: *sous sa chemisette j'en ai plein de beaux* (под ее блузкой я нахожу много прекрасного). Женская грудь описывается в виде двух шаров (сфер) – *ses seins deux sphères* (ее грудь как две сферы). Такой образ объясняется особой притягательностью пышных женских форм для автора. Красивая шея также имеет большое значение. Гинзбург использует две лексемы для обозначения этой части тела: *le cou* (шея) и *la gorge* (глотка, горло). Например, *joli cou* (прекрасная шея), *ta gorge café* (твоя шея кофейного цвета). Интересно заметить, что к темнокожим женщинам С. Генсбур относился с особой страстью. Песенные тексты, в которых фигурируют подобные образы, отличаются страстностью и сексуальным подтекстом. Кофейный оттенок часто встречается в описаниях женского тела у С. Генсбура: *tes cheveux café* (твои волосы кофейного цвета), *j'aime ta couleur café* (я люблю твою кожу цвета кофе) и т.д. Тело женщины всегда прекрасно: *ton corps si beaux* (твое прекрасное тело), *ton corps se penche et s'allonge comme un fin vaisseau* (твое тело склоняется и вытягивается как стройный корабль).

Волосам, как важному объекту красоты женщины, также уделено внимание в текстах. Волосы женщины олицетворяют у С. Генсбура глубину и бесконечность: *sur ta chevelure profonde* (в твоей густой шевелюре), *dans la jungle de tes cheveux* (в джунглях твоих волос). Это говорит о том, что женщина увлекает мужчину, окутывает волосами словно сеть, околдовывает. Еще одним важным признаком женской красоты являются ногти и пальцы (*ongles et doigts*). По ним можно определить возраст женщины, состояние ее здоровья. И французы, как истинные ценители женской красоты, не обходят их вниманием. Для Сержа Генсбура пальцы и ногти женщины – это предмет сексуального возбуждения: *enfonce bien tes ongles et tes doigts délicats* (вонзи глубже твои ноготки и твои нежные пальчики). Автор время от времени делает акцент на красоте женщины, сравнивая с собой: *Vous êtes bien belle et je suis bien laid...* (Вы так красивы, а я так уродлив). Но вместе с тем, он уверен, что даже в этом случае люди могут быть счастливы: *Nous serons heureux, nous serons ensemble* (Мы будем счастливы, мы будем вместе).

Анализ языкового материала, вербализующего концепт «женщина» во французской лингвокультуре, показал, что национальный концепт не рассматривает женщину так подробно с точки зрения ее внешности. Мы встречаем упоминание частей тела, но отсутствуют их характеристики. Таким образом, Серж Генсбур предлагает читателю свое индивидуальное восприятие женской внешности.

Материалом для гендерного анализа в данном разделе послужили, главным образом, прилагательные, которые характеризуют лексему *femme* (*f*) в песенных текстах Сержа Генсбура.

В соответствии с вышеуказанными способами выделяют следующие средства выражения женского рода:

1. ведущий способ – флексия (добавление гласной –*e* к форме мужского рода): *petite* (*petit*), *jolie* (*joli*), *idiote* (*idiot*), *bénie* (*béni*), *laide*

(*laid*), *marrante* (*marrant*), *vilaine* (*villain*), *lourde* (*lourd*), *amie* (*ami*), *chérie* (*chéri*), *africaine* (*africain*);

2. удвоение согласной и добавление гласной –e: *belle* (*bel*), *cruelle* (*cruel*), *grosse* (*gros*), *mignonne* (*mignon*), *poulette* (*poule*);

3. изменение суффиксов (смена окончания *eux* (m) – *euse* (f); смена согласной –f (m)- -v (f): *naïve* (*naïf*): *sérieuse* (*sérieux*), *délicieuse* (*délicieux*), *douce* (*doux*), *amoureuse* (*amoureux*);

4. аналитический прием – неизменяемость (прилагательные, которые имеют одинаковую форму для обоих родов): *unique*, *platonique*, *pauvre*, *infidel*, *perverse*, *perfide*, *somnole*, *stupide*, *tiède*.

При образовании форм женского рода у имен существительных автор также использует правило удвоения согласной: *brunette* (*brunet*), *conne* (*con*), *garçonne* (*garçon*), *chatte* (*chat*), *chienne* (*chien*), *candidate* (*candidat*), *inconnue* (*inconnu*). Следует отметить также, что образ автора находится в центре повествования и представлен личным местоимением «je». Количественное преобладание местоимения «je» над «elle» говорит о доминирующей роли мужского начала над женским в его творчестве.

Таким образом, концепт «женщина» в песенных текстах Сержа Генсбура, с одной стороны, является отражением соответствующего национального концепта (наличие единой лексемы, вербализующей концепт и аналогичная структура) и отражает сложившийся во французской культуре стереотип в отношении женщины. С другой стороны, в концепте «женщина», актуализирующемся в песенном дискурсе Сержа Генсбура, мы находим отражение его индивидуального мужского восприятия женщины, что выражается в выборе лексических и стилистических средств ее описания. Это подтверждает андроцентричную направленность его текстов.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ II

Итак, проведенный лингвокультурологический и гендерный анализ концептов «любовь» и «женщина» показал высокую значимость и важность данных концептов.

Оба концепта обладают четкой и индивидуальной структурой: в концепте «любовь» мы выделяем ядерную зону (представленную лексемами – наименованиями концепта и их дериватами) и два подуровня периферийной зоны (лексемы этой зоны передают вторичное и производное значение лексемы *amour*). Проведенный анализ актуализации данного концепта в песенном дискурсе показал, что структура национального и индивидуального концептов совпадает. Однако в индивидуальном концепте преобладают эмоционально-оценочные компоненты, отражающие опыт индивида, автора проанализированных текстов. Концепт «женщина» имеет более сложную структуру, хотя в ней также можно выделить ядерную и периферийную части. В периферийной части выявлены несколько групп, характеризующих социальное и профессиональное положение женщины в обществе.

Оба концепта имеют множественное языковое выражение, что свидетельствует об их ценности для искомым лингвокультур.

Анализ вербализации концептов «женщина» и «любовь» в индивидуальной концептосфере Сержа Генсбура, с одной стороны, расширяет и уточняет содержательную сторону аналогичных национальных концептов, с другой стороны, выявляет индивидуальную составляющую исследуемых концептов. Отличительным признаком песенного дискурса Сержа Генсбура является индивидуальность периферийной зоны в концептах «любовь» и «женщина» и разнообразие наименований женщины в одноименном концепте. Например, периферийная зона концепта «любовь» включает, главным образом, существительные, которые отсутствуют в содержании данного концепта во французской лингвокультуре. То есть автор

использует разнообразные контекстуальные синонимы. Концепт «женщина» обладает широким спектром концептуальных признаков.

Из всех социальных ролей, которые может выполнять женщина в обществе, в текстах Сержа Генсбура вербализуются только два: женщина как жена и женщина как любовница. Отдельным образом в его творчестве является образ дочери Шарлоты, любовь к которой также можно рассматривать как один из видов концепта «любовь» и один из образов концепта «женщина». Концепт «женщина» в концептосфере Сержа Генсбура вербализуется лексемой *femme (f)*, равно как и в национальном концепте. В своих текстах автор делает акцент на внешности и анатомических особенностях женщины (описание частей тела, волос, глаз, взгляда), также использует наименования женщины, связанные с божественными образами (*ma divine, mon ange*). Но, в то же время, автор не раскрывает таких вопросов как возраст женщины и ее социальное положение. Важно отметить, что, в целом, индивидуальный концепт «женщина» Сержа Генсбура по своему содержанию близок к соответствующему концепту во французской культуре.

Гендерный анализ данных концептов показал преобладание андроцентричной точки зрения по исследуемым вопросам. Автор открыто демонстрирует свое мужское поведение, которое выражается в использовании нецензурной лексики, простых синтаксических конструкций, образовании форм женского рода от форм мужского рода, путем добавления соответствующих флексий.

Таким образом, проведенный концептуальный анализ показал, что национальный и индивидуальный концепты соотносятся как целое и частное. Индивидуальные концепты «любовь» и «женщина», реализованные в песенных текстах Сержа Генсбура дополняют и обогащают национальные концепты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило определить общие и индивидуальные закономерности строения культурных концептов в индивидуальной концептосфере. Концептуальный анализ в современной лингвистике дает возможность наиболее полно раскрыть содержание концептов через выявление содержания лексических единиц, объективирующих данный концепт.

Концепты «любовь» и «женщина» являются универсальными концептами и представлены в концептосферах разных лингвокультур, включая французскую и русскую. Их содержание может быть обнаружено через анализ лексем, фразеологизмов, паремий, формирующих номинативное поле концептов, а также через тексты.

Основным признаком, объединяющим национальный и индивидуальный концепты, является общая структура. Концепт «любовь» имеет традиционную для концептологии схему: ядро и периферийная зона, а концепт «женщина» представлен, кроме того, секторами, описывающими социальное, семейное, профессиональное положение женщины в обществе.

Анализ лингвистического материала позволил нам определить базовые компоненты концепта «любовь» во французской и русской лингвокультурах. Количество лексем, через которые вербализуется данный концепт, свидетельствует о том, что он является одним из важнейших концептов, определяющих национальное мировоззрение. Для нашего дальнейшего исследования мы ограничились лишь одним аспектом многопланового концепта, отражающим чувство любви между мужчиной и женщиной. В этом плане любовь также неоднородна и может быть описана с точки зрения разных видов: любовь-страсть, отличающаяся силой и всепоглощающим характером; физическая любовь, предполагающая лишь получение физиологического удовольствия; любовь – тщеславие, как способ самоутверждения мужчины.

Концепт «любовь», являясь универсальным, обладает общими признаками во многих лингвокультурах: это сильное, всеохватывающее чувство, которое характеризуется сильным влечением, независимостью от воли и желания человека, противоречивостью, желанием добра объекту любви. Это чувство, которое возносит человека не вершину блаженства, даря ему счастье, и низвергает его в страдания. Оно может возвысить человека и погубить его.

Несмотря на то, что в этом концепте много универсальных черт, тем не менее, он обладает этническими и культурными особенностями. В частности, во французской лингвокультуре любовь, скорее физическое влечение, в то время как в русской культуре для любви необходима и духовная близость. В русской лингвокультуре особо подчеркивается жертвенный характер женской любви, ее подчиненность и зависимость от мужчины, во французской – женщины и мужчины являются равноправными партнерами.

Концепт «любовь», реализуемый в песенном дискурсе Сержа Генсбура, является частью общенационального концепта и отражает, в первую очередь, его индивидуальный аспект, который дополняет и обогащает три основных компонента национального концепта: понятийный (подбор индивидуальных лексических и стилистических приемов), образный (выражение личного эмоционального опыта автора) и ценностный (в творчестве С. Генсбура концепт «любовь» занимает одно из важных мест среди других концептов).

Соответствующий анализ в рамках концепта «женщина» в его национальной реализации дал следующие результаты. Женщина, являясь важным членом общества, характеризуется в языке, прежде всего, по отношению к мужчине: словарные статьи основаны на противопоставлении и сравнении мужчины и женщины. Образ женщины дается через описание ее анатомических особенностей, внешности, возраста, социальных ролей (жена – мать), реже приводятся ее профессиональные роли, без описания профессиональных качеств. Контекстуальный и дистрибутивный анализ позволил расширить представление о женщине: прилагательные, с которыми

сочетаются основные лексемы данной семантической группы, дали возможность описать характер, внешность, поведение женщины и определить отношение и требования общества к женщине.

Концепт «женщина», вербализованный в текстах Сержа Генсбура, содержит более подробную информацию о трех главных для автора женских образах: жена – любовница – дочь. Следует отметить, что в индивидуальном концепте женщина получает отрицательную характеристику, что отражает личный жизненный опыт автора песен.

Гендерный анализ обоих концептов подтвердил распространенное в лингвистике мнение, что язык отражает мужской взгляд на окружающую действительность. В песенных текстах Сержа Генсбура это проявляется, прежде всего, в выборе простых синтаксических конструкций, использовании эмоционально окрашенной и ненормативной лексики и общей тональности и тематике текстов.

Структура и содержание индивидуальных концептов «любовь» и «женщина» отличается от структуры и содержания национальных концептов, поскольку ряд элементов национального концепта не нашел в них отражение (например, в индивидуальной концептосфере «любовь» представлена только через отношение мужчины и женщины, а концепт «женщина» включает лишь три составляющих из национального концепта). И, наоборот, в индивидуальной концептосфере появились элементы, отражающие оценку (чаще отрицательную) и эмоциональность. Эти элементы оказались ближе к ядру индивидуального концепта, в то время как в национальных концептах они относятся к дальней периферии.

Выбор лексических средств при вербализации данного концепта в песенном дискурсе свидетельствует о подвижности содержания национальных концептов, ядерные компоненты национального концепта «уходят» в периферию индивидуального концепта и, наоборот.

Таким образом, анализ репрезентации культурных концептов «любовь» и «женщина» в индивидуальной концептосфере позволяет сделать вывод об

индивидуальном варьировании концептов. Оно затрагивает содержание предметного слоя, оценочный знак концепта, статус компонентов концептов: ядерные компоненты национального концепта могут перейти в разряд периферийных и наоборот, а некоторые компоненты могут не найти свое отражение в индивидуальных концептах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адонина, Л. В. Концепт «Женщина» в русском языковом сознании : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Адонина. – Воронеж : ВГУ, 2007. – 161 с.
2. Адонина, Л. В. Методика концептуального анализа (на примере концепта *женщина*) / Л. В. Адонина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. – 2007. – Т. 20 (59), № 1. – С. 272–282.
3. Ажгихина Н. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа. – СПб. : Алатея, 2001. – С. 261–273.
4. Алисова, Т. Б. Опыт анализа концептуального мира Данте с позиций современной лингвистики / Т. Б. Алисова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1996. – № 6. – С. 7.
5. Алпатов, В. М. История лингвистических учений : учеб. пособие / В. М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. славян. культуры, 2005. – 368 с.
6. Аминова, А. А. Аксиологические особенности концепта «Женщина» в русском, английском и татарском языках / А. А. Аминова, А. М. Махмутова // Сборник научных трудов / под общ. ред. А. А. Аминовой, Н. А. Андромоновой. – Казань, 2003. – С. 19–26.
7. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
8. Андронаки, П. Г. Опыт лингвокультурологического анализа: песенный текст / П. Г. Андронаки, В. В. Васильева // Антропоцентрический подход к языку / Пермь: ПГУ, 1998. – Ч. 1. – С. 5–24.
9. Антология гендерной теории. Сб. пер. / Сост. и комментарии Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. – Мн.: Пропилеи, 2000. – 384с.

10. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Шк. "Яз. рус. культуры" : Вост. лит. РАН, 1995. – 472 с.
11. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / Аристотель. – М. : Наука, 1982. – 471 с.
12. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М., 1984. – Т. 4. – С. 375–644.
13. Арнольдов, А. И. Человек и мир культуры / А. И. Арнольдов. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1992. – 240 с.
14. Арнхейм, Р. Искусство и визуальное восприятие / Р. Арнхейм ; сокр. пер. с англ. В. Н. Самохиной ; общ. ред. и вступ. ст. В. П. Шестакова. – М. : Прогресс, 1974. – 392 с.
15. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
16. Аскольдов-Алексеев, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / Изд-во: Academia. – М., 1997. – С. 267–279.
17. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
18. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.
19. Баженова, И. С. Экспрессия эмоций в контексте гендерных исследований // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. Часть 4. Слово в тексте. – Смоленск : СГПУ, 2001. – С. 99–104.
20. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с 3-го франц. изд. Е. В. Вептцель, Т. В. Вептцель. – М. : Иностр. лит., 1955. – 416 с.

21. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 1. – С. 11–21.
22. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М : Худож. лит., 1975. – 502 с.
23. Бебель, А. Женщина и социализм / А. Бебель. – М. : Изд-во «Госполитиздат», 1959. – 592 с.
24. Бельчиков, Ю. А. Язык – это путь цивилизации и культуры / Ю. А. Бальчиков // Русский язык в школе – 1996. – № 6. – С. 91–96.
25. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер.с фр., под ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
26. Бердяев, Н. А. Метафизика пола и любви / Н. А. Бердяев // Русский эрос, или Философия любви в России / В.П. Шестаков. – М.: Прогресс, 1991. – С. 232–265.
27. Берн, Ш. Гендерная психология. – СПб. : Прайм – Еврознак, 2002. – 320с.
28. Берн, Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / Пер. с англ. А.И. Федорова. – СПб. : Талисман, 1994. – 431с.
29. Библия : книги Священного писания Ветхого и Нового завета : в рус. пер. пер. с парал. Местами : с прилож. крат. библейск. указ. и объяснит. примеч. пастора Б. Геце. – 7-е изд. – Стокгольм, 1990. – 1302 с.
30. Бобкова, Ю. Г. Концепт и способы его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Г. Бобкова. – Пермь, 2007. – 245 с.
31. Бобунова, М. А. Представление народной языковой картины мира в словаре фольклора / М. А. Бобунова // Картина мира и способы ее репрезентации : науч. докл. конф. «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апр. 2003 г., Курск) / ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. – Воронеж, 2003. – С. 129–133. – (Сер. Научные доклады ; вып. 2).
32. Бовуар, С. де, Второй пол. Том 1. – СПб., М., 1997. – 831с.

33. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по англ. филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – 123 с.
34. Бонфельд, М. Музыка: язык, речь, мышление [Электронный ресурс] / М. Бонфельд. – Режим доступа: www.booksite.ru/fulltext/bon/fel/bonfeld/01/htm. (Дата обращения: 21 июня 2009)
35. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – Изд. 2-е, стер. – М. : КомКнига, 2007. – 288 с.
36. Брагина, А. А. Лексика языка и культура страны: изучение лексики в лингвострановедческом аспекте / А. Брагина. – М. : Рус. яз., 1986. – 151 с.
37. Бровкина, И. Ф. Приглашение в мир французской песни : учеб. пособие для студентов 5 курса яз. вуза. – Сыктывкар : Коми гос. пед. ин-т, 2001. – 102 с.
38. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие / А. А. Брудный. – М. : Лабиринт, 1998. – 332 с.
39. Валгина, И. С. Теория текста : учеб. пособие / И. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm>.
40. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса / Т. А. Ван Дейк. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>. (Дата обращения: 28 апреля 2008)
41. Васина-Гроссман, В. А. Музыка и поэтическое слово / В. А. Васина-Гроссман. Ч. 2. Интонация. – М. : Музыка, 1978. – 368 с.
42. Васильева, А. Н. Художественная речь / А. Н. Васильева. – М. : Изд-во: Русский язык, 1983. – 256с.
43. Васюк, В. В. Ретроспективный анализ образа женщины (на материале цитат) / В. В. Васюк // Язык как структура и социальная практика / Межвуз. сб. науч. тр. – Хабаровск, 2004. – Вып. 5. – С. 14–22.
44. Вахрушева, Л. В. Комплексный анализ текста на лингвокультурологическом материале / Л. В. Вахрушева ; ИПК и ПРО УР. – Ижевск : ИПК и ПРО, 2004. – 57 с.

45. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие. Ч. 1 / под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Але-тейя, 2001. – 708 с.
46. Введение в литературоведение : учеб. для вузов рек. МО СССР / под ред. Г. Н. Поспелова. – 2-е изд., доп. – М. : Высш. шк., 1983. – 327 с.
47. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – 288 с.
48. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / А. Вежбицкая. – М. : Рус. слов., 1999. – 411 с.
49. Вейнингер, О. Пол и характер: принципиальное исследование / О. Вейнингер. – М. : Изд. Центр «Терра», 1992. – 480 с.
50. Великородных, О. В. Специфика вербализации концепта «Femme» («Женщина») в художественной картине мира Ф. Саган в динамико-возрастной перспективе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / О. В. Великородных. – Воронеж, 2007. – 206 с.
51. Виллер, М. А. Фонетика французского языка : учеб. пособие для студентов фак. и пед. ин-тов иностр. яз. / М. А. Виллер, М. В. Гордина, Г. А. Белякова. – Л. : Просвещение, 1977. – 240 с.
52. Вильмс, Л. Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «Любовь»: на материале немецкого и русского языков : дис. ... канд. филол. наук / Л. Е. Вильмс. – Волгоград, 1997. – 211 с.
53. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 2003. – Вып. 24. – С. 5–12.
54. Воркачев, С. Г. Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2003. – Т. 17, вып. 2. – С. 268–276.
55. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

56. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. - Волгоград: Перемена, 2003а. - С. 189-208.
57. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) : монография / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
58. Воробьев, В. В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах / В. В. Воробьев // Язык и культура: Вторая международная конференция. – Киев, 1993. – С. 42–48.
59. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
60. Воркачев, С. Г. Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2003. – Т. 17, вып. 2. – С. 268–276.
61. Выготский, Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. – 361 с.
62. Гак, В. Г. Язык как форма самовыражения народа / В. Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры / отв. ред. В. Г. Гак. – М. : Наука, 2000. – С. 54–68.
63. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2004. – 862 с.
64. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., Наука, 1981. – 139 с.
65. Гензбур, С. Интервью / С. Гинзбург ; пер. с фр. В. Кислова, А. Петровой, Г. Соловьевой. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 320 с.
66. Геррес, Й. Афоризмы об искусстве / Й. Геррес // Эстетика немецких романтиков / сост. А.В. Михайлова; отв. ред. М. Ф. Овсянников. – М.: Искусство, 1990. – С. 17-121.
67. Горошко, Е. И. Гендерные исследования в языкознании (к проблеме становления метода) [Электронный ресурс] / Е. И. Горошко. – Режим

доступа: www.textology.ru/article.aspxald=83. (Дата обращения: 20 января 2009)

68. Горошко, Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма [Электронный ресурс] / Е. И. Горошко. – Режим доступа: www.textology.ru/article.aspx?ald=43. (Дата обращения: 20 января 2009)

69. Гофф, Ж. ле Цивилизация средневекового Запада / Ж. ле Гофф. – Сретенск : МЦИФИ, 2000. – 309с.

70. Грачев, А. П. Путь песенной поэзии. Ч. 2. Песенная поэзия [Электронный ресурс] / А. П. Грачев. – Режим доступа: www.slovoa.narod.ru/respoez/indez.htm. (Дата обращения: 14 апреля 2008)

71. Гриценко, Е. С. Становление гендерной лингвистики в контексте общего развития науки о языке : учеб. пособие для студентов и аспирантов / Е. С. Гриценко. – Н. Новгород : Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2007. – 121 с.

72. Гриценко, Е. С. Гендер в английской лингвокультуре / Е. С. Гриценко, А. О. Лалетина, М. В. Сергеева. – Н. Новгород : Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2008. – 218 с.

73. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие для вузов по спец. "Теория и методика преподавания ин. яз. и культур", рек. УМО / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. - 3-е изд., испр. – М. : Академия, 2006. – 331с.

74. Грязнова, В. М. Антропоцентрические аспекты в значении слова / В. М. Грязнова // Вестник ставропольского университета. – 1996. – Вып. 5. – С. 28–82.

75. Гудков, Д. Б. Прецедентные имена в языковом сознании и в дискурсе / Д. Б. Гудков // Доклады и сообщения российских ученых / Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. – Братислава, 1999. – С. 120-125.

76. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Погресс, 1984. – 373 с.

77. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978–1980.
78. Добровольский, Д. О. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности / Д. О. Добровольский, А. В. Кирилина // Гендер как интрига познания / А. Кирилина. – М. : Изд-во «Рудомино», 2000. – С. 19.
79. Женщина в исламе [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Женщина_в_исламе. (Дата обращения: 23 июня 2010)
80. Забелина, Н. А. Концепт «Культура» в сознании билингва / Н. А. Забелина // Картина мира и способы ее репрезентации : науч. докл. конф. «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апр. 2003 г., Курск) / ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. – Воронеж, 2003. – С. 60–65.
81. Залевская, А. А. «Образ мира» VS «Языковая картина мира» / А. А. Залевская // Картина мира и способы ее репрезентации : науч. докл. конф. «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апр. 2003 г., Курск) / ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. – Воронеж, 2003. – С. 41–47.
82. Иванова, И. А. Концепт *любовь* и его концептосфера в истории русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – М., 2006. – 201 с.
83. Иванова, С.В. Культурологический аспект языковых единиц. – Уфа: Изд. Башкирского ун-та, 2002. – 116с.
84. Ивин, А. А. Многообразный мир любви / А. А. Ивин // Философия любви / под общ. ред. Д. П. Горского ; сост. А. А. Ивин. – М., 1990. – Ч. 1. – С. 380–509.
85. Исаев, М. И. К вопросу взаимосвязи языка и культуры / М. И. Исаев // Вопросы филологии. – 2004. – № 2 (17). – С. 73–78.
86. Исмагулова, Г. К. Лингвокультурологический аспект гендерных отношений: сопоставительный аспект: на материале русского, немецкого и

- казахского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Г. К. Исмагилова. – Челябинск, 2005. – 183 с.
87. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с.
88. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 331 с.
89. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена. 2002. – 477 с.
90. Картушина, Е.А. Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации: дисс. ... канд.филол.наук по специальности 10.02.19. – Ижевск, 2003. – 175с.
91. Кибрик, А. Дискурс [Электронный ресурс] / А. Кибрик, П. Паршин // Онлайн Энциклопедия Кругосвет. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html#1008254-L-102. (Дата обращения: 30 мая 2008)
92. Кирилина, А. В. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс] / А. В. Кирилина. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=1038&numid=23>. (12 февраля 2009)
93. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М. : Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
94. Кирилина, А. В. Категория gender в языкознании / А. В. Кирилина // Женщина в Российском обществе. – 1997. – № 2. – С. 20.
95. Кирилина, А. В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах [Электронный ресурс] / А. В. Кирилина. – Режим доступа: www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina.htm. (12 февраля 2009)
96. Кирилина, А. В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации [Электронный ресурс] / А. В. Кирилина. – Режим доступа: www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina1.htm. (12 февраля 2009)

97. Клюкина, Ю. В. Гендерные стереотипы женской красоты в англоязычной художественной прозе XXI века / Ю. В. Клюкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2008. – Вып. 2, ч. II. – С. 38–43.
98. Колосова, О. А. Когнитивные основания языковых категорий (на материале современного английского языка): дис. ... д-ка филол. наук / О. А. Колосова. – М., 1996. – 356 с.
99. Кондратьева, О. Н. Гендерная характеристика концептов душа, сердце и ум в древнерусских текстах [Электронный ресурс] / О. Н. Кондратьева. – Режим доступа: www.sofik-rgi.narod.ru/avtori/konferencia/kondratieva.htm. (Дата обращения: 11 мая 2008)
100. Концептуализация и смысл / отв. ред. И. В. Поляков. – Новосибирск, 1990. – 192с.
101. Коран / пер.с араб., коммент. М.-Н. О. Османова. – 2-е изд., перераб., доп. – М. : Ладомир, 1999. – 926 с.
102. Космовская, М. Л. Музыка внеевропейских цивилизаций и стандарты специального профессионального образования (к проблеме освоения национальных звуковых систем) / М. Л. Космовская // Картина мира и способы ее репрезентации : науч. докл. конф. «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апр. 2003 г., Курск) / ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. – Воронеж, 2003. – С. 291–295. – (Сер. Научные доклады ; вып. 2).
103. Кошарная, С. А. В зеркале лексикона: введение в лингвокультурологию : учеб. пособие для студентов вузов по специальности 021700 – филология. – Белгород : Изд-во Белгород. ун-та, 1999. – 142 с.
104. Красавский, Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Н. А. Красавский. – Волгоград, 2001. – 507 с.
105. Краткий словарь когнитивных терминов / В. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац [и др.]. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.

106. Крейдлин, Г. Е. Женское и мужское невербальное интерактивное поведение (межкультурный аспект) / Г. Е. Крейдлин // Gender-Forschung In Der Slawistik : weitrage der Konferenz Gender – Sprache – Kommunikation – Kultur, 28 April bis 1 Mai 2001 / Institut für Slawistik, Friedrich Schiller-Universität Jena, Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband. – Wien, 2002. – С. 55–68.
107. Крейдлин, Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации: эмоциональный аспект (статья) // «Эмоции в языке и речи». М.: изд-во РГГУ. 2005. – С. 282—300.
108. Крюкова, Г. А. Концепт. Определение объема содержания понятия [Электронный ресурс] / Г. А. Крюкова. – Режим доступа: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/kryukova_10_59_128_135.pdf. (Дата обращения: 18 марта 2010)
109. Кузнецова, Л. Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Э. Кузнецова. – Краснодар, 2005. – 206 с.
110. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / В. А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
111. Кушнина, Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход : автореф. дис. ... док-ра филол. наук / Л. В. Кушнина. – Челябинск, 2004. – 32с.
112. Лакофф, Д. Женщины, огонь и другие опасные вещи : монография / Д. Лакофф. – Chicago: The University of Chicago Press, 1990. – 631с.
113. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Д. Лакофф, М. Джонсон ; под ред., предисл. А. Н. Баранова. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
114. Левова, И. Анализ проблемы любви: этимологический, историко-культурный, аксиологический [Режим доступа] / И. Левова, Л. Пашнина. – Режим доступа:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/lev_anprobl.php. (17 сентября 2009). (Дата обращения: 17 октября 2009)

115. Лейчик, В. М. Отношения между культурой и языком: общие функции / В. М. Лейчик // Вестник московского университета. – 2003. – № 2. – С. 17–29.

116. Лингвистика и культурология = Studi di lingua e culturologia : [к 50-летию проф. А. П. Лобанова] / МГУ им. М. В. Ломоносова, Фак. иностр. яз. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. – 506 с.

117. Лингвистика и поэтика : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1979. – 309 с.

118. Лингвистика текста и методика преподавания иностранного языка : сб.ст. / под ред. Н. В. Бессмертной. – Киев : Вища школа, 1981. – 174 с.

119. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–287.

120. Лобкова, Е. В. Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Лобкова. – Омск, 2005. – 288 с.

121. Логический анализ языка: культурные концепты / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – 203 с.

122. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1996. – 271 с.

123. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты / Отв.ред. А.А. Любимова. – Архангельск, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.

124. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

125. Манзуллина, З. А. Языковая категоризация гендерных стереотипов: сопоставительный аспект (на материале русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук / З. А. Манзуллина. – Уфа, 2005. – 174 с.

126. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

127. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. – 2-е изд., стер. – М. : Академия, 2004. – 208 с.
128. Мерзлякова, А. Х. Культурологический подход к анализу художественного текста / А. Х. Мерзлякова // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков / отв.ред. А.Х. Мерзлякова. – Ижевск, 2005. – Вып. 6. – С. 160–164.
129. Мерзлякова, А.Х. К проблеме исследований концепта / А.Х. Мерзлякова // Язык в проблемном поле гуманитаристики : монография / Т. С. Нифанова, О. А. Мельничук, А. Х. Мерзлякова [и др.]; Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Архангельск : Поморский университет, 2010. – С. 82–102.
130. Методология современной психолингвистики : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.
131. Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т. – 2001. – 182 с.
132. Михалев, А. Б. Общее языкознание. История языкознания: путеводитель по лингвистике : конспект-справ. / А. Б. Михалев. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 240 с.
133. Михальчук, И. П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») / И. П. Михальчук // ИАН СЛЯ. – 1997. – Т. 56, № 1. – С. 29–39.
134. Мухутдинова, Ф. Б. Концепт «Женщина» во французском языковом сознании (на материале афористики) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Ф. Б. Мухутдинова. – Москва : МГЛУ, 2006. – 157 с.
135. Мягкова, Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова : дис. ... д-ра филол. наук / Е. Ю. Мягкова. – М., 2000. – 247 с.
136. Нерознак, В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики

преподавания иностранных языков / отв. ред Н. Н. Болдырев – Омск, 1998. – с С. 80–85.

137. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое: книга для свободных умов / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. – М., 1990. – Т. 1. – С. 213–490.

138. Новое в зарубежной лингвистике: лингвистика текста / сост. и общ.ред. Т. М. Николаевой. – М. : Наука, 1976. – Вып. 8. – 360 с.

139. Образцы изучения лирики : учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 2 / сост.: Т. Л. Власенко, Д. И. Черашняя, В. И. Чулков. – Ижевск : Изд-во Удмурт. унта, 1997. – 303 с.

140. О любви и красотах женщин: трактаты о любви эпохи Возрождения / сост. В. П. Шестаков – М : Изд-во : Республика, 1992. – 368 с.

141. Палей, М. Long Distance, или Славянский акцент. Повести. Трилогия. Сценарные имитации. - М.: Вагриус, 2000. – 412 с.

142. Павлиненис, Р. И. Язык, смысл, понимание / Р. И. Павлиненис // Язык. Наука. Философия: логико-методологический и семиотический анализ : сб.ст. / Отв. ред. и сост. Р. И. Павлиненис. – Вильнюс, 1986. – С. 212–289.

143. Пещеров, А. Библейский образ женщины [Электронный ресурс] / А. Пещеров. – Режим доступа: http://life-for-god.org/page_id198. (Дата обращения: 15 апреля 2010)

144. Платон. Диалоги / Платон. – М. : Мысль, 1986. – 605 с. – (Сер. «Философское наследие» ; Т. 98).

145. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. / изд. подгот.: С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш; отв. ред. С. С. Аверинцев. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – 704 с.

146. Погорелко, А. М. Культурология и лингвистика: синтез теории и методов : учеб. пособие / А. М. Погорелко. – Уфа : РИО БАШГУ, 2006. – 84 с.

147. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во : Истоки, 2001. – 192 с.

148. Правда, В. Л. Женщины в библейской и античной культурах [Электронный ресурс] / В. Л. Правда. – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/324/image/324-139.pdf>. (Дата обращения: 11 ноября 2009)
149. Провоторов, В. И. Речевой жанр как функциональная норма организации содержания и языка произведения / В. И. Провоторов // Картина мира и способы ее репрезентации: науч. докл. конф. «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апр. 2003 г., Курск) / ред.: Л. И. Гришаева, М. К. Попова. – Воронеж, 2003. – С. 89–93.
150. Прохоров, Ю. Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» / Ю. Е. Прохоров // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. ст. / отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 2005. – Вып. 30. – С. 74–94.
151. Ранк, О. Эстетика и психология художественного творчества [Электронный ресурс] / О. Ранк. – Режим доступа: www.scorcher.ru/art/lira/doc7/php. (Дата обращения: 22 августа 2009)
152. Рапанович, А. Н. Фонетика французского языка: курс норматив. фонетики и дикции: (для фак. иностр. яз. и пединститутов) / А. Н. Рапанович. – Изд. 2-е, доп. – М.: Высш. шк., 1973. – 291 с.
153. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
154. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста / Отв. ред. В. П. Нерознак. – М.: Academia, 1997. – 320 с.
155. Руссо, Ж.-Ж. Избранные сочинения: В 3 т.: Т.1. Об искусстве и литературе / Сост., авт.вступ.ст. И. Е. Верцман. – М.: Гослитиздат, 1961. – 851с.
156. Ручина, Л. И. Место лингвокультурологии в ряду лингвистических дисциплин [Электронный ресурс] / Л. И. Ручина. – Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0196_West_filol_2000_1\(2\)/21.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0196_West_filol_2000_1(2)/21.pdf). (Дата обращения: 30 апреля 2008)

157. Самойлова, М. А. Взаимодействие слова и музыки [Электронный ресурс] : опыт анализа музыкал. произведения / М. А. Самойлова. – Режим доступа: www.festival.1september.ru/articles/520106. (Дата обращения: 15 марта 2008)
158. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Изд-во : Прогресс, 1993. – 656 с.
159. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла / Отв. ред. П. Серио. – М., 1999. – С. 12–53.
160. Сильман, Т. Заметки о лирике // Вопросы литературы. – 1969. – № 1. – С. 89–102.
161. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестник ВГУ, Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – С. 29–34.
162. Слышкин, Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г. Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред.: В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград, 2000. – С. 38–45.
163. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Изд-во РУДН, 2000. – 128 с.
164. Смит, С. Постмодернизм и социальная история на западе: проблемы и перспективы / С. Смит // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 154–161.
165. Смоленцева М.В. Эмоциональный концепт «любовь» в песенном дискурсе: на материале русского, немецкого и горномарийского языков: дисс. ... канд.филол.наук по специальности 10.02.20. – Чебоксары, 2009. – 217с.
166. Снитко, Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах / Т. Н. Снитко : автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 1999. – 32 с.

167. Солдатова, М. А. Понятие лингвокультурного концепта в лингвистических исследованиях / М. А. Солдатова // II Международные Бодуэновские чтения. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность : тр. и материалы (Казань, 11–13 дек. 2003г.) : в 2 т. / под общ. ред.: К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань, 2003. – Т. 2. – С. 110–112.
168. Соловьев, В. С. Смысл любви / В. С. Соловьев. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1991. – 524 с.
169. Сосновский, А. В. Лики любви: очерки истории половой морали / А. В. Сосновский. – М. : Знание, 1992. – 208 с.
170. Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. А. М. Сухотина ; под ред. Н. А. Слюсаревой ; послесл. Р. Энглера ; ввод. ст., примеч. Н. А. Слюсаревой. – М. : Логос, 1999. – 235 с.
171. Сотникова, Т. Особенности ритмико-фонетической организации песни [Электронный ресурс] /Т. Сотникова. – Режим доступа: <http://frgf.utmn.ru/last/No6/text5.htm>. (Дата обращения: 17 марта 2010)
172. Степанов, Ю. С. Константы : слов. рус. культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр., доп. – М. : Акад. проект, 2001. – 991 с.
173. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры. – 3-е изд. – М. : Акад. проект, 2004. – 990 с.
174. Стернин, И. А. Национальная специфика мышления и проблема лакуарности / И. А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и реализации / сб. научн. трудов : Тамбовский государственный университет. – Тамбов, 1998. – С. 22–31.
175. Стернин, И. А. Концепт и языковая семантика / И. А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и реализации: когнитивный аспект : сб. научн. трудов : Тамбовский государственный университет. – Тамбов, 1999. – Вып. 2. – С. 69–75.
176. Стернин, И. А. Концепты – предмет исследования какой науки? / И. А. Стернин // Языковое сознание: содержание и функционирование / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 239–340.

177. Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И. А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 65–69.
178. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.
179. Теоретическая фонетика французского языка : учеб. пособие / сост. В. Н. Бурчинский. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2006. – 181 с.
180. Тер-Минасова, С. Г. Личность, язык, культура / С. Г. Тер-Минасова // Современные теории и методики обучения иностранным языкам / под общ. ред.: Л. М. Федоровой, Т. И. Рязанцевой. – М. : Экзамен, 2004. – 320 с.
181. Толстой, Н. И. Язык и народная культура : очерки по славян. мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
182. Тхорик, В. И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / В. И. Тхорик, Н. Ю. Фанян. – 2 изд. – М. : ГИС, 2006. – 260 с.
183. Фейербах, Л. Избранные философские произведения. В 2 т. Т.1 / Л. Фейербах. – М., 1955. – 676 с.
184. Фигуровский, И. А. Основные направления в исследованиях синтаксиса связного текста / И. А. Фигуровский // Лингвистика текста : материалы науч. конф. / МГПИИЯ им. М. Горького. – М., 1974. – Ч. II. – С. 108–115.
185. Фирсова, Н. М. Современный испанский язык в Испании и в странах Латинской Америки : учеб. пособие / Н. М. Фирсова. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2005. – 352 с.
186. Фичино, М. Комментарий на «Пир» Платона / Марсилио Фичино // Эстетика Ренессанса; Антология. В 2-х т. Т. 1. – М.: Искусство, 1981. – С. 139–241.
187. Фофин, А. И. Репрезентация фрейма «любовь» во французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / А. И. Фофин. – Иркутск : ИГЛУ, 2004. – 194 с.

188. Фрейд, З. Введение в психоанализ [Электронный ресурс] / З. Фрейд. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freyd/index.php. (Дата обращения: 2 мая 2008)
189. Фразеология в контексте культуры / под ред. В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 336 с.
190. Фромм Э., Искусство любви : Исследование природы любви / Пер.с англ. Л.А.Чернышевой. – Мн. : ТПЦ "Полифакт", 1991. – 77 с.
191. Фрумкина, Р. М. Лингвистика в поисках эпистемологии / Р. М. Фрумкина // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы : тез. междунар. конф. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – Т. II. – С. 174–187.
192. Фуртай, Ф. В. Образ женщины в современной массовой культуре [Электронный ресурс] / Ф. В. Фуртай. – Режим доступа: http://antropotopos.ru/Article/2_June/3_Furtai.rtf. (Дата обращения: 17 ноября 2009)
193. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне : двенадцать лекций / Ю. Хабермас ; пер. с нем. : М. М. Беляева, К. В. Костина, И. В. Розанова ; науч. ред. Е. Л. Петренко ; послесл. Е. Л. Петренко. – М. : Весь Мир, 2008. – 414 с.
194. Харрис, З. Дискурс-анализ [Электронный ресурс] / З. Харрис. – Режим доступа:http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html#1008254-L-103. (Дата обращения: 12 августа 2008)
195. Холодная М.А. Интегральные структуры понятийного мышления. Томск : Изд-во: ТГУ, 1983. – 189 с.
196. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособие / А. Т. Хроленко ; под. ред. В. Д. Бондалетова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 184 с.
197. Хроленко, А. Т. Теория языка : учеб. пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов ; под ред. В. Д. Бондалетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 528 с.

198. Хутова, Э. Р. Концепты любовь и ненависть в русском и английском языках [Электронный ресурс] / Э. Р. Хутова. – Режим доступа: www.vestnik.adygnet.ru/files/2008.2/678/Khutova2008_2.pdf. (Дата обращения: 11 января 2010)
199. Цицерон. Философские трактаты / Цицерон ; пер. М. И. Рижского ; отв. ред., сост. и вступ. ст. Г. Г. Майорова. – М. : Наука, 1985. – 384 с. – (Сер. «Памятники философской мысли»).
200. Чесноков, П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления / П. В. Чесноков. – М. : Изд-во «Таганрогский государственный педагогический институт», 1967. – 173 с.
201. Чибышева, О. А. Концепт "Женщина" в русской и английской фразеологии : на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Челябинск, 2005. – 250с.
202. Чибышева, О. А. Концептуальный аспект внешности женщины (на материале предметных фразеологизмов русского языка) / О. А. Чибышева // Гуманитарные исследования : ежегодник : межвуз. сб. науч. тр. / Омский государственный педагогический университет. – Омск, 2004. – Вып. 9. – С. 224–227.
203. Шафиков, С. Г. Категории и концепты в лингвистике / С. Г. Шафиков // Вопросы языкознания. – 2007. – № 3. – С. 3–17.
204. Шаховский, В. И. Лингвистика эмоций / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 7–13.
205. Шестаков, В. Эрос и культура: философия любви и европейское искусство [Электронный ресурс] / В. Шестаков. – Режим доступа: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/shest/index.php. (Дата обращения: 22 ноября 2009)
206. Шишигина, О. Ю. Объективация концепта «женщина» в английской фразеологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Шишигина. – Барнаул, 2003. – 21 с.

207. Шопенгауэр, А. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 287 с.
208. Шопенгауэр, А. Введение в философию ; Новые паралипомены ; Об интересном : сборник / А. Шопенгауэр. – Минск : Попурри, 2000. – 416 с.
209. Шпенглер, О. Закат Европы : очерки морфологии мир. истории / О. Шпенглер ; авт. вступ. ст. А. П. Дубнов ; авт. коммент. Ю. П. Бубенков и А. П. Дубнов. – Новосибирск : Наука, Сибир. издат. фирма, 1993. – 592 с.
210. Штелинг, Д. А. Грамматическая семантика английского языка / Д. А. Штелинг. – М. : МГИМО, 1996. – 254 с.
211. Шутина, В. Н. Сопоставительный анализ бинарной оппозиции «мужчина-женщина» в русской и французской пословичных картинах мира / В. Н. Шутина // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 62. – С. 92–98.
212. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе: общие вопросы методики / Л. В. Щерба ; под ред. И. В. Рахманова. – Изд. 2-е. – М. : Высш. шк., 1974. – 112 с.
213. Эйхенбаум, Б. М. Мелодика русского лирического стиха / Б. М. Эйхенбаум // О поэзии / Б. М. Эйхенбаум. – Л., 1969. – С. 329.
214. Язык-дискурс-текст : межвуз. сб. науч. тр. Вып.1 / Учеб.-метод.об-ние "Santa lingua". – Ижевск, 1998. – 133 с.
215. Языковая личность : лингвокультурология, лингводидактика, лексикография / под ред.: В. В. Воробьева, Л. Г. Саяховой. – Уфа : РИО БашГУ, 2002. – 252 с.
216. Якобсон, Р.О. Избранные работы / Р.О. Якобсон ; сост. В. А. Звегинцев; под общ. ред. В. А. Звегинцева; предисл. В. В. Иванова. – М. : Прогресс, 1985. – 454с.
217. Aspects interculturels de l'enseignement du français chez les apprenants russes [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: <http://www.fmglu.wladimir.ru>. (Дата обращения: 28 июня 2009)

218. Desirat, C. La langue française au XX siècle / C. Desirat, T. Hordé. – Paris : Hachette, 1976. – 251 p.
219. Dufays, J.-L. Le stéréotype, un concept-clé pour lire, penser et enseigner la littérature [Электронный ресурс] / J.-L. Dufays – Режим доступа: <http://www.marges-linguistiques.com>. (Дата обращения: 4 июня 2009)
220. Mernessi, F. The Forgotten Queens of Islam = Sultanes oubliées / F. Mernessi. – Minnesota : University of Minnesota Press, 2006. – 208 с.
221. Houdebine, A.-M. Insécurité linguistique, imaginaire linguistique et féminisation des noms de métiers // Les Femmes et la langue, l'insécurité linguistique en question. – Lausanne : Delachaux et Nestlé, 1998. – P. 155–176.
222. Labow, B. Variation in language / B. Labow // Carrol E. Reed. The Learning of language. National Council of Teachers of English. – New York, 1971. – P. 187–221.
223. Marque-Pucheu, Ch. Quelques composantes linguistiques et culturelles du FLE / Ch. Marque-Pucheu // Approche des publics en apprentissage du français. – Noisy le Sec, 2006. – P. 2–15.
224. Moise, C. Pratiques langagières des banlieus: où sont les femmes ? / C. Moise // Enjeux – 2002. – № 128. – P. 46–60.
225. Van Dijk, T. Ideology: A Multydisciplinary Approach [Электронный ресурс] / T. Van Dijk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>. (Дата обращения: 23 сентября 2008)
226. Wareign, S. What do we know about language and gender? / S. Wareign // Paper presented at eleventh sociolinguistics symposium, September 5–7. – Cardiff, 1996. – P. 47-53.

СЛОВАРИ

1. Большой толковый словарь русского языка/ Гл.ред. С.А. Кузнецов. – Спб.: Коринт, 2001. – 1536 с.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 9. Л – Медь / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. К. С. Горбачевич ; ред. : Л. И. Балахонова, В. П. Фелицына. – М., СПб. : Наука, 2007. – 658 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : [В 4 т.]. Т.1. А-З / Владимир Даль; – М. : Рус.яз., 1989. – 699 с.
4. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова и др. ; под ред. В. Г. Гака. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русс. яз. – Медиа, 2006. – 1624 с.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: "Азбуковник", 1998. – 762 с.
6. Словарь гендерных терминов/ Ред. А. А. Денисова; Регион.обществ.организация «Восток Запад» : Женские Инновац. проекты. – М.: Информация-XXIв., 2004. – 255 с.
7. ФЭС : Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 574 с.
8. Энциклопедический словарь по культурологии /Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. А. А. Радугина. – М.: Центр, 1997. – 477 с.
9. Dictionnaire Hachette. – Paris : Hachette livre, 2007. – 1858 p.
10. Dictionnaire des Synonymes. – Paris : Hachette Education, 2008. – 631 p.
11. Le petit Larousse grand format : en couleur. Paris: Hachette, 2007. – 1929 p.
12. Shipley, J. T. Dictionary of World Literature : Criticism, Forms, Technique. The Philosophical Library. – New York : Philosophical Library, 1943. – 690 p.

13. Trésor de la langue française. Dictionnaires de la langue française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lexilogos.com/francais_langue_dictionnaires.htm. (Дата обращения: 17 февраля 2010)

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Achard, M. Voulez-vous jouer T. 1 / M. Achard. – Paris, 1924. – 258 p.
2. Baudelaire, Ch. Mon coeur mis a nu. – Paris, 1867. – 354 p.
3. Bergson, H. Les Deux sources de la morale et de la religion. – Paris, 1932. – 425 p.
4. Bernanos, G. Mauvais rêve. – Paris, 1948. – 1003 p.
5. Biran, M. de Journal. – Paris, 1819. – 320 p.
6. Bourget, P. Nouveaux essais psychologiques. – Paris, 1885. – p. 217 p.
7. Colette, S. Claudine à l'école. – Paris, 1900. – 167 p.
8. Chardonne, J. Epithalame. – Paris, 1921. – 411 p.
9. Chateaubriand, F.-R. Génie, t.1. – Paris, 1803. – 470 p.
10. Courier, P.-L. Pamphlets politiques, Simple discours a l'occasion d'une souscription pour l'acquisition de Chambord. – Paris, 1821. – 128 p.
11. Duhamel, G. Confession de minuit. – Paris, 1920. – 231 p.
12. Gainsbourg, S. 250 chansons [Электронный ресурс] / S. Gainsbourg. – Режим доступа : www.gainsbourg.org/vrsn3/html/lyrics/paroles-chansons-gainsbourg.html. (Дата обращения: 05 июня 2009)
13. Goncourt, E. de Journal. – Paris, 1884. – p. 392 p.
14. Goncourt, E. de Charles Demailly. – Paris, 1860. – p. 225 p.
15. Flaubert, G. Correspondance. – Paris, 1846. – p. 286 p.
16. Flaubert, G. L'éducation sentimentale. – Paris, 1845. – 395 p.
17. France, A. La vie littéraire. – Paris, 1892. – 372 p.
18. Hugo, V. Lucrezia Borgia. – Paris, 1833. – 247 p.
19. Hugo, V. Les Misérables, t. 1. – Paris, 1862. – 470 p.
20. Hugo, V. Lettres fiancée. – Paris, 1822. – 324 p.
21. Marat, J.-P. Pamphlets. Charlatans. – Paris, 1791. – 290 p.
22. Martin, G. du Les Thibault, été '14. – Paris, 1936. – 430 p.
23. Meilhan, S. de L'imigré. – Paris, 1797. – 260 p.
24. Michelet, J. Journal. – Paris, 1837. – 275 p.

25. Michelet, J. Peuple. – Paris, 1846. – 300 p.
26. Michelet, J. Journal. – Paris, 1859. – 475 p.
27. Montherlant, H. de Le Demon du bien. – Paris, 1837. – 1450 p.
28. Morand, Ch. New-York. – Paris, 1930. – 100 p.
29. Musset, A. de Le Chandelier. – Paris, 1840. – 160 p.
30. Pagnol, M. Le temps des amours. – Paris : Editions de Fallois, 2004. – 255 p.
31. Renan, E. Drames philosophiques. – Paris, 1888. – 740 p.
32. Saint-Martin, L.-C. de L’homme de désir. – Paris, 1790. – 463 p.
33. Sand, G. Histoire de ma vie, t.2. – Paris, 1855. – 370 p.
34. Stendhal, M-H. De l’amour. – Paris, 1822. – 249 p.
35. Vailland, R. Drôle de jeu. – Paris, 1945. – 180 p.
36. Zola, E. L’Argent. – Paris, 1891. – 230 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

**ОТРАЖЕНИЕ СТРУКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА
«ЛЮБОВЬ» В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ СЕРЖА ГЕНСБУРА**

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ СЕРЖА ГЕНСБУРА
ЯДРО	
<p>AMOUR AMOUREUX(-SE) AIMER AMANT(-E)</p>	<p>AMOUR, AIMER (AIME, AIMES, AIMONS, AIMEZ, AIMENT), AMANT(-E), AMOUREUX(-SE)</p>
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ ПЕРВОГО ПОДУРОВНЯ	
<p>flirt, amourette, s'éprendre, chérir, se passionner, épris(-e), cher(-ère), raffoler, s'embrasser, s'enamourer, sentimental(-e), sentiment, ami(-e), voluptueux(-euse), érotique, sensuel(-e), aimable, sexuel(-e), amical, amitié.</p>	<p>amourette(-s), s'embrasser, sentiment(-s), ami(-e,-s), érotique, sensuel(-le).</p>
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ ВТОРОГО ПОДУРОВНЯ	
<p>attachement, goûter, fou, caressant, enflammé, tendresse, inclination, désir, désirer, idolâtrer, s'amouracher, se plaire, langoureux, lascif, adorateur, entiché, ardeur, toquade, passade, fantaisie, enthousiasme, intrigue.</p>	<p>fantaisie</p>
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<p>passion, affection, affectueux, fervent(-e), adoration, galanterie, dévotion, se toquer, admiration, câlin, caprice, salace, coeur, fanatisme, alanguie, liaison, infatué,</p>	<p>passion, caprice, coeur, salace, feu, liaison + (контекстуальные синонимы): boomerang, douleur, paradis, haine, bonheur, beauté, sympathie, antipathie.</p>

bagatelle, chipé, feu.

Приложение 2.

**ОТРАЖЕНИЕ СТРУКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА
«ЖЕНЩИНА»
В ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ СЕРЖА ГЕНСБУРА**

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ СЕРЖА ГЕНСБУРА
ЯДРО	
femme, être humain de sexe féminin, femme nubile, femme féconde;	elle (elles);
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ 1	
mère, épouse, légitime, bobonne, conjointe, compagne , moitié, maman, vieille fille, veuve, célibataire etc;	compagne(-s);
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ 2	
femme d'affaire, femme de ménage, femme de chambre; amante, maîtresse, frangine, nana , femelle, concubine, donzelle, femelle etc;	nana(-s);
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
fille , jeune fille, demoiselle, dame, nenette, matrone, mousmé, mémère; égérie, muse, fille d'Eve; créature, alter ego, personne; le beau sexe , sexe charmant, sexe faible etc;	fille(-s), sexe + (индивидуальные наименования женщины и имена собственные): Juliette, Margo, Annie, Lulu, Marilou, Manon, Anne, Jérémie, Melody, Samantha, Baby Lou, Evelyne, Bambou, Marylin, Kate, Elisa, Zazie;

Приложение 3.

**ОТРАЖЕНИЕ ВИДОВ ЛЮБВИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»
В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ СЕРЖА ГЕНСБУРА**

ВИДЫ ЛЮБВИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	ВИДЫ ЛЮБВИ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ СЕРЖА ГЕНСБУРА
<ul style="list-style-type: none"> • ДРУЖЕСКОЕ ЧУВСТВО; • АКТ ПОКЛОНЕНИЯ; • МИМОЛЕТНОЕ ЧУВСТВО; • СЕКСУАЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ; • БЕЗУМНАЯ СТРАСТЬ; • СОЮЗ ДВУХ ЛЮДЕЙ; • ВОЗВЫШЕННОЕ ЧУВСТВО; • ПРОЩЕНИЕ; • ВООДУШЕВЛЕНИЕ; • МИФОЛОГИЧЕСКИЙ/БОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ; 	<ul style="list-style-type: none"> • AMOUR COMME UN SENTIMENT FORT (ЛЮБОВЬ КАК СИЛЬНОЕ ЧУВСТВО) • AMOUR SANS AMOUR (ЛЮБОВЬ БЕЗ ЛЮБВИ) • AMOUR DE COLLÈGE (ШКОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ) • AMOUR AU HASARD (СЛУЧАЙНАЯ ЛЮБОВЬ) • AMOUR-TRISTESSE (ЛЮБОВЬ-ГРУСТЬ) • AMOUR-SÉDUCTION (ЛЮБОВЬ-СОБЛАЗНЕНИЕ) • AMOUR-SUICIDE (ЛЮБОВЬ-СУИЦИД) • AMOUR PLATONIQUE (ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ) • AVEUGLE AMOUR (СЛЕПАЯ ЛЮБОВЬ)

Приложение 4.

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ И В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ СЕРЖА ГЕНСБУРА

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНЩИНЫ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ СЕРЖА ГЕНСБУРА
<ul style="list-style-type: none"> • <i>Mère, épouse</i> (Мать, жена); • <i>Femme du point de vue de sa race: métice, noire, créole, gitan etc.</i> (Женщина сточки зрения ее происхождения); • <i>Jeune femme, femme mûre, femme d'un certain âge</i> (Девушка, зрелая женщина, женщина неопределенного возраста); • <i>Femme religieuse</i> (Женщина с точки зрения религии); • <i>Femme de la société, femme bourgeoise</i>(женщина из высшего общества); • <i>Femme déclassée</i> (женщина из низших слоев общества); • <i>Femme indépendante, qui gagne sa vie</i> (независимая женщина); • <i>Femme de travail</i> (женщина-рабочая); • <i>Femme comme un objet sexuel</i> женщина как сексуальный объект); 	<ul style="list-style-type: none"> • Животное/птица; • Женщина с точки зрения ее национальности, происхождения; • Флора; • Тип ландшафта; • Божественное существо; • Наркотик; • Сладость; • Любовница, проститутка, любимая женщина;